
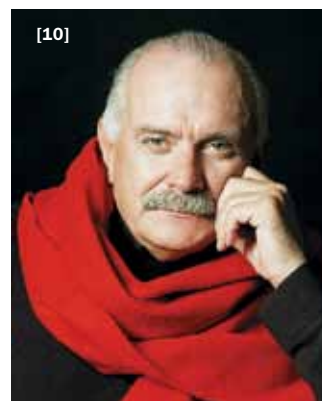
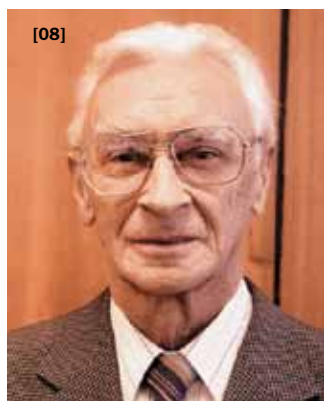

ОТ БУНИНА ДО ЕСЕНИНА

ИВАН БУНИН СТАЛ ПЕРВЫМ РУССКИМ ПИСАТЕЛЕМ, удостоенным Нобелевской премии по литературе. Сколь ни удивительным это покажется применительно к великой литературе великой страны, с тех пор лишь четверо ее представителей были удостоены такой же чести: Борис Пастернак (1958 год), Михаил Шолохов (1965 год), Александр Солженицын (1970 год), Иосиф Бродский (1987 год). Из пятерых лауреатов лишь один был в момент присуждения премии обласкан родиной, ее народом, ее правителями. Остальные, как и Бунин, были либо во внутренней, либо во внешней эмиграции. Впрочем, и Михаил Шолохов по какой-то загадочной причине хранил литературное молчание многие десятилетия, словно не найдя в себе истоков гармонии нового слова. Либо же не рискнув, уже по общественным соображениям, обратиться к истокам иным, столь привычным многим великим русским писателям. Истокам, коренившимся в их драматическом конфликте с окружающей российской действительностью. Неужто заданность такого конфликта Таланта и Жизни, Поэта и Власти – это столь уж неперемнная черта русской культуры, чаще встречающаяся именно на наших просторах, нежели на окультуренных иностранных? Неужто гонения – а то и травля талантов – есть рутинная забава властей предрержащих? И почему мы так любим восхвалять при жизни гонимых уже потом, после их смерти и после уже всемирного их признания? Что такое у нас все время происходит, что не дает столь удручающе многим людям – нестандартным, свободным в мыслях и действиях – жить и работать в гармонии со средой обитания? От ответа на этот вопрос зависит не только наш прогресс, наша модернизация и, как сейчас стало рутинно-модно говорить, наши инновации, но и само сохранение русской культуры и русской цивилизации в широком смысле этого слова. Мы в своих культурных исканиях, гонениях, отрицаниях, запретах и заигрываниях художников и власти, власти и художников так долго метались между двумя «крайностями» – от уехавшего, сбежавшего без примирения в душе с происходящим на родине Бунина (условно) до спившегося, не сбежавшего, но не нашедшего себя на родине Есенина, – что пора бы нам сосредоточиться на некоей, прости господи, компромиссной, золотой середине. Если таковую мы в себе еще окончательно не затоптали.

ВЕРБИЦКАЯ ЛЮДМИЛА АЛЕКСЕЕВНА
 Председатель попечительского совета, президент Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы, президент Санкт-Петербургского государственного университета [01]

ЧЛЕНЫ ПОПЕЧИТЕЛЬСКОГО СОВЕТА

БОГДАНОВ СЕРГЕЙ ИГОРЕВИЧ
 Председатель наблюдательного совета Российского общества преподавателей русского языка и литературы, проректор Санкт-Петербургского государственного университета [02]

ДЗАСОХОВ АЛЕКСАНДР СЕРГЕЕВИЧ
 Председатель комиссии Совета Федерации по культуре, заместитель председателя комиссии Российской Федерации по делам ЮНЕСКО [04]

ИГНАТЕНКО ВИТАЛИЙ НИКИТИЧ
 Генеральный директор ИТАР – ТАСС [06]

ЛАВРОВ СЕРГЕЙ ВИКТОРОВИЧ
 Министр иностранных дел Российской Федерации [09]

ВИНОКУРОВ СЕРГЕЙ ЮРЬЕВИЧ
 Начальник Управления Президента Российской Федерации по межрегиональным и культурным связям с зарубежными странами [03]

ДОБРОДЕЕВ ОЛЕГ БОРИСОВИЧ
 Генеральный директор ФГУП «Всероссийская государственная телевизионная радиовещательная компания» [05]

ИЛАРИОН (АЛФЕЕВ ГРИГОРИЙ ВАЛЕРИЕВИЧ)
 Митрополит Волоколамский, председатель Отдела внешних церковных связей Московского патриархата [07]

МИХАЛКОВ НИКИТА СЕРГЕЕВИЧ
 Президент Российского фонда культуры [10]

КОСТОМАРОВ ВИТАЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
 Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина [08]

МУХАМЕТШИН ФАРИТ МУБАРАКШЕВИЧ
 Руководитель Федерального агентства по делам СНГ, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству («Россотрудничество») [11]

**НИКОНОВ
ВЯЧЕСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Исполнительный директор
правления фонда «Русский
мир», президент фондов
«Политика», «Единство
во имя России» [17]

**НАРОЧНИЦКАЯ
НАТАЛИЯ АЛЕКСЕЕВНА**
Президент Фонда истори-
ческой перспективы, глава
отделения Некоммерческо-
го фонда «Институт демо-
кратии и сотрудничества»
в Париже [12]

**ПИОТРОВСКИЙ
МИХАИЛ БОРИСОВИЧ**
Директор ФГУК «Государ-
ственный Эрмитаж» [13]

**ФУРСЕНКО
АНДРЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ**
Министр образования
и науки Российской
Федерации [14]

**ЮРКОВ
ЕВГЕНИЙ ЕФИМОВИЧ**
Заместитель генерального
секретаря Международной
ассоциации преподава-
телей русского языка и
литературы, заведующий
кафедрой филологического
факультета СПбГУ [15]

**ЯКУНИН
ВЛАДИМИР ИВАНОВИЧ**
Президент ОАО «Россий-
ские железные дороги»,
председатель попечитель-
ского совета Фонда Андрея
Первозванного и Центра
национальной славы [16]

**МОРГУНОВ
СЕРГЕЙ ЕВДОКИМОВИЧ**
Первый заместитель
исполнительного
директора правления
фонда «Русский мир» [18]

**КАЛИНА
ИСААК ИОСИФОВИЧ**
Заместитель министра
Министерства
образования и науки
Российской Федерации [19]

**ПРОКОФЬЕВ
ПАВЕЛ АЛЕКСЕЕВИЧ**
Заместитель директора
департамента
Генерального секретариата
МИД Российской
Федерации [20]

**ШАРКОВ
АНАТОЛИЙ СЕРГЕЕВИЧ**
Начальник департамента
Референтуры Президента
Российской Федерации [21]

СОСТАВ ПРАВЛЕНИЯ ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

РУССКИЙ МИР

- 06 | Мы всем расскажем о Москве...
- 09 | Живой архив
- 10 | Мосты, сближающие народы
- 12 | «Россию в Индии воспринимают как своего настоящего друга»

РУССКИЙ ЯЗЫК

- 16 | Русский язык в Грузии становится роскошью
- 20 | Если кто-то мне ответит...

СИТУАЦИИ

- 23 | Блуждающий «Унисон»
- 30 | Гражданство не предлагать
- 34 | Сердце Надежды

НАСЛЕДИЕ

- 40 | Истоки
- 46 | Бунин 3D

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

- 50 | Трезвый Есенин

ИСТОРИЯ

- 55 | В селе стояли гарнизоном

ПАМЯТЬ СЕРДЦА

- 64 | Лагерь №27

ЛЮДИ И ВРЕМЯ

- 70 | Крестом и мотоциклом
- 74 | Страшно интересно
- 78 | Родом из «кузнецовки»

[64]

74

ИТАР-ТАСС

ПУТЕШЕСТВИЕ

82 | Русская
Финляндия

ДИАСПОРА

88 | Иранские
портреты

ВЗГЛЯД

94 | Чуткий хулиган-
алкоголик
с хвостом
и рогами

[88]

АЛАМУ/PHOTAS

Фонд «Русский мир»

Исполнительный директор
правления фонда «Русский мир»
Вячеслав НИКОНОВ

Главный редактор,
руководитель информационно-
издательского управления
Георгий БОВТ

Шеф-редактор
Лада КЛОКОВА

Арт-директор
Дмитрий БОРИСОВ

Заместители главного редактора:
Евгений ВЕРЛИН
Елена КУЛЕФЕЕВА

Фоторедактор
Нина ОСИПОВА

Литературный редактор и корректор
Елена МЕЩЕРСКАЯ

Распространение и реклама
Ирина ГРИШИНА
(495) 980-25-60

Над номером работали:
Алла БЕРЕЗОВСКАЯ
Михаил БЫКОВ
Екатерина ГЛЕБОВА
Владимир ЕМЕЛЬЯНЕНКО
Ирина ЛУКЬЯНОВА
Оксана ПРИЛЕПИНА
Евгений РЕЗЕПОВ
Любовь РУМЯНЦЕВА
Денис ТЕРЕНТЬЕВ
Наталья ШЕРГИНА
Евгений ЩЕПИН

Верстка и допечатная подготовка
ООО «Издательско-полиграфический центр
«Гламур-Принт»
www.glamourprint.ru

Отпечатано в типографии
ООО ПО «Периодика»
Москва, Гарднеровский пер., 3, стр. 4

Тираж 12 000 экз.

Адрес редакции:
119285 Москва,
ул. Мосфильмовская, 40а
Телефон: (495) 981-54-04
Электронный адрес:
ek@russkiymir.ru

Свидетельство о регистрации
ПИ №ФС77-30492
от 19 ноября 2007 года

Редакция не рецензирует рукописи
и не вступает в переписку

Фото на обложке
предоставлено М. Золотаревым

МЫ ВСЕМ РАССКАЖЕМ О МОСКВЕ...

«СПАСИБО ВАМ ЗА ТО, ЧТО ВЫ СДЕЛАЛИ НАС ЧАСТЬЮ РУССКОГО МИРА, ПРЕДОСТАВИЛИ ЗАМЕЧАТЕЛЬНУЮ ВОЗМОЖНОСТЬ ПОБЫВАТЬ НА ВЕЛИКОЙ РУССКОЙ ЗЕМЛЕ И ОЩУТИТЬ БЕЗГРАНИЧНОСТЬ РУССКОЙ ДУШИ!» – ТАКУЮ ЗАПИСЬ ОСТАВИЛ В «ГОСТЕВОЙ КНИГЕ» ПРОГРАММЫ «СТУДЕНТ РУССКОГО МИРА-2010» ЕНЧО ТИЛЕВ ИЗ БОЛГАРИИ. 50 СТУДЕНТОВ-РУССИСТОВ ИНОСТРАННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ ИЗ 21 СТРАНЫ В ТЕЧЕНИЕ ТРЕХ НЕДЕЛЬ СЕНТЯБРЯ ПРОХОДИЛИ СТАЖИРОВКУ В ГОСУДАРСТВЕННОМ ИНСТИТУТЕ РУССКОГО ЯЗЫКА ИМ. А.С. ПУШКИНА.

ПРОГРАММА «СТУДЕНТ РУССКОГО МИРА» была разработана и реализована в 2010 году управлением образовательных программ и проектов фонда «Русский мир» в партнерстве с Государственным институтом русского языка им. А.С. Пушкина (Гос. ИРЯ).

«Сначала мы создали концепцию будущей программы, а затем начали работать с нашими партнерами: писали письма в иностранные университеты, помогали ребятам с получением виз, готовили программу курсов, – рассказывает руководитель управления образовательных программ и проектов фонда «Русский мир» Ирина Степанова. – Наконец, 31 августа мы встретились в Москве. Студенты были размещены и устроены в общежитии института, затем прошли тестирование на знание языка и были торжественно посвящены в «Студенты Русского мира». Ну а потом начались три недели занятий. И, конечно, главным для ребят было ежедневное общение на русском языке. Занятия «Студентов Русского мира» в Гос. ИРЯ начались в День знаний – 1 сентября. В торжественной церемонии открытия стажировки в институте принимали участие первый заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Моргунов, президент Гос. ИРЯ Виталий Костомаров, ректор Гос. ИРЯ Юрий Прохоров, а также представители фонда, преподаватели и студенты института. Группа подобралась в полном смысле слова интернациональная: ребята приехали из Болгарии, с Украины, из Италии, Латвии, Кении, Афганистана, Южной Кореи, Ливана, Монголии, Вьетнама и многих других стран. Как признавались сами студенты: «Русский язык учить сложно, но интересно». То, что им было действительно интересно, стало ясно на торжественной церемонии закрытия первой международной стажировки в рамках программы «Студент Русского мира», состоявшейся 17 сентября в Московском Доме общественных организаций. Ребята основательно подготовились. Присутствующим на церемонии сотрудникам и главам иностранных посольств, представителям фонда «Русский мир» и преподавателям Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина были продемонстрированы миниатюрные театральные сценки – «У меня зазвонил телефон»

денты были размещены и устроены в общежитии института, затем прошли тестирование на знание языка и были торжественно посвящены в «Студенты Русского мира». Ну а потом начались три недели занятий. И, конечно, главным для ребят было ежедневное общение на русском языке. Занятия «Студентов Русского мира» в Гос. ИРЯ начались в День знаний – 1 сентября. В торжественной церемонии открытия стажировки в институте принимали участие первый заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Моргунов, президент Гос. ИРЯ Виталий Костомаров, ректор Гос. ИРЯ Юрий Прохоров, а также представители фонда, преподаватели и студенты института. Группа подобралась в полном смысле слова интернациональная: ребята приехали из Болгарии, с Украины, из Италии, Латвии, Кении, Афганистана, Южной Кореи, Ливана, Монголии, Вьетнама и многих других стран. Как признавались сами студенты: «Русский язык учить сложно, но интересно».

То, что им было действительно интересно, стало ясно на торжественной церемонии закрытия первой международной стажировки в рамках программы «Студент Русского мира», состоявшейся 17 сентября в Московском Доме общественных организаций. Ребята основательно подготовились. Присутствующим на церемонии сотрудникам и главам иностранных посольств, представителям фонда «Русский мир» и преподавателям Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина были продемонстрированы миниатюрные театральные сценки – «У меня зазвонил телефон»

Сергей Моргунов,
первый заместитель
исполнительного
директора
правления фонда
«Русский мир»

и «Колобок». Причем в последней роли деда и бабы живо исполнили преподаватели Гос. ИРЯ. А одна из студенток – Рана Наср из Ливана – прочитала свои собственные стихи, посвященные Москве (надо сказать, что и в «Гостевой книге» программы Рана оставила стихотворную благо-

дарность). Кроме того, студенты читали стихи Пушкина, а затем все собрались на сцене и исполнили «Песню о Москве», особо выделяя прекрасно известные всем строки: «И в какой стороне я ни буду, / По какой ни пройду я траве, / Друга я никогда не забуду, / Если с ним подружился в Москве».

Особым сюрпризом для студентов стало то, что свидетельства о прохождении стажировки в Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина им вручали советник по культуре, директор Венгерского культурного центра Иштван Надь, начальник отдела образования посольства Итальянской Республики Карло Даволи, чрезвычайный посланник в ранге посла Республики Польша Томаш Туровский, директор Московского офиса Корейского фонда Лим Чол Ву, первый советник посольства Республики Кения Камау Питер Вамуньи, атташе по культуре посольства Аргентинской Республики Маркус Беднарски, чрезвычайный и полномочный посол Монголии в России Долоонжин Идэвхтэн, второй секретарь посольства Монголии в России Баярхуу Жигжидсүрэн, второй секретарь посольства Республики Болгария Вера Шатилова, первый заместитель исполнительного

«CON AMOR PARA RUSIA!» – «РОССИИ – С ЛЮБОВЬЮ!»

Вот какие еще записи оставили ребята в «Гостевой книге» «Студентов Русского мира»:

«Я благодарна «Русскому миру» за возможности изучать русский язык и познакомиться с людьми из многих стран. Я люблю Москву и русский язык. Огромное спасибо тем, которые организовали стажировку. Наконец-то я побывала в Москве. Это был мой первый раз и, надеюсь, не последний. Все было прекрасно! Я тоже благодарна преподавателям за помощь. Мы все будем скучать по Москве. Пока. До скорого! Сильвия (Италия)».

«Я благодарю «Русский мир», что они пригласили нас. Для меня было очень интересно, особенно экскурсия, когда мы ехали в Кремль. Я был на ВДНХ. Для меня мемориальный музей космонавтики был очень интересным. Мне очень понравился. И вообще я люблю Россию и обещаю, что я буду хорошо говорить, читать и писать по-русски. Спасибо, «Русский мир». Арян Сафиулла (Афганистан)».

«Благодарю фонд «Русский мир» за возможность приехать в Россию. Курс был действительно прекрасный, лекции очень интересные. Я не только много учил, я тоже дружил с замечательными людьми. Знаю, что когда-нибудь вернусь, потому что опыт был такой прекрасный, что три недели не было достаточно. Спасибо вам за все. Давид (Аргентина)».

«Мне очень нравится программа «Русского мира». Спасибо большое! Алем Мелесе (Эфиопия)».

«Все, что я видел, поразило меня, я влюбился в Москву. Скоро вернусь, вернусь опять. Китунду (Кения)».

«Русский мир», спасибо большое, что вы помогли мне воплотить мою мечту в реальность, и я могла увидеть ваш самый красивый город в мире – Москва! Я никогда буду забывать моих друзей из разных стран, мои приключения здесь и также моих преподавателей! Мария (Болгария)».

«Спасибо большой «Русский мир» приглашать меня. На другой год я буду читать, писать и говорить по-русски очень хорошо! Спасибо сделать меня чудо от моё мозг! Con amor para Rusia! Симон Абдала (Чили)».

директора фонда «Русский мир» Сергей Моргунов, заместитель исполнительного директора Татьяна Бокова, руководитель управления региональных программ Георгий Толорая и директор европейских программ Алексей Громько. Помимо свидетельств о прохождении стажировки студенты получили памятные подарки и годовую подписку на журнал «Русский мир.ру». А Татьяна Бокова попросила студентов из Италии, Ливана и Чили передать своим преподавателям русского языка почетные удостоверения «Профессор Русского мира». Всем преподава-

телям, обучавшим русскому языку «Студентов Русского мира» за рубежом, фонд «Русский мир» выразил свою признательность и передал в дар небольшие сувениры с символикой фонда.

Долоонжин Идэвхтэн в своей поздравительной речи отметил: «Мне приятно видеть столько молодых людей со всех концов света, которые интересуются изучением русского языка». А Маркус Беднарски сообщил, что он начал учить русский язык очень давно, еще в Аргентине, «и, к сожалению, тогда еще не существовал фонд «Рус-

Ирина Степанова, руководитель управления образовательных проектов, и Алексей Громько, директор европейских программ

ский мир». Русский язык помог мне сделать дипломатическую карьеру». Между прочим, как сообщила Ирина Степанова, именно студент из Аргентины Хосе Мануэль Бонаора вовсе не покидает Россию, как его новые «сокурсники», а отправляется на учебу в Санкт-Петербургскую консерваторию.

Первый заместитель исполнительного директора фонда «Русский мир» Сергей Моргунов поздравил ребят с завершением семинара и добавил: «Я хочу пожелать вам успехов в дальнейшем изучении русского языка. Надеюсь, вы передадите ваши впечатления о Москве своим друзьям и знакомым, и, возможно, кто-то из них тоже захочет выучить русский». В этом, заверили студенты, нет никаких сомнений. А когда Татьяна Бокова выступила со словами благодарности в адрес преподавателей Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина, студенты стоя аплодировали несколько минут.

От имени всех ребят со словами благодарности выступил студент из Венгрии Тамаш Дьорки: «Эти три недели были замечательными. Мы никогда не забудем об этом. Мы чувствуем себя «Студентами Русского мира» и Института русского языка им. А.С. Пушкина. 21 сентября – это Всемирный день благодарности. И поскольку нас в этот день уже не будет в Москве, мы хотели бы сегодня сказать вам всем: огромное спасибо!»

Анастасия Нечаева, фото Александра Бурого

ЖИВОЙ АРХИВ

90 ЛЕТ НАЗАД – 17 СЕНТЯБРЯ 1920 ГОДА – НАРКОМПРОС РСФСР ИЗДАЛ РАСПОРЯЖЕНИЕ О СОЗДАНИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА.

СЕГОДНЯ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ АРХИВ РОССИЙСКОЙ Федерации (ГА РФ) – это главный архив страны, в котором хранится свыше 6 миллионов дел. Сразу стоит заметить, что на языке архивистов «дело» – вовсе не то же самое, что на языке следователей и прокуроров.

В ГА РФ находятся документы официального свойства, собранные и поступающие из органов государственной власти. Но имеются там и личные папки, и автографы русских императоров, и фотоматериалы. Например, письма Екатерины Великой, Павла I, проект конституции, подготовленный по распоряжению Александра II...

За три недели до архивного юбилея удалось поинтересоваться у директора ГА РФ Сергея Мироненко, что в традиционном «меню» официальных праздников будет самым запоминающимся «блюдом». И он ответил:

– Пожалуй, выставка, которую мы специально подготовили к 90-летию. В нашем выставочном зале на Пироговской улице 17 сентября пройдет экспозиция, состоящая из 23 исторических сюжетов. В частности, сюжеты «Люблю тебя, душа моя, без памяти» – история любви императора Александра II и княгини Екатерины Юрьевской, урожденной Долгоруковой, «Заговор великих князей 1916» – история фронды среди членов императорской фамилии во время Первой мировой войны, «Самоубийство или убийство?» – история гибели известного террориста и общественного деятеля Бориса Савинкова, «Где Гитлер? Материалы операции «Миф» – история о самоубийстве Гитлера и Евы Браун, «Как Сталин отнял праздник Победы» – история о том, как Сталин отменил выходной на день 9 мая. Эта выставка станет лучшим доказательством того, что архив – это не мертвые шкафы-склепы, в которых нашли место последнего упокоения тонны скучных бумаг, покрытых исторической пылью. Архив – это востребованный и живой организм...

И выставка открылась час в час. Такие уж они люди – архивисты, пунктуальные и обязательные. Профессия обязывает.

Выставочный зал на Пироговке невелик. Но экспозиция удивляет и просвещает. На двух десятках стендов – подлинники, отражающие период жизни страны от царицы Елизаветы Петровны до августовских событий 1991 года.

Поздравлявших собралось много, в том числе и представителей власти, науки, общественности. Слушали выступавших, внимали зачитываемым адресам, но нет-нет да и отходили в сторону от места официальной церемонии и читали бесценные строчки на чуть пожелтевших листах бумаги.

Михаил Быков

МОСТЫ, СБЛИЖАЮЩИЕ НАРОДЫ

**В РИГЕ ОБСУДИЛИ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ
КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БАЛТИЙСКОГО
РЕГИОНА.**

НА СЕНТЯБРЬСКОМ ФОРУМЕ В РИГЕ, ОРГАНИзованном при поддержке международного общественного фонда «Янтарный мост» (Россия) и его латвийского партнера – Amber Bridge Baltic fonds, – собрались известные архитекторы, признанные эксперты в области градостроения, а также деятели культуры, специалисты из разных стран Балтийского региона.

Тема латвийской встречи – «Культурное наследие как вызов современности». Участники международного форума обсудили актуальные проблемы современного градостроения, реставрации памятников культуры и сохранения исторических архитектурных объектов. Россию в Риге представляли три эксперта – член-корреспондент Российской академии архитектуры и строительных наук, лауреат Государственной премии России Александр Скокан, доктор наук, советник президента Фонда культуры, известный пушкинист Леонид Аринштейн и автор проектов Фонда культуры Ирина Юрьева.

Российские участники форума по культурному наследию побывали в рижском Русском центре, открытым в прошлом году фондом «Русский мир» в Балтий-

ской международной академии. На встречу с гостями Русского центра собрались студенты, преподаватели БМА и представители русских общественных организаций. Рижанам было интересно послушать мнение об архитектуре Риги академика Международной академии архитектуры Александра Скокана, автора проектов зданий, которые числятся в рейтинге лучших построек Москвы за последнее десятилетие. Впрочем, довольно быстро разговор вышел за пределы местной архитектуры...

«Я успел пообщаться с рижскими коллегами и понял, что у нас много общего, потому что проблемы сохранения культурного наследия универсальны, – сказал известный российский архитектор, отвечая на вопрос, что считать культурным наследием, а что – муляжом на историческую тему. – Города растут, застраиваются, вытесняя старую историческую застройку, которая ветшает и рассыпается на глазах. Даже такой термин появился: уходящий город. Культурная проблема, на мой взгляд, заключается в том, как мы прощаемся с этим городом. С радостью и легкостью, отряхивая пыль времен и поколений, или с горечью и грустью? Как сказал Карлос Кастанеда, когда мы вынуждены сломать дерево, чтобы на его месте построить дом, нужно громко кричать и извиняться перед ним. Это немножко наивно, но нечто похожее мы должны делать и с нашим историческим и культурным наследием, потому что, как бы мы сегодня ни реставрировали здания, все равно облик городов меняется. И наша культура проверяется тем, как это реализуется».

Историк культуры, писатель-пушкинист Леонид Аринштейн подарил рижскому Русскому центру свои книги

Свой взгляд на противоречивые процессы современности высказал историк культуры и писатель Леонид Аринштейн. В Российском фонде культуры на протяжении многих лет он занимается возвращением на родину культурных ценностей. В списке его заслуг – возвращение из Германии уникального походного иконостаса русской армии середины XVIII века («Елизаветинский», или «Суворовский», иконостас в настоящее время отреставрирован на средства Российского фонда культуры, находится в приделе кафедрального собора в Калининграде). При участии Леонида Аринштейна Государственный архив РФ и библиотеки России пополнились значительными собраниями книг и трудов русской эмиграции. На его утверждение о том, что культура и бережное отношение к прошлому должны стать основой для сплочения народов стран Балтийского региона, председатель Пушкинского общества Светлана Видякина рассказала о реакции латышского общества на установку в Риге в прошлом году памятника Александру Сергеевичу Пушкину: «Такой ненавистью тогда польхнуло... 69 бакалавров написали письмо президенту Латвии, протестуя против памятника русскому поэту, посчитав это почему-то оскорблением латышского народа. Вокруг чего же нам объединяться, если даже Пушкин рассорил?» – поинтересовалась она у автора книги «Пушкин. Непричесанная биография», выдержавшей уже пять изданий. Леонид Аринштейн признал, что между Россией и Латвией накопилось много внутренней

ношении всего русского, чем отличаются Прибалтийские республики после восстановления здесь независимости. Взять хотя бы проблему переименования улиц. Мало того что с домов убрали все таблички, на которых названия были написаны на двух языках, так еще на смену ставшим негодными прежним именам пришли иные герои, далеко не однозначные. Одна улица Дудаева в латвийской столице чего стоит... Уже более 10 лет жители города пытаются избавиться от навязанной им местными националами «дудаевщины», но безрезультатно. А вот улицы Михаила Талья в Риге как не было, так и нет, хотя великий гроссмейстер здесь родился и прожил большую часть своей жизни. Нет и улицы писателя Валентина Пикуля, который последние 30 лет жизни творил именно в Риге, нет улицы знаменитого рижского архитектора Михаила Эйзенштейна, автора великолепных исторических зданий и отца легендарного советского кинорежиссера... Список можно продолжать долго, да что толку, посетовали участники встречи. Гости согласились, что с переименованиями улиц и городов вообще большая беда, и не только в Латвии. Вот и в Москве Пушкинская улица вновь стала Малой Дмитровкой, и никто не возмущался, даже бакалавры... Президент фонда «Янтарный мост» Юрий Сизов привел в пример парижан, помещающих на некоторых домах таблички со всеми названиями улиц, которые они когда-либо имели. Он рассказал, что в адрес фонда обратились представители латвийского руководства с

Российский архитектор академик Александр Скокан

Участники «Янтарного моста» на встрече с рижанами в Русском центре

горечи, что переносится на отношения между нациями и народами. «Я глубоко убежден, что при нормальном развитии любая страна может гордиться тем, что у нее есть памятник Пушкину. Я только что вернулся из Рима, и там тоже поставили памятник Александру Сергеевичу, никто не возмущается. Там же стоит памятник Гоголю и есть музей Гоголя. 69 бакалавров – это много, но ведь в Латвии бакалавров гораздо больше, чем тех, кто подписал то письмо. Может быть, в следующий раз, когда, допустим, в Риге установят памятник Тургеневу, протестующих будет меньше. Я сам фронтовик и по натуре до сих пор остался солдатом, тем не менее пришел к совершенно ясному выводу: одним солдатским насилием ничего не сделаешь. Нужны другие усилия – убеждение, красота, духовность», – заверил ветеран войны. Но слишком много у рижан накопилось обид на несправедливости в от-

просьбой установить мемориальную доску на здании журфака МГУ, где в начале XX века размещался юридический факультет, на котором учился будущий президент первой независимой Латвийской Республики Янис Чаксте, который, кстати, был депутатом первой Государственной думы России от Курляндской губернии. Возможно, при содействии «Янтарного моста» появится и мемориальная доска знаменитому латышскому композитору и музыканту Язепу Витолсу, который в свое время окончил Петербургскую консерваторию. Участники встречи согласились, что нам всем очень нужны подобные мосты культуры и сближения. Как заметил один из гостей Русского центра, подлинная государственность – это в том числе и глубокое уважение к культуре всех народов, населяющих страну. ❶

Алла Березовская

«РОССИЮ В ИНДИИ ВОСПРИНИМАЮТ КАК СВОЕГО НАСТОЯЩЕГО ДРУГА»

РАТИШ НАИР – ДИРЕКТОР РОССИЙСКОГО ЦЕНТРА НАУКИ И КУЛЬТУРЫ В ИНДИЙСКОМ ГОРОДЕ ТРИВАНДРУМЕ, ГДЕ ОН ТАКЖЕ ЯВЛЯЕТСЯ ПОЧЕТНЫМ КОНСУЛОМ РФ, – ОЧЕНЬ НЕОБЫЧНЫЙ ЧЕЛОВЕК. ВО-ПЕРВЫХ, ОН ХОРОШО ГОВОРИТ ПО-РУССКИ, ХОТЯ ВО ВСЕ НЕ СЛАВИСТ ПО ОБРАЗОВАНИЮ. ВО-ВТОРЫХ, В БУКВАЛЬНОМ СМЫСЛЕ СЛОВА ВЛЮБЛЕН В РУССКУЮ ЛИТЕРАТУРУ. В-ТРЕТЬИХ, ОБОЖАЕТ НАШИ ГОЛУБЦЫ И ГРЕЧКУ, КОТОРОЙ В ИНДИИ НЕ СЫЩЕШЬ. В-ЧЕТВЕРТЫХ, ЛИЧНО ЗНАКОМ С СЕМЬЮ ЛЕНИНАМИ, ЧЕТЫРЬМА ПУШКИНАМИ, ХРУЩЕВЫМ, ГАГАРИНЫМ И СТАЛИНЫМ. В-ПЯТЫХ, ДРУЖИТ С СОТРУДНИКАМИ МОСКОВСКОГО МУЗЕЯ СЕРГЕЯ ЕСЕНИНА, В КОТОРОМ ОН И НАЗНАЧИЛ НАМ ВСТРЕЧУ.

Ратиш, где вы научились так хорошо говорить по-русски?
– Когда я учился в Колледже государственного управления в Тривандруме, то был секретарем Общества друзей Советского Союза, а также членом Советского культурного центра, директором которого в то время являлся Валерий Бударагин. Затем я получил стипендию и поехал в Советский Союз учиться на врача – сначала в Винницу, а потом в Черновцы. Русского языка я тогда практически не знал – только начал его учить.
– Трудно было?
– Не очень. Я же попал в русскоязычную среду. Правда, в самом начале на Украине со мной происходило много забавных случаев. Например,

через несколько дней после приезда я пошел на базар, чтобы купить картошки. Но я не знал, как она называется на русском языке. Поэтому подошел к продавщице, показал на картошку и спросил: «Как вас зовут?» Она ответила: «Таня». Я и говорю: «Дайте два килограмма Тани»... Смелись потом, конечно. А еще я хотел купить яйца и курицу. Но опять-таки не знал, как называется курица. Поэтому подошел и попросил: «Дайте яйца и их маму». Но тогда там было много иностранных студентов, поэтому продавцы нас терпеливо выслушивали и в итоге понимали.
– А почему вы после возвращения в Индию решили помимо всего прочего заниматься развитием российско-индийских культурных связей?

– У нас в Тривандруме еще в 1975 году открыли Советский культурный центр. СССР финансировал его, а индийская сторона проводила различные интересные мероприятия. После распада Советского Союза центр в Тривандруме закрыли, а аналогичные центры в Дели, Бомбее и Калькутте – нет. И это было очень грустно для жителей Кералы (Тривандрум, по-индийски Тируванантапурам, – столица штата Керала. – Прим. авт.), потому что мы очень любили ходить в Советский центр. Там каждую неделю показывали советские фильмы с английскими субтитрами, была прекрасная библиотека, часто проходили концерты... Между прочим, когда в 1987 году в Индии проходил фестиваль Советского Союза, к нам в Тривандрум приехала группа культуротников из СССР – 400 человек! Поэтому закрытие центра стало для нас большой потерей. Центр не функционировал почти девять лет. А потом я встретился с директором Культурного центра в Дели Александром Сорокиным и попросил его помочь снова открыть центр в Тривандруме. Он согласился помочь, я нашел партнеров и деньги.

– Однако же немало вам пришлось потрудиться, видимо...

– Понимаете, я всегда был другом русского народа, я очень люблю русскую культуру, обожаю вашу литературу. Для меня это действительно важно.

– А с чего началось ваше знакомство с русской культурой?

– С того самого фестиваля Советского Союза в 1987 году. Во-первых, ваши фильмы, которые мне очень нравятся. Во-вторых, я познакомился и подружился с цыганской группой Валерия Маштакова, приехавшей на фестиваль. Потом подружился с семьей директора центра Валерия Бударагина, часто ходил к ним в гости. Все эти люди много рассказывали мне о России, о вашей культуре и литературе. Понимаете, в Индии абсолютное большинство думает о России, о русских как о своих друзьях. Мне кажется, мы хорошо чувствуем друг друга.

– В России тоже очень хорошо относятся к Индии. А многие, кстати, обожают индийское кино.

– Да, я знаю. И про кино – тоже. Меня тут часто спрашивают про Раджа Капура.

– Как вы думаете, почему возникла такая взаимная симпатия?

– Думаю, благодаря культуре, искусству, литературе. И русским, и индусам в этом смысле есть что предложить друг другу. И это замечательно, что наши народы испытывают взаимный интерес. Это настоящая народная дипломатия.

Знаете, если в Индии человек любит читать, то он знает Толстого, Достоевского и Пушкина так же хорошо, как Рабиндраната Тагора.

– Насколько высок в Тривандруме интерес к изучению русского языка?

– Довольно много людей хотят учить русский язык. И это желание возникает во многом благодаря деятельности российских культурных центров, где жители могут познакомиться с русской культурой. У многих именно после этого возникает интерес.

– И сколько таких центров сегодня в Индии?

– Пять – в Дели, Ченнае, Калькутте, Мумбаи и Тривандруме. Но у нас в Тривандруме есть еще университет, в котором действует кафедра русского языка. Ну и потом, есть еще одна причина повышенного интереса людей нашего штата к русскому языку. Она, скорее, традиционная. Дело в том, что в 1987 году после выборов к власти в Керале пришли коммунисты. Они периодически приходят к власти через выборы. У нас вообще очень много коммунистов, так что интерес к России довольно высок. Я вам даже больше скажу. В нашем штате есть Москва. Деревня так называется. А еще у нас в штате проводятся фестивали людей с русскими именами.

– И много таких?

– Ну, вот на первый такой фестиваль собралось 75 человек. Семь из них – по имени Ленин, четыре Пушкина, Хрущев, Сталин, Гагарин. Была даже девушка по имени Терешкова. Это не фамилии, а имена. По паспорту. И это самые экзотические имена. Очень много Светлан, Анастасий и так далее. А еще я знаю

человека по имени Спутник. Причем он сам не знает, что означает это слово, но в паспорте у него так и записано: «Спутник». Об этом фестивале даже Би-би-си делало репортаж. В нынешнем году мы снова будем проводить такой фестиваль.

– А кто из русских писателей и поэтов наиболее любим в Индии?

– Насколько мне известно, это Александр Сергеевич Пушкин. Он у нас очень популярен. Вот у нас в штате есть один поэт, которому 77 лет. Его называют «керальским Пушкиным», потому что он много переводил Пушкина на язык нашего штата – малаяли. Мы даже вручили ему специальную премию для переводчиков, популяризирующих русскую литературу.

А самый популярный роман в Керале называется на нашем языке «Орус ангеппа лемполе». Он о жизни Достоевского. Его написал человек, который не знает русского языка и никогда не был в России. Но он очень любит Достоевского, особенно роман «Братья Карамазовы». И вот он написал роман о любви Достоевского и Анны Григорьевны (Анна Григорьевна Сниткина – вторая жена Ф.М. Достоевского. – Прим. авт.). И я очень хочу попросить российское посольство в Индии помочь в организации поездки нашего писателя в Санкт-Петербург.

Еще у нас очень любят Толстого и Чехова. А после того, как в Тривандруме прошла выставка Московского музея Сергея Есенина, начали интересоваться и этим поэтом. Теперь мы хотим перевести на наш язык его стихи и издать книгу. Я предложил, чтобы каждый из наших поэтов перевел по одному стихотворению Сергея Есенина, мне кажется, это будет очень интересно.

Что бы еще мне хотелось сделать? Это замечательно, что у нас любят и знают Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, но я думаю, необходимо переводить и современных русских писателей. Мы их совсем не знаем.

– Ратиш, а в Индии помнят еще о Николае Рерихе?

– Большое спасибо вам за этот вопрос. Николай Рерих никогда не будет забыт в Индии. В нашей стране чтят его память, особенно в Триван-

друме. Улица рядом с нашим Российским центром по нашей просьбе переименована в улицу Рериха. У нас есть музей, в котором находятся картины Николая и Святослава Рерихов. В Керале Николая и Святослава все знают, уважают и помнят, каждый год мы отмечаем дни рождения Николая, Святослава и Юрия Рерихов.

– В Тривандруме начали проводить виртуальные уроки русского языка. Не могли бы вы рассказать об этом подробнее?

– В Индии действует специальный спутник EduSate, предназначенный исключительно для образовательных программ. А у нас в Керале есть специальный телевизионный образовательный канал Victels. Я попросил министра образования нашего штата выделить раз в месяц полчаса

**«В Индии абсолютное большинство
думает о России, о русских
как о своих друзьях.
Мне кажется, мы хорошо
чувствуем друг друга».**

на телеканале для организации курса русского языка. Нам пошли навстречу, и мы начали сотрудничать. Это было четыре года назад. Открыл тогда эти курсы господин Кириенко («Росатом» строит в штате Керала АЭС «Куданкулам». – Прим. авт.). А с нынешнего года мы начали вести виртуальные уроки русского языка, которые проходят каждую субботу.

– Сколько студентов учится на кафедре русского языка в Университете Тривандрума?

– Каждый год поступает 40–50 человек, оканчивают курс чуть меньше. Но многие ходят заниматься и в наш центр, у нас разные по уровню курсы.

– Ратиш, вы только что встречались с представителями фонда «Русский мир». Намерены сотрудничать с фондом?

– Если все получится, мне бы хотелось, чтобы фонд «Русский мир» помог нам открыть Кабинет русского языка в нашем центре. Раньше у нас была очень хорошая библиоте-

ка русской литературы, и нам хотелось бы ее возродить. Это еще одна возможная тема нашего сотрудничества с фондом «Русский мир». В итоге мы хотели бы превратить наш центр в Дом России, организовывать различные мероприятия. Мы очень хотели бы, чтобы преподаватели из России повысили уровень наших уроков. Еще у меня есть мечта: было бы замечательно, если бы каждый месяц к нам приезжали известные российские писатели. И помимо этого хотелось бы наладить связи между нашим штатом и российскими провинциями. Мы бы с удовольствием принимали у себя делегации деятелей культуры из различных регионов России. ❀

*Беседовала Анастасия Нечаева
Фото Александра Бурого*

РУССКИЙ ЯЗЫК В ГРУЗИИ СТАНОВИТСЯ РОСКОШЬЮ

Анастасия Савельева

В ТБИЛИССКОЙ ГОСТИНИЦЕ МНЕ ЛЮБЕЗНО ПРЕДЛОЖИЛИ ЗА 3 ДОЛЛАРА ВОСПОЛЬЗОВАТЬСЯ КАРТОЙ НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ. ОБЫЧНАЯ КАРТА, НА КОТОРОЙ ОТМЕЧЕНЫ ДОСТОПРИМЕЧАТЕЛЬНОСТИ ГОРОДА. ЧТО Ж, ПРИГОДИТСЯ. В ГРУЗИИ Я ВПЕРВЫЕ, НУ ДА НИЧЕГО, РАЗБЕРЕМСЯ, В КОНЦЕ КОНЦОВ НАЗВАНИЯ УЛИЦ ЗДЕСЬ УКАЗАНЫ, ДА И СПРОСИТЬ ВСЕГДА МОЖНО. НО СТОИЛО МНЕ ВЫЙТИ ЗА ПРЕДЕЛЫ ОТЕЛЯ, КАК НАЧАЛОСЬ ГАДАНИЕ ПО КАРТЕ...

ДАЖЕ В САМОМ ЦЕНТРЕ ГОРОДА мне не попалось ни одной надписи на... да нет, я сейчас не про русский язык, то, что с ним в Грузии проблемы, мне уже было известно. Но ведь вот что странно: названия улиц, площадей, станций метро нигде не дублируются даже на английском. Повсюду затейливая грузинская вязь, разобраться в которой иностранцу невозможно. Ладно, уж таксист не подведет! – подумала я... Ага... На просьбу отвезти меня на берег Куры, на рынок, где собираются любители старины и коллекционеры, молодой человек лет 35 радостно кивал, но упорно вез меня совершенно в другую сторону. Объясниться с ним ни

по-русски, ни по-английски нам не удалось. Пришлось остановиться и попросить помощи у прохожих, повезло лишь с третьей попытки. Пожилой мужчина, немного понимавший по-русски, перевел таксисту, чего от него хотят...
Нынешним летом из 30 тысяч абитуриентов грузинских вузов русский язык в качестве иностранного выбрали только 7 тысяч, тогда как английский сдавали 74 процента поступающих. Но даже из этих 7 тысяч на экзамене по русскому языку срезались 27 процентов. Не сдавших экзамен по английскому, французскому и немецкому языкам было всего лишь 8 процентов. При этом большинство людей, с кем мне удалось

пообщаться за три дня, очень сожалели о том, что язык Пушкина, Лермонтова, Грибоедова все реже и реже звучит сегодня в Грузии. Молодое поколение даже в Тбилиси, не говоря уже о жителях других городов и окраин, теперь его практически не знает, а старшее стало забывать – нет практики. А тут еще политики масла в огонь подливают...

Второй иностранный по выбору

Сегодня в Грузии без проблем можно записаться на бесплатные курсы английского языка для взрослых или детей, таких здесь открылось несколько десятков. Они финансируются из бюджета или многочисленными британскими и американскими фондами и обществами. В дни моего пребывания в Тбилиси как раз промелькнула информация о том, что в Грузию прибывает большая группа иностранцев – около 1000 человек, которые будут бесплатно преподавать английский на факультативах в обычных школах. Русский язык изучается в школах в качестве второго иностранного – по выбору ученика, начиная с четвертого класса, один раз в неделю. После

Участники юношеского
футбольного турнира
на Кубок им. Ираклия II
получили в подарок русско-
грузинский поэтический
альманах со стихами
Михаила Лермонтова
и Акакия Церетели

мирного конгресса народов Грузии, объединяющего свыше 400 тысяч выходящих из этой страны, живущих за рубежом. «Это издание не является реверансом в адрес России. Это не празднование дня подписания трактата. Это – напоминание для русской и грузинской общественности, что, кроме вражды, Грузия и Россия связаны большой дружбой и любовью», – заявили организаторы проекта на презентации, которая проходила в Тбилисском офисе информационного агентства РИА «Новости».

Восстановить «сожженные мосты»

У Арчила Чкоидзе жена – осетинка, есть двое детей. Для их семьи и тысяч таких же смешанных семей в Грузии бомбежки в Цхинвали отозвались особой болью. Но, в отличие от многих своих земляков, он старается быть объективным: «В заключении Хайди Тальявини (глава международной комиссии Евросоюза по расследованию причин грузино-осетинского конфликта. – Прим. авт.) ясно сказано, что войну начала грузинская сторона, хотя я считаю, что ее начали люди, которые сейчас управляют Грузией... Но война-то началась гораздо раньше – в самом начале 1990-х, когда Гамсахурдия провозгласил «Грузию для грузин». Я сам был свидетелем того, как в Тбилиси начали притеснять осетин, выгонять их с работы, хотя многие из них даже осетинского языка не знали, они ощущали себя грузинами! В районах вообще доходило до убийств, но виновники-националисты не только не получили отпор со стороны властей, но и ощутили поддержку. Даже

В день поминания усопших был отслужен молебен на помин души православных христиан, погибших в Осетии, Абхазии и Сербии

наша интеллигенция молчала, более того, когда началась война, они ее поддержали. А разве можно одобрять, когда убивают твоих братьев? Если ты говоришь, что Осетия – это часть Грузии, значит, там наш народ? А как же можно бомбить своих же граждан?..» Эта война и подтолкнула Арчила к созданию своей общественной организации, которая помогла бы восстановить «сожженные мосты» – с Осетией, Абхазией, Россией. Такую же миссию взял на себя Всемирный конгресс народов Грузии, который возглавляет живущий в Санкт-Петербурге грузинский бизнесмен Александр Ебралидзе. За что ему было тут же отказано в восстановлении гражданства Грузии, где живет его мать и похоронен отец. Да и въезд на родину ему теперь надолго запрещен... 8 августа 2010 года, в двухлетнюю годовщину трагических событий, Александр Ебралидзе обратился с открытым письмом к руководству Южной Осетии, в котором принес извинения осетинскому народу: «Мы вместе с Вами скорбим обо

всех пострадавших в те дни. От имени 420 тысяч членов Всемирного конгресса народов Грузии из 22 стран мира приношу гражданам Южной Осетии извинения за те страдания, которые они перенесли по вине зарвавшихся тбилисских политиканов».

Поддержали паству

Арчил Чкоидзе со своими единомышленниками – а членами Общества Ираклия Второго стали уже более 5 тысяч человек по всей Грузии – также почтили память погибших во время войны, приняв участие в панихиде, проведенной в Ананурской церкви Богородицы отцом Неофилом. В активе их общественной организации немало добрых дел, направленных на сохранение в Грузии русской культуры и русского языка. Это и издание на двух языках поэтических альманахов со стихами великих русских и грузинских поэтов, памятных календарей, сборников стихов и песен военных лет, периодический выпуск газеты «Путь Ира-

Дипломы и подарки выпускникам первых бесплатных курсов русского языка вручила директор Тбилисского филиала Всемирного конгресса народов Грузии Нана Джапаридзе

Будут ли потомки Ильи Чавчавадзе читать Пушкина в оригинале?..

Арчил Чкоидзе уверен – основной ресурс примирения грузин, русских и осетин заключен в нашей общей вере, в защиту которой все три народа пролили реки крови...

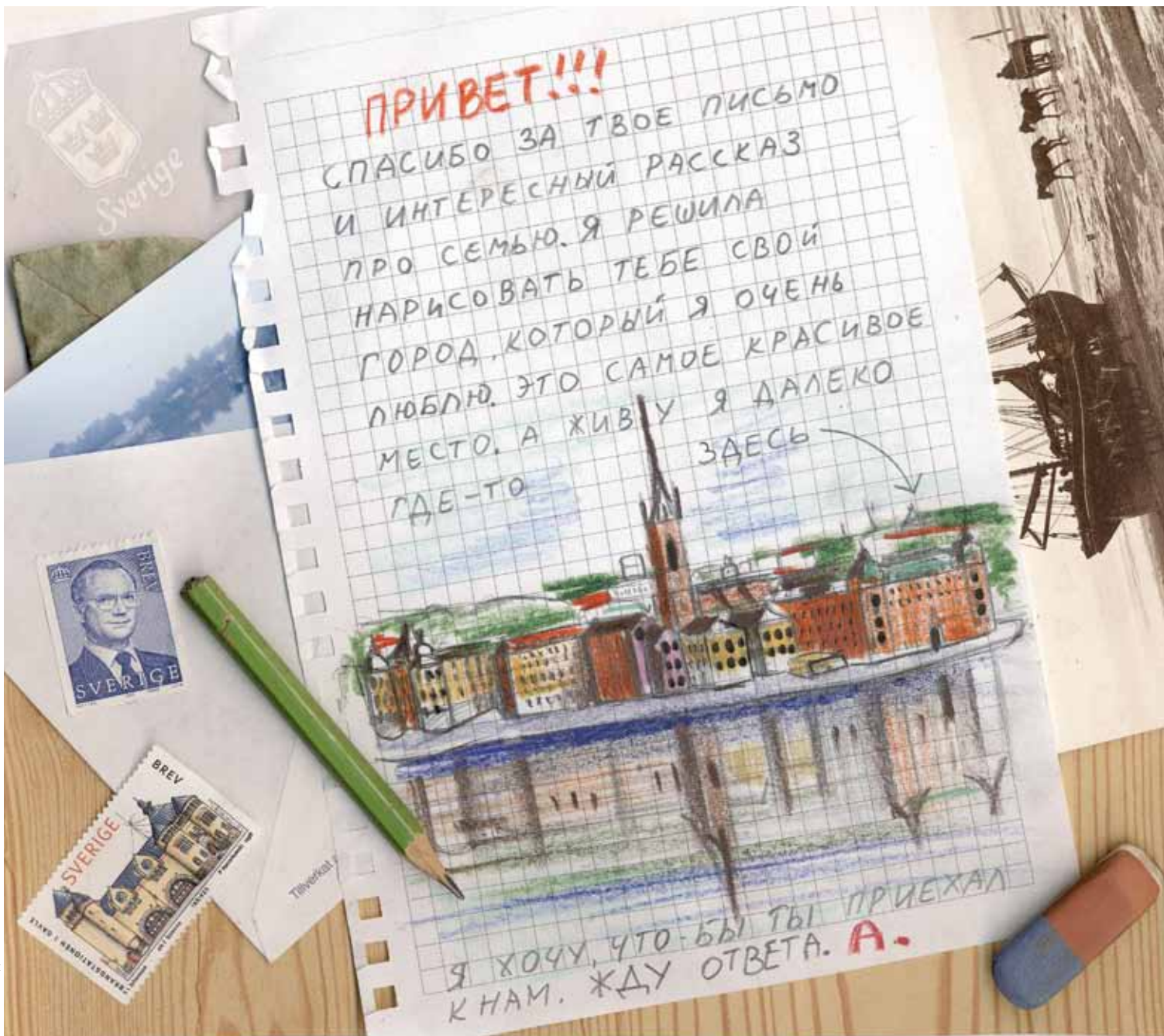
клия», поздравления и помощь ветеранам Великой Отечественной войны, проведение детских и юношеских футбольных турниров. Весной этого года к Чкоидзе как к защитнику прав русскоязычного населения обратились прихожане храма Иоанна Богослова, после того как настоятель церкви начал проводить здесь службы только на грузинском языке. Они жаловались и на другие притеснения, просили помочь сохранить русское церковное пение. По инициативе Общества Ираклия Второго прихожане, среди которых как русские, так и грузины, были приняты католикосом-патриархом всея Грузии Илией II. А через три дня он сам приехал в храм Иоанна Богослова и ознакомился с ситуацией на месте. Настоятель храма, на действия которого жаловались прихожане, был переведен на другое место службы. После этого число членов Общества резко возросло. Когда телекомпания «Имеди» выпустила в эфир клеветнический сюжет о российском патриар-

хе Кирилле, назвав его «кремлевским патриархом», активисты Общества провели акцию протеста у ворот телекомпании, призывая журналистов не быть слепым орудием в руках заправившихся политиков, не сеять рознь между грузинским и российским народами. В общем, страсти в бывшей братской республике не затихают. Власти зорко следят за последователями идей царя Ираклия, гласно и негласно предупреждая тех, кто их пытается поддерживать, обещая всяческие неприятности. Так, недавно недоброжелатели покрасили в цвета российского флага личный автомобиль одного из членов организации – Темура Твалишвили. В сентябре без объяснения причин в Грузию не пустили первого вице-президента Центра моделирования стратегического развития Григория Трофимчука и известного политолога из Израиля Авигодора Эскина, которые прилетели для участия в работе круглого стола «Самобытность и глобализация: вызовы и перспек-

тивы», организованного Обществом Ираклия при содействии Тбилисского филиала Всемирного конгресса народов Грузии. Хотя ни Трофимчук, ни Эскин никогда до этого не выступали с антигрузинскими заявлениями...

Нужна помощь

В начале года в Обществе в рамках проекта «Знание – лучший мост» были организованы на частные пожертвования первые в стране бесплатные курсы русского и грузинского языков, предусматривающие изучение культуры и истории двух народов. Желающих было достаточно, среди них – и русские, и курды, и грузины, и азербайджанцы. Самому молодому слушателю курсов было 15 лет, самому старшему – 40. Летом этого года выпускники курсов получили дипломы. Сегодня в списке желающих изучать русский язык около 600 человек. Общество Ираклия Второго может принять не более ста. «На государство нам надеяться бессмысленно, – с грустью говорит Арчил Чкоидзе. – Но вот что интересно, многие солидные люди из грузинской диаспоры говорят о восстановлении дружбы с Россией, но ничего не делают, чтобы этому помочь. Неужели тоже боятся? Единственный человек, который нам реально помогает, – Александр Ебралидзе... У нас достаточно учителей, мы могли бы организовать обучение для 600 студентов, но, увы, средств на это пока нет. Может, нам захотят помочь те люди в России, которые помнят и любят Грузию и не хотели бы, чтобы здесь совсем исчез русский язык?..»

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

Надежда Фосс [Эдинбург]

ЕСЛИ КТО-ТО МНЕ ОТВЕТИТ...

Как заинтересовать детей из русских или смешанных семей, проживающих за рубежом, учить русский язык? Два педагога из Шотландии и Швеции нашли свой ответ на этот вопрос: письма!

Я ЖИВУ В СТОЛИЦЕ ШОТЛАНДИИ ЭДИНБУРГЕ, ПРЕПОДАЮ РУССКИЙ ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРУ В СУББОТНЕЙ ШКОЛЕ ДЛЯ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ДЕТЕЙ Russian Edinburgh.

На конференции в Берлине познакомилась с преподавателем из Швеции Инной Шестопаловой. Мы часто обсуждали по телефону непростые проблемы сохранения русского языка у детей, живущих за рубежом. В какой-то момент мы обе поняли: если нам так интересно друг с другом, наверное, и нашим ученикам есть что обсудить. Давайте писать письма! Идея сама по себе нехитрая, но за два года ее реализа-

ции мы обнаружили в ней такие достоинства, о которых и не подозревали.

«Будущее счастье»

Мы занимаемся с детьми 12–18 лет, все они уверенно говорят и читают по-русски, но почти не пишут, поскольку в их жизни не возникает такой ситуации, когда им необходимо применять подобные навыки. Письма друг другу – самые значительные написанные ими тексты.

Уроки русского языка в Шотландии – дело добровольное. Как и выполнение домашних заданий. В нашей школе нет оценок и других способов воздействия на не слишком прилежных учеников. Поэтому учителю нужно придумать задания, которые очень хотелось бы сделать. Написать письмо другу – разве можно от такого отказаться?

Наши ученики пишут старательно, работают над текстом, поскольку очень важно произвести хорошее впечатление. Ведь о чем бы человек ни писал в письме, оно рассказывает и о нем самом. И это дает нам шанс научить детей думать над словом, выстраивать фразу и не забывать про орфографию, описывая свое «будущее счастье».

Нашим ученикам нужен русский язык здесь и сейчас, чтобы писать о себе, о своих планах, увлечениях, воспоминаниях. Это новая для них область применения русского языка: письменное общение с похожими на них людьми.

Для каждого письма мы выбираем тему, обсуждаем на уроке возможное содержание. За два года переписки мы рассказали о себе, о своем городе, о летних каникулах, об увлечениях и о занятиях в свободное время. Очень удачными были письма на темы «Когда я был маленьким» и «Кем я буду через 20 лет». Письма получаются разными: у одних – обстоятельный отчет, у других – ироничный взгляд на самого себя, а у кого-то – стилизация под сказку или под «Трое из Простоквашино».

Сложилось некоторые ритуалы, которые мы стараемся соблюдать: письма пишем на бумаге карандашом, как принято во многих европейских школах. Я ношу письма на

почту и выбираю марки поинтереснее: автор лучшего письма получает марки с шотландского (шведского) конверта. Так как группа меняется (ученики приезжают и уезжают), писать конкретному адресату невозможно, поэтому мы пишем группа – группе. Собственно, именно поэтому мы и читаем в классе вслух чужие письма: и те, которые пишем сами, и те, которые получаем.

Стараясь сделать переписку более адресной, в декабре 2009 года мы познакомили детей: провели сеанс связи по скайпу. Ребята впервые увидели друг друга на большом экране, представились и коротко рассказали о себе, выяснили друг у друга, где живут их бабушки и дедушки; кто любит брейк-данс и почему это так привлекательно; есть ли у мальчиков шотландские юбки, как часто их носят и удобно ли их носить; какое направление в программировании самое интересное и перспективное; есть ли в Швеции (Шотландии) снег зимой и чем можно заняться в зимние каникулы...

От полноты чувств девочки вдруг... запели! Рэп на шведском языке прозвучал так неожиданно, ярко и динамично, что исполнителей просили повторить еще и еще раз. Увы, уловить смысл энергичных шведских фраз шотландцам не удалось. Английским языком, конечно, никого не удивит, но русско-японско-шотландская девочка Моника с удовольствием отвечала на бесчисленные вопросы: «А как скзать по-японски...?»

Темы разговора менялись ежeminутно, мы с Инной практически не принимали в нем участия, но прислушивались: что интересно нашим ученикам? О чем еще можно написать? Впрочем, в идеях недостатка нет. Собираемся прочитать и обсудить произведение русского писателя, отметить День письма 9 октября, освоить такой жанр публичного выступления, как «открытое письмо», и написать вместе «Письмо в будущее».

Когда хвост виляет собакой

Мы начали переписку во имя педагогических целей. Но, должна сознаться, уже давно «хвост виляет

собакой»: нам просто очень нравится получать, писать и читать письма. Предлагаем и вам почитать «избранные места из переписки с друзьями». С разрешения авторов, конечно.

«Мне было очень интересно читать про твой город и странного человека, который успел заснуть в пещере и там же умереть. Сейчас я напишу такую же интересную историю про мою школу. У меня в школе есть тайный тоннель из школы до замка. Когда тоннель нашли, туда кинули маленького барабанщика и сказали ему барабанить, пока не дойдет до замка, где его тоже ждали люди. Он барабанил, барабанил и перестал, и никогда его больше не видели. И сейчас говорят, что иногда можно его услышать, как он там барабанит».

«Шведское лето очень короткое, оно начинается в мае и в июле взрывается. До холодных ночей в сентябре надо очень много успеть. В середине шведского лета очень светло, замечательный запах, аромат летних пионов и светлых длинных ночей».

«Дорогие шведы! Мое свободное время я провожу вместе с котом Матроскиным и Федькой, не забывая Шарика и Гаврюшу...».

«Вчера я смотрела фильм! Он называется «2012». Этот фильм о конце мира и жизни. Очень хороший фильм! Еще я смотрю серии «Кремлевских курсантов» и «Папиных дочек». В субботу и воскресенье я смотрю «X-фактор». Какие программы ты смотришь?»

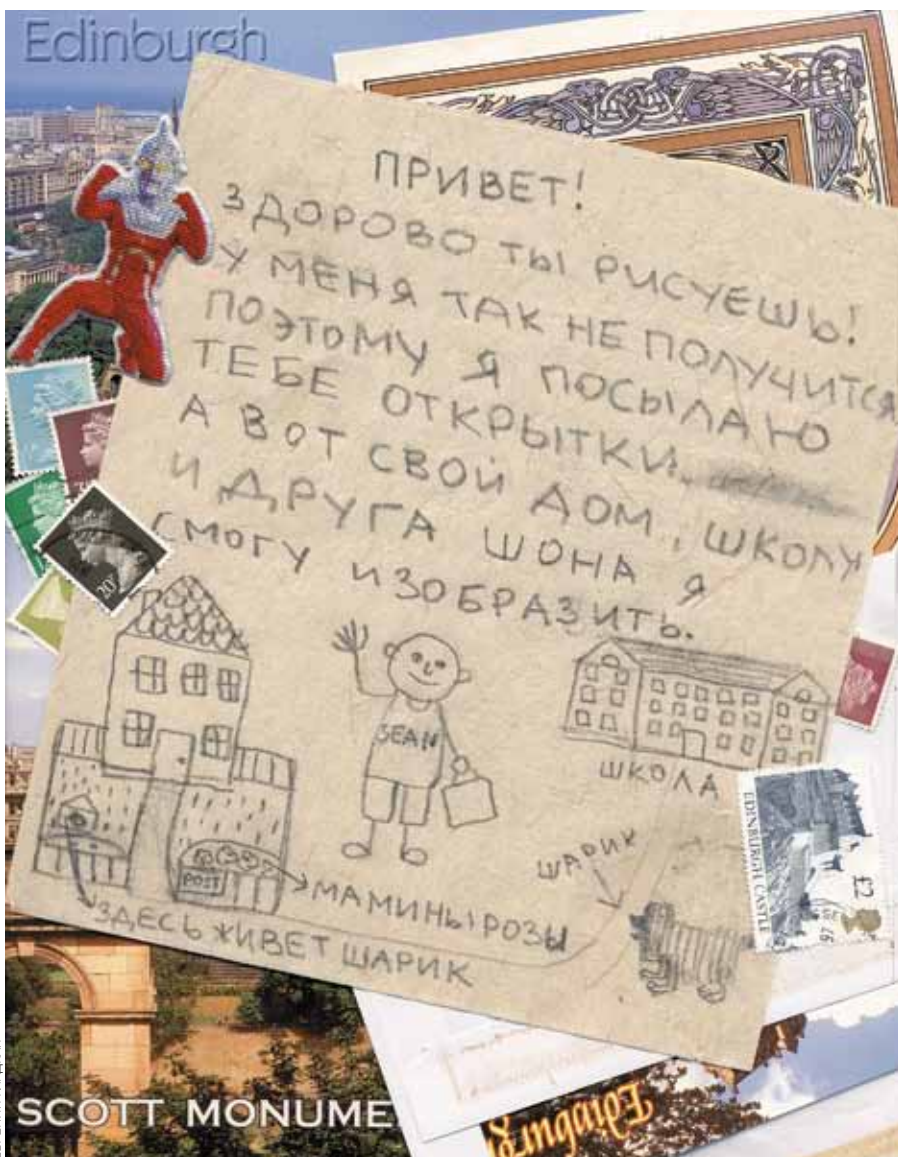
«Можно сказать, когда меня друг научил программированию, я был чайником. Теперь я знаю язык компьютера намного лучше друга. А почему?»

Потому что я не лез вперед и не программировал с крутыми командами. Я читал основу, и я стремился вперед».

«Я люблю: читать (по-шведски), играть на пианино, играть на компьютере, люблю животных, рисовать, люблю пельмени.

Я не люблю: читать по-русски, математику, пауков, убираться, гамбургеры из McDonald's».

«Когда я был маленьким, я жил в Калининграде. Я ходил в детский

ЕВГЕНИЯ ГЛАДКАЯ

садик. У меня там было много друзей. Но я не любил ходить в садик по утрам, потому что на завтрак была манная каша, которая мне не нравилась. Бабушка приносила даже в садик клубничное варенье, чтобы я ел кашу. А после обеда и сна было здорово. Мы играли на улице в разные игры. Когда погода была плохая и шел дождь, мы играли в группе, делали разные поделки, рисовали. К каждому празднику мы учили новые стихи, песни и танцы... А еще к нам приходили дети из музыкальной школы».

«Один раз, когда я была маленькая, я пришла в магазин с мамой и увидела браслет, который мне очень понравился. Я начала просить маму: «Пожалуйста, пожалуйста, можно мне браслет!» Но мама говорила нет. Продавцу стало жалко меня, и она мне дала браслет

бесплатно. У меня было хорошее детство».

«Я расскажу, какая я была в детстве. Про меня говорили, что я самая крикливая девочка была в больнице. На самом деле я сейчас тоже крикливая, не затыкаюсь ни на минуту. Мне мама говорит, чтобы я замолчала и подумала про жизнь».

«Я родился в самом веселом городе Одессе... У меня было любимое дерево акация около моего старого дома. Иногда я ел цветы акации, и они были очень сладкими, но после них у меня болел живот. Мне папа подарил боксерскую грушу, которую я колотил. Мне скоро она надоела, и я начал висеть на ней, как на тарзанке, но она оборвалась».

«Но кто вообще знает, что будет? Обратно говоря, у меня есть ключ, чтобы открыть дверь, но я не знаю, что меня ждет за этой дверью».

«Как же я представляю себя через 20 лет? У меня будут длинные светлорыжие волосы, не окрашенные. Внешность у меня будет, как сегодня, только вид будет мудрее. Я буду жить в теплой стране около моря с моим мужем и детьми».

«Можно также подумать о профессии журналиста. Ведь это здорово быть в курсе всех событий и доносить правду до людей. Рассказывать о жизни и культуре, политике и искусстве других народов. Если я стану журналистом, я смогу помогать другим людям, рассказывая о проблемах и нарушениях прав простых людей. Наш мир не идеален, и исправить его можно, только донося информацию до всех, пробуждая сознание и совесть у людей. Мне очень нравится эта работа, и я все чаще и чаще задумываюсь о работе журналиста».

«Я вижу себя успешной деловой леди в строгом костюме с длинными шикарными волосами и легким make-up».

«Чтобы представить мое будущее, нужно немного рассказать обо мне. Самую малость. Я очень люблю скалолазание. Через год собираюсь получить лицензию и подрабатывать, тренируя, уча или просто помогая людям готовиться к соревнованиям по скалолазанию. А может быть, просто уча, как правильно залезть на стену».

«Оказывается, мое будущее формировалось еще тогда, 20 лет назад! Почему же у меня постоянно проскальзывает эта дата – 20 лет? Ой!!! Как же я могла забыть??? Тогда я писала письмо о том, какой стану! И сбилось все, о чем мечталось в свои неполные 18 лет! Наступил вечер... Подведена черта. А значит, я буду строить головокружительные планы на следующие 20 лет! Жизнь продолжается! Мечты сбываются!»

«Этим письмом я тоже хочу сказать, что если ты хочешь чего-нибудь добиться, то никогда не сдавайся. Если есть вопросы, то не стесняйся спросить меня».

«Тот, кто понял, – молодец!
А не понял – читай снова!»

«Если кто-то мне ответит, я могу рассказать много интересного». 📧

БЛУЖДАЮЩИЙ «УНИСОН»

В одном из корпусов Дворца творчества юных ютится часть школы «Унисон»

Наталья Шергина
[Санкт-Петербург]
Фото Антона Берковского

ГОД НАЗАД ДМИТРИЙ МЕДВЕДЕВ, ГОВОРЯ О РЕФОРМЕ РОССИЙСКОЙ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ, ПРИЗВАЛ ПРИВЛЕКАТЬ В ШКОЛУ СПЕЦИАЛИСТОВ ДРУГИХ ПРОФЕССИЙ. НО О ШАГАХ В ЭТОМ НАПРАВЛЕНИИ ЧТО-ТО НЕ СЛЫШНО. ПОХОЖЕ, КОНСЕРВАТИВНАЯ ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ СРЕДА ТИХО САБОТИРУЕТ РЕФОРМЕННЫЕ НОВАЦИИ.

М ЕЖДУ ТЕМ В ПЕТЕРБУРГЕ уже 20 лет существует авторская школа «Унисон», в которой уроки и семинары ведут талантливые юристы, бизнесмены, врачи, актеры, искусствоведы, музыканты. Здесь педагоги не закатывают истерику, когда обучение называют «образовательными услугами». А родители – не просто главные заказчики этих услуг, но полноценные участники процесса,

партнеры, авторы многих школьных проектов. Результат удивительный: дети растут свободными, широко мыслящими личностями, а уверенных в своих знаниях выпускников буквально расхватывают вузы. Как ни странно, но у этого оригинального и успешного учебного заведения нет собственного дома. Школа, еще в 1999 году завоевавшая статус федеральной экспериментальной площадки Министерства образования России, до сих пор на птичьих правах снимает шесть кабинетов во Дворце творчества юных и арендует небольшое помещение в здании на Фонтанке.

«Фредерик, ключ на месте»

Мы беседуем об «Унисоне» в классе для малышей с учредителем школы Ларисой Геррапинович. На пороге появляется живописная компания из трех десятилетних мальчишек, похожих на иностранных туристов: в клетчатых панамах, пестрых футболок, с фотоаппаратами на груди. Один из них радостно бросается к нам.

– Здравствуйте, Лариса Рудольфовна! Я соскучился! Можно я покажу друзьям свой класс?

Английский клуб с черного входа: за обшарпанным фасадом – роскошные интерьеры

– Фредерик, ключ висит на своем месте, открой сам, – приветливо машет в ответ моя собеседница. – Здесь твой дом. Не испачкайтесь, у нас небольшой ремонт. Фредерика привели в дошкольное отделение «Унисона» родители, когда ему было четыре года. Семья молодых специалистов из Германии, приехав работать в Петербург, увидела объявление о наборе в кружки и построила ребенка, тем более

Мастерская
учителя труда
Елены Соловьевой
по развитию мелкой
моторики для
разновозрастных
детей, в том числе
для детей с ДЦП

что квартира их оказалась буквально в двух шагах от «Унисона». Немецкий мальчик, не знавший ни слова по-русски, не только быстро сроднился с новой «средой обитания», но и к концу начальной школы стал забывать немецкий язык. «Родители спохватились и все-таки решили, что он должен оставаться немцем, – улыбается Лариса Рудольфовна. – С прошлого года Фредерик продолжает образование в Берлине, – там проверили его знания и сразу взяли в гимназию при Университете имени Гумбольдта».

В Петербурге мальчика научили не только писать, читать и считать, но и петь, танцевать, любить и чувствовать музыку, рисовать, принимать решения и даже зарабатывать деньги. Первые свои гонорары Фредерик получил за съемки в кино – в таком серьезном фильме, как «Изгнание» Андрея Звягинцева. Естественно, что, приехав с друзьями на каникулы к родителям в Петербург, мальчишка первым делом повел их на экскурсию по дорогим его сердцу местам. Школа «Унисон», где сегодня обкатывается образовательный проект с научным названием «Школа как центр интеграции основного, до-

полнительного и домашнего образования», выросла в конце 80-х годов XX века из кружков для дошколят при Аничковом дворце пионеров, позже переименованном в Дворец творчества юных. Спрос на эстетические группы для недетсадовских малышей возник благодаря настойчивости родителей, желающих, чтобы их нестандартные чада развивались гармонично. Педагоги дворца начали заниматься с дошколятами музыкой, рисованием, хореографией, художественным словом, физкультурой и настолько увлеклись этим процессом, что к 1991 году стали сплоченной творческой командой. Так родилась новая педагогическая «ячейка» под названием «Школа раннего развития», а позже ей дали имя «Унисон», то есть «созвучие». Основой этого созвучия стало сознательное культивирование единой образовательной среды дети-родители-педагоги, то есть механизма взаимодействия педагогов с семьей. У школы появилась своя программа обучения на основе собственной концепции развития ребенка как целостной личности.

«Честно говоря, родители – самый главный класс в жизни школы, –

говорит Лариса Герапинович. – Это они заставили нас придумать «Унисон». Они доверили нам трехлетних и четырехлетних малышей, из которых мы несколько лет увлеченно лепили творческих людей. А когда этим людям исполнилось по семь лет, родители нам сказали: делайте следующий шаг – школу! Это был настолько высокий уровень доверия, что нам ничего другого не оставалось, как набрать первый класс на пятидневную учебную неделю. Вообще-то нам и самим было интересно дальше развивать по своей системе сформированный в играх детский коллектив. Мы наблюдали за их интеллектуальным развитием, нас волновало их психофизическое здоровье, складывающееся представление об окружающем мире, их межличностные отношения. Важно ведь не только любить каждого ребенка персонально, но и разбудить в нем уверенность в себе, успешность, самодостаточность. Мы решили растить счастливых людей». «Унисоновцы» выверяли и совершенствовали свою концепцию, обращаясь к опыту самых знаменитых сегодня в российской педагогике специалистов. Главными эксперта-

Проект «Я и моя семья» – это поиск корней, родословных, создание «древа жизни». Развивает в детях уважение к чужим родителям, дедушкам и бабушкам

Учитель начальной школы Эвелина Хасан тренирует второклассников в мастерской по развитию психических процессов, памяти, внимания и наблюдательности

ми их идей стали философ Олег Лебедев, педагог Александр Адамский, психолог Анатолий Зимичев.

Гимн идеалистам

Идея, методы и результаты воспитания счастливых людей заинтересовали такого тонкого наблюдателя, как режиссер Игорь Шадхан. В историю нашего телевидения эпохи ранней перестройки вошла его

собственная «педагогическая поэма» – программа «Контрольная для взрослых». Конечно же, он не прошел мимо «Унисона», сняв фильм о его первых выпускниках к 10-летию школы, а недавно закончил и вторую ленту – к 20-летию школы. Возможна ли гармония в жизни по системе рыночных координат, не растворяются ли при этом в детях вечные моральные ценности? Эти

вопросы на разные лады режиссер задавал родителям, учителям, чиновникам. Одним из ключевых собеседников Игоря Шадхана стал ректор московского Института проблем образовательной политики «Эврика», доктор педагогических наук Александр Адамский.

«У «Унисона» есть два фактора, отличающих его от обычной образовательной школы, – подчеркивает Александр Адамский. – Первый – опора на индивидуальность ребенка. Здесь культивируется правильная линия, когда к общему приводят от индивидуального. Здесь не строят детей в шеренгу. К образованию – той же математике – можно ведь двигаться хоть от музыки, хоть от спорта, хоть от актерского мастерства. Если создать ребенку то пространство, в котором лично он успешен, то и образовательные, и воспитательные задачи решаются легче. Второе отличие «Унисона» собственно в форме занятий. Они изучают творчество писателей и поэтов не в классе, не по стандартным программам и гипсовым слепкам. Они ведь живут в Петербурге, и у них есть возможность буквально «с головой окунать» детей в культурную среду. Дети ходят в гости к поэтам Серебряного века – к Ахматовой, к Блоку. Они бывают у Пушкина. Они вглядываются в Петербург Достоевского. И это получаются не простые экскурсии, а походы к классикам, как к живым людям! Как такое возможно? А их предметники не цепляются за часы, не боятся уступать свои «троны» другим мастерам – искусствоведам, музыкантам, актерам. В Петербурге тысяча школ, но очень немногие умеют делать то же самое. Мы даже привозим к «унисоновцам» учителей из других регионов, перенимаем опыт». Заметим, повторить этот опыт затруднительно: какая стандартная школа может позволить себе съездить «всем миром», вплоть до первоклассников и дошколят, в музей-усадьбу Набокова в Рождествено? Или приходиться в том же составе на занятия в Эрмитаж, в филармонию? Недавно у школы «Унисон» появился друг и доброжелатель – московский бизнесмен Анатолий Секерин. Как рассказала нам Лариса Герапинович, на курсах экономики в Стокгольме

Литературная мастерская филолога Максима Кравцова. Десятиклассники продолжают на перемене обсуждать образ Кабанихи

скушающий финансист случайно забрел на семинар, где «унисоновцы» делились своим опытом со шведскими и финскими коллегами. Секерин очень заинтересовался этим рассказом, ведь он оказался не только деловым человеком, но и «воинствующим родителем».

«Я уже много лет стучусь в двери школы, где учится моя старшая дочь, а меня даже не выслушивают до конца и оставляют с другой стороны баррикады, – с возмущением говорит Анатолий Секерин. – Я хочу быть здесь, хочу вместе обсуждать программы развития школы, помогать. Вот, к примеру, многие учителя не могут понять, в чем разница между планом развития и планом работы. Но в бизнесе это ведь все есть – план развития переносит план работы на другой уровень. Возьмите меня как консультанта по бизнес-процессам, спросите – я вам пригожусь! И кто-то еще из родителей пригодится, ведь у многих не только голова на плечах, но и рассказывать мы можем о своем опыте, как учителям, так и детям. Нет, не нужны».

А в «Унисоне» есть свой детский бизнес-клуб, где деловые люди делятся с подрастающими «акулами экономики» своими успехами и неудачами.

«Воинствующего родителя» Анатолия Секерина очень волнуют правильное и полное использование цифровых и компьютерных технологий и тот факт, что в современной школе учителя плохо развивают правое полушарие детей, отвечающее за образное мышление. «Они бесконечно перегружают левое полушарие школьников, через заучивание текстов, материалов, – сокрушается бизнесмен. – Из-за чрезмерного объема информации дети читают и не понимают прочитанного, память их не выдерживает».

А в «Унисоне» развитие образного мышления – одна из базисных установок. Кроме того, Анатолию Секерину нравится, что родителей здесь воспринимают как заказчиков образовательных услуг и что педагоги не просто считаются с родительскими пожеланиями, но вместе вырабатывают алгоритм развития школы. Анатолий Секерин дарит этой школе очень нужные подарки, хотя ничем ей не обязан: его дети растут в столице.

Мама одного из семиклассников рассказывает: «Мой сын занимается здесь второй год, и перевелись мы сюда из обычной школы. Для меня стали настоящим открытием родительские собрания. Всех нас сажают

в круг для общения, и слово вначале дают детям, чтобы они говорили о себе. Затем родители высказывают свой взгляд на то, что происходит в школе. И в последнюю очередь слово дают учителям. Между прочим, дети здесь не только отчитываются о своих достижениях, но и не боятся говорить о том, что их не устраивает в ком-то из учителей. Я считаю, что это правильно».

«Школа должна учить и не мучить, – подтверждает мама четвероклассницы Анна Бирюкова. – Как правило, обычная образовательная школа мучает детей, и они ее, если честно, ненавидят. Моя Зоя, которую мы водим в «Унисон» четыре года, не любит каникулы. После первого класса ребенок нам заявил, что школа – самое лучшее, что есть на земле!»

У Ольги Ковзель старший сын учится в седьмом классе, а недавно и младшего ребенка она без всяких сомнений привела в первый класс к «унисоновским» педагогам, несмотря на то, что у мальчика инвалидность и его пока приходится водить, держа за руки. Дело в том, что в этой школе получают образование еще несколько ребят-инвалидов, и здоровые дети общаются с ними на равных. «Понимаете, в «Унисоне» не пытаются вос-

Ученый секретарь Петербургского отделения РАН Борис Дубенцов разбирает на уроке истории понятие «синдикат» на примере пошива кофточки

Учитель английского языка Наталья Лысенко умудряется вписать разговорную практику в обстановку загроможденного кабинета радиотехники Дворца творчества

В Английский клуб на математику

А почему, собственно говоря, у такой школы, педагоги которой в совершенстве владеют методикой для массового образования детей, до сих пор сохраняется статус экспериментальной площадки? Ответ прост: «Унисон» существует на крошечных арендуемых площадях, которые могут в любой момент отобрать. И это притом, что в Петербурге на сегодня около 250 полупустых школьных зданий, где вместо 600 едва набирается 200 учеников. Почему же чиновники не предложат «Унисону» разместиться в одном из этих зданий, ведь там школа могла бы развиваться?

Но, как пояснила нам Лариса Герасимович, в 2004 году комитет по управлению городским имуществом выделил «Унисону» в аренду второй этаж во флигеле на Миллионной улице, 17 общей площадью около 300 квадратных метров. С тех пор городские власти убеждены в том, что «Унисон» чуть ли не «жирует» на обширных площадях. Еще бы: место школе выделили самое роскошное, какое себе можно представить в Петербурге. «Унисону» разрешено жить в особняке, где в XIX веке был

питывать под одну гребенку, а ценят непохожесть каждого ребенка, – поясняет нам Ольга Ковзель. – Наш старший сын, Коля, с детства был очень задумчив, любил рассуждать на темы, несвойственные его возрасту, – о смысле жизни, о религии, о любви и смерти. Уже в два года в парке, где мы гуляли, другие родители называли его «философом». Я думаю, в простой школе учителя бы его осадили, никто бы с ним и разговаривать не стал. А здесь с ним взрослые беседовали как с равным, всячески поддерживали его рассуждения. Эта школа стала для него родной с детства, ведь мы ходили сюда заниматься музыкой

в «Школу раннего развития». А потом – в первый класс. Потому что здесь царит особая атмосфера, не подавляющая, а поддерживающая желание ребенка учиться». Особенности, подмеченные внимательной мамой, профессор Адамский формулирует строго научно, и диагноз его таков: «В «Унисоне» не просто владеют методикой обучения. Они достигли почти совершенства в том, чтобы на индивидуальном развитии строить массовое образование. Жаль, что школа маленькая, потому что таким фантастическим педагогам под силу обучать не по 150, а по 500 учеников!»

Учредитель школы «Унисон» Лариса Герапинович надеется, что когда-нибудь дети начнут ходить на уроки с парадного входа

знаменитый петербургский Английский клуб. Парадный фасад здания выходит на Дворцовую набережную прямо напротив Петропавловской крепости. Несмотря на попадание в дом в 1941 году немецкого снаряда, основная его часть с историческими залами сохранилась, и эти помещения включены в списки охраняемого наследия комитета по охране памятников культуры и архитектуры. «В Жемчужном зале у нас будет математика, а в Охристом зале – литература!» – воскликнул один из учителей, попав в новые владения школы с прекрасными кариатидами, завитушками и другими украшениями в стиле барокко. Однако радость «унисоновцев» была преждевременной: залы с дворцовыми интерьерами оказались в весьма запущенном состоянии. Но родители заявили, что ради детей они готовы платить за дорогую реставрацию. И работа закипела. Только за первые два года, получив специальное Охранное обязательство, «Унисон» затратил на проекты, экспертизы, расчистки и прочие хлопоты более 6,5 миллиона рублей. А в 2006 году беда грянула, откуда не ждали: разбирая перего-

родки загаженного туалета с неисправной канализацией и сняв часть промокшей штукатурки с лепниной с потолка в Охристом зале, рабочие обнаружили, что одна из мощных балок потолочно-чердачного перекрытия треснула. Арендатор не имеет права ремонтировать эти конструкции своими силами. Работы такого рода обязаны производить районные бригады из жилищно-коммунальных структур. Увы, вот уже четыре года мелкие и крупные бюрократы никак не соберутся отремонтировать злосчастную балку. Похоже, вся волокита устроена вокруг финансирования этого ремонта.

«Благодаря нашей настойчивости пару лет назад подрядчики – представители Центрального района Петербурга – все-таки составили смету на 230 тысяч рублей и даже утвердили документ в Комитете по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры (КГИОП), – поясняет Лариса Герапинович. – Но с тех пор прошло еще два года, а к работам они не приступали. Нынешним летом мы узнали, что в КГИОП появилась другая смета на те же работы,

но теперь с нас хотят «слупить» миллион рублей. Есть разница? Беда в том, что эти деньги подрядчики намерены изъять из карманов родителей. Пока наши кураторы в КГИОП вторую смету не утверждают вследствие ее абсурдности, как долго эта ситуация продлится, мы себе не представляем. Мы так устали, что готовы отказаться от помещений на Миллионной улице, и нам прекрасно известно о том, что их хотят у нас забрать в пользу очень богатых людей. Пусть забирают, но нам ведь ничего не предлагают взамен».

Вот уже много лет помочь школе «Унисон» обрести собственный дом пытаются самые разные инстанции – от депутатов петербургского Законодательного собрания до инспекторов уполномоченного по правам человека, приемной партии «Единая Россия» и даже полпреда президента. Настораживает тот факт, что на все запросы из этих высоких властных структур петербургская бюрократия беспечно шлет ответы, в которых, по словам учредителя «Унисона», содержится не только полуправда, но даже и «чистейшей воды вранье». К примеру, чиновники комитета по

Прежде чем стать обучающим пространством, Жемчужный и Охристый залы и несколько кабинетов здания на Миллионной, 17 должны быть отреставрированы. Эти работы нельзя проводить, пока над головой висит треснувшая балка, но чиновники четыре года не хотят ее чинить

На столе у учредителя «Унисона» растут и пухнут уже целые горы папок с этой обширной и нелепой перепиской. К сожалению, педагоги и руководители авторской школы вынуждены тратить душевные силы и энергию не столько на детей, сколько на борьбу с бюрократической машиной. В тревожном состоянии учителя: им давно хочется прочно обосноваться в нормальных кабинетах с современным школьным оборудованием. Угасает энтузиазм и вера в справедливость у детей и их родителей. «Я вообще-то учитель музыки, – вздыхает Лариса Геррапинович. – А теперь и экономист, и юрист, и электрик, и строитель, и реставратор, и администратор. У меня очень много обязанностей. Кстати, все они перечислены на сайте нашей школы, и заглянуть в перечень моих задач может каждый ребенок и каждый родитель. Наш девиз – полная открытость, без которой невозможно доверять друг другу. Даже бухгалтерию нашей школы ведет не штатный сотрудник, а мама одного из учеников. Нам очень хочется, чтобы на третьем десятке жизни школе «Унисон» не мешали работать, а помогли нам обрести постоянную крышу над головой. Все-таки состояние «бомжевания» – неправильное, особенно когда приходится годами платить деньги за аренду площадей, которые невозможно использовать. А цена вопроса слишком высока – мы готовим к жизни в XXI веке тех самых людей, которые так нужны модернизирующейся стране».

образованию в письме в Общественный совет при Министерстве образования и науки РФ докладывают, что, мол, «Унисон» арендует 324,5 квадратных метра на Миллионной, в доме №17. А также занимает нежилые помещения площадью 478,9 квадратных метра в здании на Набережной реки Фонтанки и арендует 244 квадратных метра во Дворце творчества юных. Если сложить все указанные квадратные метры, солидная цифра получается. Только ведь «исполнители» бумаги не уточняют, что 200 с чем-то метров из пресловутых 478,9 «квадратов» – заплесневелый и пустующий низенький подвал, за который школе приходится платить аренду, но запускать туда детей категорически запрещено инспекторами СЭС. Не признаются бюрократы также в том, что часть из шести арендуемых кабинетов в Аничковом дворце площадью 244 квадратных метра загромождена специальным оборудованием для технического творчества, просто старшеклассники «Унисона» приспособились там писать на краешках столов. О ситуации с руинами на 324,5 квадратных метра на Миллионной улице авторы отписок также

не докладывают, как не признаются в причинах многолетней волокиты вокруг треснувшей балки. Да что там мелкие «отписчики» из комитета по образованию! Вице-губернаторы Петербурга Алексей Сергеев, отвечающий за хозяйственные вопросы в городе, и Юрий Молчанов, отвечающий за строительную сферу, доводят искаженную информацию в своих письмах в полпредство президента по северо-западу и уполномоченному по правам человека в Петербурге. Вице-губернаторы утверждают, что школа-де «не предоставляет документацию», «не демонтировала лепнину», а также якобы отказывается «принять долевое участие в работах по замене перекрытий, общая стоимость которых составляет 1 миллион рублей». «Никаких предложений и соглашений об устранении аварийности перекрытий нам никто не предлагал! – утверждает Лариса Геррапинович. – Мы стучимся во все двери, пытаемся получить хоть какой-нибудь внятный ответ о сроках начала ремонта, но как они могут его начать и, тем более, что-либо нам предлагать, когда у них даже проект не согласован?»

ОКСАНА НОСОВИЦКАЯ

Владимир Емельяненко

ГРАЖДАНСТВО НЕ ПРЕДЛАГАТЬ

КОГДА АЛЕКСЕЙ МЕШАЛКИН, ФИЗИК-ЯДЕРЩИК ИЗ МОЛДАВИИ, ЕХАЛ В МОСКВУ И ДУБНУ НА ПЕРВУЮ «БИРЖУ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ТРУДА», ОРГАНИЗОВАННУЮ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУК И ФЕДЕРАЛЬНОЙ МИГРАЦИОННОЙ СЛУЖБОЙ, КОЛЛЕГИ ИЗ КИШИНЕВСКОГО ИНСТИТУТА ПРИКЛАДНОЙ ФИЗИКИ УДИВЛЯЛИСЬ: «ТЫ ЖЕ ХОТЕЛ УЕХАТЬ В США?»»

КАК НИ ДОКАЗЫВАЛ МОЛОДОЙ УЧЕНЫЙ, ЧТО В РОССИЙСКОМ НАУЧНОМ ЦЕНТРЕ «КУРЧАТОВСКИЙ ИНСТИТУТ» СОБЕРУТСЯ ЯДЕРЩИКИ ИЗ КАЛИФОРНИИ И ХЬЮСТОНА, ДУБНЫ И ПЕТЕРБУРГА, ПАРИЖА И ЛИВЕРПУЛЯ, ЕМУ НЕ ВЕРИЛИ. А УЖ КОГДА МЕШАЛКИН ПРИЗНАЛСЯ, ЧТО ВЕЗЕТ В ДУБНУ СВОЙ НАУЧНЫЙ ПРОЕКТ, И В ЗАВИСИМОСТИ ОТ ТОГО, КТО ИМ ЗАИНТЕРЕСУЕТСЯ, ТУДА ОН И ПОЕДЕТ РАБОТАТЬ, КОЛЛЕГИ И ВОВСЕ У ВИСКА ПАЛЬЦЕМ ПОКРУТИЛИ: ВОЗМОНИЛ, МОЛ, СЕБЯ ЭЙНШТЕЙНОМ. Но... Сегодня Алексей Мешалкин – научный сотрудник всемирно известно-

го ядерного центра «Курчатовский институт».

В Москве Алексей сразу записался на курс лекций «Инновации XXI столетия» – самый представительный формат биржи, которая является еще и курсами повышения квалификации для молодых ученых. Кстати, лекции выбрали соискатели вакансий из 72 стран. А вот конкурсный отбор собрал меньше участников – всего из 27 стран. Он поделен на три этапа: предоставление гранта на завершение учебы в известных научных центрах или вузах, трудоустройство с испытательным сроком в год и трудоустройство со своим научным проектом или разработкой для внедрения.

«По итогам знакомства с моим проектом меня позвали на работу в Минск и Хельсинки, – рассказывает Алексей, – но я, честно говоря, хотел в «Курчатовский институт». И когда академик Евгений Велихов, которого все ждали, не приехал, я растерялся. Я-то хотел, чтобы он или кто-то из его команды дал оценку моим фундаментальным наработкам (Мешалкин занимается степенями безопасности ядерных реакторов. – **Прим. авт.**), но помощь пришла, откуда я не ждал».

Из любопытства молодой ученый записался на лекцию лауреата Нобелевской премии Жореса Алферова. На лекции был аншлаг – к знаменитому ученому выстроилась очередь длиной... в два дня. Молодые ученые из разных стран предлагали инновационные проекты для внедрения в производство, поскольку в своих странах они их, по разным причинам, продвинуть не могут. Причем проекты были не только по специальности Алферова, но и по смежным областям. Мешалкин решил рискнуть и тоже встал в очередь. А Алферов, познакомившись с его разработкой, сразу позвонил в Дубну, куда иностранного физика-ядерщика пригласили на стажировку, а потом позвали и на работу. «Предлагают и с российским гражданством помочь, – говорит Мешалкин, – но я еще не решил. У меня в Кишиневе семья, у нас с женой там родители. Да и вообще, границы мира раздвигаются – работать можно везде, а дом есть дом. Я, ско-

рее всего, буду в России работать, а потом научный опыт, который можно получить только в «Курчатовском», пригодится Молдавии. Не всегда же мы будем экономить на науке».

Но эмиссары и из Минска, и из Хельсинки, несмотря на подписанный Алексеем контракт, все равно его обхаживают.

«Биржа – это интересный эксперимент, который может стать своего рода прообразом способа борьбы за умы, – говорит Наталья Зубаревич, директор региональных программ Независимого института социальной политики. – Биржа – это ответ на глобальную тенденцию утечки мозгов и попытка направить ее в цивилизованное русло. Так Россия реагирует на конкурентную гонку за умы: ведь и от нас утекают мозги, вот мы и зовем тех, кто может их заменить». Шаг, как признают многие эксперты, в духе конкуренции и времени. По данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), в последние годы растет доля квалифицированных кадров в потоке трудовой миграции в развитые страны. С 2000-го каждый год в страны ОЭСР въезжают 4–4,3 миллиона трудовых мигрантов. Из них до 1,9 миллиона – ученые и высококвалифицированные специалисты. Национальная структура мигрантов-специалистов, по данным ОЭСР за 2009 год, такова: выходцы из Китая – 10,7 процента, из Польши – 5,3, из Румынии – 4,6, из Мексики – 4,2, с Филиппин и из Израиля – 3,6 процента. После того как в 2006 году России предложили вступить в ОЭСР, рекомендовав ослабить миграционные препоны для молодых специалистов, их поток из страны вырос с 1,9 процента в 2005 году до 2,3 процента в 2009-м. Но это официальные цифры Росстата, а поскольку многие уезжают по рабочим визам, отследить их всех сложно, они не проходят через учет ФМС.

«Мы располагаем лишь косвенными данными, – говорит Наталья Зубаревич. – Примерно 14 процентов россиян, по данным ВЦИОМ, хотят уехать из страны на постоянное местожительство. О доле ученых и специалистов в их числе можно только строить предположения. Она пока будет расти: вузы выпускают боль-

шое число студентов, но высокотехнологичные производства простаивают, поэтому, увы, институты и университеты фактически работают на экспорт. По нашим наблюдениям, страну в основном покидают математики, инженеры химикотехнологических специальностей, IT-специалисты, биологи».

Способствуют оттоку молодых ученых и меняющиеся правила игры. В конце 2008 года страны ЕС договорились о введении с мая 2011 года так называемой голубой карты – вида на жительство для мигрантов с востребованной специальностью. За ее основу взята идея американской green card. США давно и последовательно участвуют в конкурентной борьбе за умы, привлекая в страну специалистов, в которых нуждается американская экономика. Теперь и ЕС намерен использовать ту же тактику. Как предусматривает законопроект о голубой карте, внесенный на рассмотрение Европарламента, по окончании первого срока контракта в одной стране у специалиста появится возможность продолжить работу в другой стране ЕС. К примеру, инженеру-биотехнологу, врачу или программисту из СНГ, желающему продолжить работу в ЕС, для получения визы достаточно будет представить контракт или подтверждение от работодателя.

Вот этот ход в нарастающей борьбе за профессиональные кадры и пытаются перенять Россия.

Ответ голубой и зеленой картам

В отличие от Алексея Мешалкина врач Владимир Казбанов, председатель Совета молодых ученых Академии наук Белоруссии, не собирается принимать предложений о трудоустройстве – ни от россиян, ни от грантодателей из ЕС. На биржу он привез конкретную научную разработку, чтобы, скооперировав научные усилия, внедрить в производство медицинской техники высокотехнологичное алмазоподобное покрытие для лечения остеомиелита (инфекционное заболевание костного мозга. – **Прим. ред.**).

«Изобретение алмазоподобного покрытия – это не достояние белору-

сов, но мы нашли ему более широкое применение, – говорит Владимир Казбанов. – В мире оно используется как шовный материал при замене больных суставов искусственными. В процессе изучения биосовместимости алмазоподобного покрытия с человеческими тканями мы в Минске первыми пришли к выводу о том, что оно обладает антиоксидантными свойствами – подавляет инфекции. А если вживить в это покрытие наночастицы серебра, чего мы добились экспериментально, то подавляется рост раковых клеток. И костную ткань, таким образом, не надо менять на искусственную».

Внедрение в медицинское производство алмазоподобного покрытия нового поколения Казбанов сравнивает с пересаживанием с трактора на «мерседес». Но плата за наукоемкие медицинские технологии высока – в Академии наук Белоруссии ученому ответили, что внедрение этого изобретения в хирургическую практику стране не по карману. Теперь он надеется зазвать в Белоруссию россиян, киргизов и украинцев, у которых есть успешный опыт экспериментов и наработок с алмазоподобными покрытиями, квалификация и деньги для того, чтобы довести до ума белорусскую разработку. «Но рынок – вещь жесткая, – жалуется Владимир. – Все хотят быстрого «кэша» – подешевле перекупить разработку или «мозги». И никто не готов к кооперации усилий. А я не хочу никуда уезжать. И не понимаю, почему нельзя использовать проверенную практикой внедрения хорошую медицинскую базу Белоруссии, вложив в нас свои капиталы, кстати, ощути-мо меньше, чем в России, на Украине или, тем более, в ЕС. С моей точки зрения, это и есть пример выгодной для всех международной кооперации труда».

Пока на предложение белоруса Казбанова откликнулись только ученые из Киргизии, но у них средств на внедренческие инновации еще меньше. А россияне и украинцы взяли паузу «для изучения».

«Мы не ставим целью «покупать» всех перспективных ученых российским гражданством, – объясняет Павел Тараканов, председатель ко-

митета по делам молодежи Государственной думы. – Это явно не самый лучший кадровый ход в условиях глобализации. Более того, наметилась тенденция – ее «основателями» стали китайские студенты и специалисты в США, – когда квалифицированные кадры, получив опыт обучения в престижных вузах и солидных компаниях, отказываются от гражданства даже США или ЕС ради возвращения в свои страны. Особенно туда, где наблюдается рост экономики. В меняющихся условиях куда важнее обмен опытом и мозгами. Вопрос, как всегда, условий и торга. А вот тут нам есть что предложить. И что скрывать, разумеется, мы заинтересованы, чтобы ученые и изобретатели ехали к нам. Конкуренция так конкуренция».

Госдума уже рассмотрела законопроект, упрощающий получение российского гражданства для молодых ученых и квалифицированных специалистов-соотечественников, живущих за рубежом – в основном в странах СНГ, Израиле, Германии и США. Это наш ответ голубой и зеленой картам.

Сообщающиеся сосуды

Правда, пока, как сообщили «Русскому миру.ru» в ФМС, законопроект возвращен на доработку. В проекте предусматривается предоставление ученым и квалифицированным специалистам вида на жительство на срок до 5 лет, права на упрощенную процедуру получения гражданства, льготной системы налогообложения и прочих преференций. Одновременно на ученых и специалистов в случае получения российского гражданства не распространяется требование о пятилетнем сроке непрерывного проживания в РФ и подтверждении источника средств к существованию. Им даже не потребуется владение русским языком. Причем эти льготы будут иметь силу и для членов их семей. Ожидается, что Госдума примет этот закон в конце 2010 – начале 2011 года, с тем чтобы на паритетных началах стартовать с ЕС, вводящим голубую карту.

А пока «наш ответ Чемберлену» не заработал, «Биржа интеллектуаль-

ного труда» пробует еще один способ решения кадровых проблем: зазывает талантливую молодежь, еще даже не получившую высшего образования. Так, выпускник-отличник гимназии №4 из Душанбе в Таджикистане Парвизджон Розиков приехал в Москву выбирать новое место учебы. Решил поступать на физический факультет СПбГУ. «Я потом хочу в питерском Радиевом институте имени Хлопина поработать», – делится планами Розиков.

И если душанбинец Розиков еще не решил, останется он в России после учебы и стажировки или нет, то его соотечественник, абсолютный победитель олимпиады по русскому языку 14-летний Рустам Кенджаев, все спланировал на годы вперед. «Я буду дипломатом, – уверен он, – буду жить в Москве, а потом работать в ООН». Набравший на олимпиаде, в которой участвовали представители 36 стран мира, максимальные 150 баллов, Рустам и в жизни стремится к максимуму. Он хочет предложить ООН равноправную модель представительства всех стран. Ее он пока только создает, но к окончанию МГИМО – а учиться парень намерен только там – обязательно ее доработает.

«Ну и здорово, что эти ребята потом вернутся к себе в Таджикистан, Киргизию или Молдавию, – считает депутат Госдумы Павел Тараканов, – у нас они на время закроют кадровый голод, оставят стране часть своего таланта, а домой привезут квалификацию, опыт и расположенность к россиянам».

Кстати, параллельно с первыми ростками «Биржи интеллектуального труда», которая только пускает корни, по рекомендации РАН правительство рассмотрело вопрос об отмене квот на квалифицированных мигрантов для Сибири и Дальнего Востока. Проблема в том, что желание работать в Сибири есть у китайских, японских и корейских ученых и специалистов, но квоты закрывают для большинства из них вход на сибирский рынок труда.

«Думаю, проблема будет решена, – говорит Валерий Тишков, директор Института этнологии и антропологии РАН, член Общественной

ОКСАНА НОВОВИЦКАЯ

палаты, – просто на все нужно время. Мы же еще не закончили переход к профессиональному бизнес-образованию. Бизнес-школ, которые учили бы управлять крупными проектами, не хватает. Пока этого нет, мы должны осознать, что разумнее приглашать специалистов из-за рубежа, лучше всего с опытом кризисных решений. Ведь иностранных специалистов в Россию привлекают не только высокие заработки. Они еще получают опыт решения кризисных задач.

Как полагают в РАН и ФМС, приток через «Биржу интеллектуального труда» молодых ученых и квалифицированных иностранных кадров в Россию будет способствовать снижению числа отечественных специалистов, стремящихся уехать за

границу. Кроме того, у них появится шанс вернуться домой на места, которые по истечении контрактов освободят иностранцы. Тем более что помимо азиатских специалистов и соседей из СНГ вынужденный интерес к России начинают проявлять и европейцы: на ЕС давит растущая безработица, финансовый и машиностроительный сектор имеют перегруженность по персоналу до 50 процентов, сокращение на треть ждет немецкие и французские автогиганты. А в России есть потребность в инженерах (как правило, в пищевой, химической промышленности и в приборостроении), специалистах в области высоких технологий и в IT-персонале. Правда, представители Финляндии, Германии, Франции, Польши и еще

нескольких европейских стран, приехавшие на «Биржу интеллектуального труда», ограничились либо статусом наблюдателей, либо предпочли статус стран, зовущих к себе на заработки.

Вот только заработает ли программа «сообщающихся сосудов», когда отток специалистов из кризисных отраслей будет перекочевывать в растущие отрасли экономики, а высококвалифицированные кадры, как отечественные, так и иностранные, будут питать экономику разных стран, превращая утечку мозгов в «сообщающиеся сосуды», точнее, свободно перемещающиеся по миру трудовые ресурсы? Все зависит от добросовестной конкуренции и желания учитывать интересы партнеров и конкурентов. ■

Евгений Резепов, фото Андрея Семашко

СЕРДЦЕ НАДЕЖДЫ

Простая медсестра из города Ардатова собрала в своей семье пять родных сестер, разбросанных по разным детским домам. Последний Форум матерей России в Кирове наградил Надежду Володину знаком «Золотое сердце».

ДИРЕКТОР АРДАТОВСКОГО детского дома указал ей на дверь. Ноги ее не слушались, по лицу предательски бежали слезы. Надежда вышла на улицу и побрела на работу, в больницу. Коллеги обо всем догадались сами: отказали! Полчаса назад они, провожая ее, дотошно осмотрели выглаженный белый халат, уложенные волосы, лицо без косметики – вдруг ее сочтут несерьезной женщиной? Придаться к внешнему виду было невозможно. Ей пожелали удачи и отправили с богом.

...«Я против тебя ничего не имею, но детей не отдам!» – Повторив сослуживцам эти слова директора детдома, Надежда снова заплакала. Коллеги сочувствовали, но многие все-таки отказывались понимать: зачем одна из лучших медсестер, воспитавшая своих четверых детей, обивает казенные пороги, чтобы взвалить на себя теперь детей приемных? Нечего Надежде туда ходить. Пусть занимается работой и домашним хозяйством. Вечером после работы Надежда прибрала в доме, убрала за скотиной во дворе. По привычке села перед телевизором, насыпала перед собой горку семечек и приготовилась смотреть в экран. Но уже в который раз тишина в доме вызвала тоску. Детские рисунки на стенах, игруш-

ки на полках, а в доме – тихо... На глаза снова навернулись слезы. Надежда твердо решила: детский смех обязательно вернется в ее дом.

Тишина и отчаяние

Последний визит Надежды в детский дом закончился тем, что директор велел не пускать ее на порог. Много раз она стояла под окнами, вглядываясь в детские личики. Иногда ее просили уйти от стен приюта, чтобы не смущать детей. Маленькие воспитанники барабанили в стекла и кричали: «Мама! Мама пришла!» А в районном отделе образования сотрудница, ведающая делами опеки, караулила настойчивую женщину, чтобы та не пробралась без ее ведома на прием к начальнику отдела. И не разжалобила бы его своими слезами. В Ардатове у Надежды не было родственников. И у ее покойного мужа, который привез ее сюда, тоже тут не было родных. С мужем она познакомилась в Саранске после окончания

медучилища. Работать в городе ей не захотелось. Надежде, родившейся в сельской многодетной семье, понравился уютный старинный городок, куда ее муж получил направление на работу тренером в спортивную школу. Испытания начались с третьего ребенка. Во время беременности случилось несчастье: дочка Танечка обварилась. Беременность проходила в нервном стрессе, в какую-то отчаянную минуту Надежда взмолилась: «Господи, помоги! Пусть выживет Таня и родится ребенок здоровым, рожу еще одного!» Верочка родилась здоровой, Танечка поправилась, и почти сразу Надежда вновь забеременела. Муж был против, родные и знакомые не понимали ее, и лишь она одна знала, зачем ей четвертый ребенок – выполнить обет, данный Богу. Все упреки принимала молча. В ноябре родилась Леночка. Муж умер, когда старшему сыну, Жене, было 14, а младшей, Лене, – 5 лет. В трудные 90-е годы Надежда молила

Бога о терпении. Какая-то бабушка, встретив на улице молодую вдову вместе с ее выводком, сказала вдруг, что нельзя терпения просить, страдания этим вымалываешь, а нужно силу просить, чтобы детей поднять. И та сила, которую Надежда то ли вымолила, то ли от отчаяния в себе нашла, помогла ей управиться и с хозяйством, и с детьми. Сын Женья сейчас в Самаре живет, двоих детей имеет, Таня тоже в Самаре. Младшие дочки, Вера и Лена, учатся в университете в Саранске. Но дом-то опустел... Вот эта пустота и тишина и привели женщину к порогу Ардатовского детского дома с просьбой дать ей на воспитание брошенных детей. Порыва Володиной не оценили... Первой поменяла отношение к Надежде специалист районного отдела образования Антонина Никифорова. Два года она наблюдала за мытарствами Володиной. Однажды решила зайти к Надежде домой. С первого взгляда поняла – тут семья есть. На стенах – бисерные вышивки и рисунки старших дочерей Надежды. В комнатах – застеленные свежим бельем детские двухъярусные кровати. Надежда увлеченно показывала, как и кого она бы разместила в своем доме. Посмотрела Никифорова и двор, в котором была корова. Коровой не пахло. Познакомила Надежда гостью со своим новым мужем, Николаем Алексеевичем, и заверила, что если что-то с ней случится, то за приемными детьми будут смотреть и он, и ее родные дети. Такое слово она с них уже взяла.

Своему начальнику Никифорова сказала: «У нее дети не пропадут». К директору местного детского дома обращаться не стали. Поехали в столицу региона, Саранск, в Министерство образования. Там в отделе реабилитации детей, отданных под опеку, есть база по всем детским домам региона. О настойчивой Володиной здесь уже знали и сразу стали спрашивать, ребенок с какими глазами и волосами ей нравится. «Это не мне ребенок должен понравиться, а я ему!» – отрезала Володина и стала просить сразу двоих детей. Дети должны общаться между собой. «А троих возьмете?» – спросили Надежду. Она с радостью согласилась и на троих. Ей предло-

жили на выбор три семьи. И тут Надежда показала свой характер. Кого дадут – того и возьмет. И ей предложили посмотреть сестер Селезневых. Так Надежда Володина впервые услышала эту фамилию.

Две сестры

Две девочки жались друг к другу. О том, что они сестры, свидетельствовали похожие темные глаза, одинаковые овалы лиц. Волосы у девочек были собраны в хвостик. Поверх школьной формы – кофты. Ладони сжаты в кулачки. В кабинете, куда их привели познакомиться с будущей приемной мамой, было холодно. Надежда сняла с себя шубу и укутала девочек. «Мои!» – радостно подумала она и попросила работников детского дома-интерната оставить их одних. Те спорить с Володиной не стали. К привезенным конфетам, фруктам, куклам девочки интереса не проявили. Младшая, 8-летняя Алина, спросила: «Вы нас бить не бу-

дете?» Оказывается, перед визитом Надежды некоторые воспитатели стали страшить сестренку жизнью в приемной семье. То же самое им говорили и дети повзрослее, уже пострадавшие в приемных семьях... Все четыре дня, на которые девочки были отпущены к Надежде в гости, им названивали воспитатели. Пока сестры гостили у нее, она не уставала поражаться: двигаются как деревянные игрушки, никому и ничему не верят. Было ясно, что девочек уже не раз жестоко обманывали. Правда, Селезневые сразу же захотели остаться жить у Надежды. Больше всего им понравились щи, которые муж Надежды специально для девочек сварил в чугушке. Оформление документов заняло две недели. Провожали сестер Селезневых из детского дома со слезами. Особенно плакали из-за Алины, которую считали местной эстрадной звездой. Не плакали только сами сестры.

На прощание им надарили много вещей. И только школьную форму брать не стали: решили купить новую в Ардатове. Попросили об этом сами девочки: им не хотелось, чтобы от них в школе пахло интернатом. Они даже спросили Надежду: «Что мы скажем в школе? Мы не хотим быть «интернашками!» Представляя поочередно своих девочек в новых для них классах, Надежда назвала их своими дочерьми. Присут-

ствовала при этом и Антонина Никифорова. И лишний раз подумала, как правильно они поступили, что все-таки поверили Володиной. Ели сестры у Надежды за пятерых. Постепенно девочки рассказали приемной маме историю своей короткой жизни. Родная мать часто бросала их одних дома. Однажды пропала на два месяца. Ирине было четыре, а Алине – два годика. Они ходили по коридору общежития и

просили у соседней поест. За собой девочки возили коляску, в которой ревела их новорожденная сестра Галя. О пропавшем папе они ничего не знали, кроме того, что он был лучше мамы. Соседи написали жалобу, маму Селезневых лишили родительских прав. Алину отдали в детский дом «Малютка» в село Большие Березники. Туда же отдали и младшую сестру, Галю. Алина видела ее там. Потом Алина встретилась с Ириной в дошкольном доме-интернате в городе Рузаевке. Вместе они были переведены в дом-интернат для детей школьного возраста в пригород Саранска, Ялгу. Галю они больше не видели. Сестренки каждый день напоминали своей приемной маме о ней. Им хотелось, чтобы и Галя так же сытно ела, спала в тепле и грелась рядом с ними под боком у новой мамы.

Еще три сестры

Отправляясь за третьей сестрой Селезневых, Надежда взяла с собой гостинцы, фотографии Ирины и Алины и их письмо Гале. В Рузаевском детском доме во встрече отказали. Галя болела. Предложили посетить другую Селезневую – Олю. «Какую Олю?» – не поняла Володина. Оказывается, сестер Селезневых не три, а четыре. Никогда Ирина и Алина не рассказывали Надежде о своей четвертой сестренке. Помнили они только Галю. «Значит, четвертую их мамаша родила, когда эти первые три были в детдоме! И сразу же от нее отказалась!» – с ужасом догадалась Надежда.

Когда Надежда дома рассказала о поездке, то сестры Селезневые переглянулись и закричали: «Это не наша! Это какая-то другая!» Они испугались! Надежда растерялась. Она не знала, что сказать своим девочкам. Та сотрудница в Министерстве образования четко и ясно говорила ей о трех девочках. Но вместо беспокойства Надежда почувствовала радость и благодарность этой чиновнице, которая, сама не зная того, одарила ее такой радостью – четырьмя девочками! Надежда обняла своих девочек и стала уговаривать: ну как же не наша, если и по всем документам она Селезнева, и внешне похожа. Здесь она, конечно же, преувели-

чивала. В отличие от темноволосых Ирины и Алины Оля была беленькая, с другой фигурой и не такая бойкая, но такая же нежная и ласковая. «Не надо нам Оли, вези Галю!» – продолжали настаивать девочки все время, пока шло оформление документов на Олю. Но Галю, у которой подозревали туберкулез, можно было взять только осенью после прохождения длительного курса лечения в больнице. И уже после того, как Надежда привезла Олю, она еще долго выслушивала замечания старших девочек: «Оля не наша! Она вся белая, прозрачная, волосы рыжие!» И только когда Оля за лето загорела, она стала похожа на сестер.

Оля вообще не знала материнского тепла. Так же как и сестры, она первое время в бане не давала до себя дотронуться – боялась. Ее, как и их, надо было учить обращаться с мылом, мочалкой, шампунем. Девочка не видела раньше по отдельности ни сахара, ни соли. Часами она стояла рядом с Надеждой, наблюдая, как та готовит пироги. Однажды к Надежде прибежали Ирина и Алина с жалобами на Олю. Та играла на пе-

ске возле дома. Мимо шла женщина из магазина. Оля побежала за ней с криком: «Тетенька! Дай пирожок!» Та дала. Все же в Ардатове знали о приемных детях Надежды. Ирина и Алина пирожок у сестры отобрали, женщине вернули, привели Олю домой, сказали Надежде: «Не наша она! Не Селезнева! Беленькая!» Надежда прижала плачущую Олю к себе: «Еще какая наша – ведь я тоже беленькая!» Но повторения таких историй Надежда, признаться, боялась. Могут и детей отобрать! Надежда знала, почему Оля так себя повела. Рузаевский дошкольный детский дом, откуда она ее забирала, расположен вблизи леса. Мимо ограды идут люди за ягодами и грибами, и часто дети, просовывая руки сквозь прутья, просят у них гостинца.

Новостей о Гале сестренки Селезневые ждали с нетерпением. Ведь они помнили ее! Сцену встречи с Галей Надежда пересказывала девочкам много раз. Девочка уже знала от своей сестры Оли, что у них появилась мама, сестры... Галя бежала к приехавшей женщине по коридору, полному людей, которые расступались

перед ней. «Мама! Где же ты была!» – кричала она, прижимаясь к Надежде. И той пришлось сочинять, что она болела, а детей у нее забрали и теперь она собирает их по детским домам.

Однажды после очередной поездки Надежда вернулась задумчивой. Ничего не рассказывала. Казалась очень уставшей. Супруг Николай Алексеевич заподозрил что-то неладное. Когда девочки ушли спать, Надежда призналась: ошиблись работники в министерстве в числе сестер Селезневых. «Так значит Оля не наша? – охнул Николай Алексеевич. – Не отдадим!» Оля была Селезневой. Да только Надежде поведали еще об одной сестре Селезневой – четырехлетней Наде. От нее мать тоже отказалась в роддоме. Сейчас она в детском доме «Малютка» в селе Большие Березники. «И что ты, мать, думаешь?» – спросил Николай Алексеевич после долгого молчания. «Места хватит всем», – ответила Надежда.

Надо было выбрать момент рассказать девочкам об их пятой сестренке. Сделали это вечером, послеужи-

на. Девочки в один голос закричали: «Там больше никого у нашей мамы нет?!» И на глазах у них выступили слезы.

Надежда промолчала. Она впервые стала задумываться о женщине, родившей пять дочерей. Надежде было ясно, что у всех девочек разные отцы. Но в доме Надежды, где они впервые сошлись все вместе, они полюбили друг друга. Перед приездом очередной сестры они организовывали ее встречу. Готовили комнату, постели, развешивали рисунки, распределяли между собой роли, которые будут при ней исполнять. Интернат не приучил их к бережному ношению одежды. Надежда на примере своих дочерей рассказывала, как они берегли свои наряды, зная, что потом их будут носить младшие. И с каким удовольствием она слышала замечания сестер Селезневых друг дружке по поводу брошенной одежды: «Ты что делаешь? После тебя Галя носить будет!» И вот после длительного лечения Гали в туберкулезном диспансере Надежде разрешили оформлять документы на ее удочерение.

В декабре 2006 года Ирина и Алина впервые после тех страшных дней

в общежитии встретились с Галей. Сестры обнимались, искали друг в друге родные черты. Галя прижималась больше к Оле, которую помнила по интернату. И эти родные сестры, конечно, не смогли не задать главного вопроса. О своей пятой сестре. «Мама, когда ты привезешь Наденьку?»

Надежда была готова привезти ее хоть завтра, но по рекомендациям, в правильности которых она убедилась, прежде чем вести следующего, каждому новому ребенку в семье нужно было дать время для адаптации. Девочки понимали медлительность приемной мамы иначе. Они боялись, что она передумает. Сестры Селезневые видели, сколько хлопот взвалила на себя их приемная мама. Часто они обступали ее со всех сторон, прижимались и в один голос просили: «Мама, мы будем тебе помогать еще больше! Только Наденьку привези!»

При первой встрече с самой младшей Селезневой Надежда не смогла даже с ней поговорить. Четырехлетняя Надя только мычала. Воспитатели говорили о непослушном ребенке самое плохое. Дома расстроенный

вид мамы девочки заметили сразу. От Гали и Оли она приезжала всегда эмоциональная, а тут молчит...

За Наденькой Володина поехала, как и за всеми другими сестрами, на такси. Помня о том, как Олю перед передачей в приемную семью одели в сапоги разного размера и варежки разного цвета, взяла с собой большой баул одежды. Таксист решил обратную дорогу сократить и застрял в февральских сугробах. Надежда сама помогала шоферу машину вытаскивать и дорогу спрашивать. Наденька всю дорогу спала и, только один раз проснувшись, увидела за окном собаку. Но даже назвать ее не смогла. И Надежда поняла, что с самой последней сестренкой Селезневых хлопот будет больше всего.

Свою большую семью она увидела на крыльце дома – ее ждали уже часа три. К припозднившейся машине побежали толпой. Девочки повисли у Надежды на руках. Вглядывались в машину, но среди баулов и сумок в салоне нельзя было разглядеть маленького комочка. Весил ребенок всего 7 килограммов. Сестры закричали: «Наденьку не отдали!» Надежда расцеловала всех по очереди. «Успокойтесь, Наденька с нами».

...В тот день после хлопот по поводу праздничного стола Надежда взглянула на настенный календарь: ровно год назад в феврале она привезла первых двух девочек. Эпопея закончилась: в течение одного года собрала у себя пять родных сестер Селезневых. Обняла она их своими большими и теплыми руками и заплакала. Все!

Бог дал работу

За прошедшие три года произошли такие изменения: Алина научилась играть на баяне, фортепиано, намерена освоить домру.

Ирина играет на фортепиано, занимается в школьном театральном кружке, мечтает о высшем образовании: ее интересует биология. В этом году она ездила на Кремлевскую елку в Москву.

Галя и Оля окончательно избавились от болячек, привезенных из детского дома.

Наденька научилась говорить!

В школу все девочки носят банты, заплетенные в косы.

Не так давно Ирина отказалась идти на день рождения школьной подруги, зная, что там будут покуривать. Надежда восприняла ее решение как свою победу.

Два года назад город передал семье по договору социального найма бесхозное здание детского садика. Отопление в него Надежда провела за свой счет. В одной из комнат устроен спортивный зал. В него ходят дети со всей улицы. Володина тренеров для них нанимает за свои деньги. Или просит проводить заня-

тия старшего сына, когда он бывает в гостях. Он же купил для девочек машину – старенький «уазик», чтобы Николай Алексеевич мог отвозить сестер в школу и забирать домой. А для матери приобрел большую стиральную машину.

Своих приемных дочек Надежда хочет видеть в будущем заботливыми мамами и верными женами. Наравне с Надеждой они полют сорную траву на огороде, закатывают банки на зиму, пекут пироги, вышивают. Семейный ансамбль «Мы вместе» занимает первые места на всех конкурсах.

У Надежды бывают тяжелые ночи. Ей часто снится, что приходит мама Селезневых. Она манит девочек, и те убегают с ней... Просыпаясь, Надежда бежит пересчитывать сестер: все ли на месте? В Ардатове более 60 семей, в которых воспитывается около 100 приемных детей. Были случаи, когда родные мамы приходили и пытались сманить детей... Поэтому у Надежды уже давно появилась привычка вглядываться в каждую новую женщину, которая останавливается у ее дома. Уж не мать ли сестер Селезневых? Встречи

с ней она не боится. Знает, что сказать.

Зато на Антонину Никифорову жалуются другие приемные родители. «Володиной золотых детей дала, а нам...» – «Не в детях дело», – отвечает она.

А недавно Володина поделилась с Антониной Никифоровой очередным сюрпризом от Селезневых.

Из Пензы, где Алина была на фестивале детских талантов «Созвездие», она привезла не только приз, но и новость. От детей, приехавших туда из детдомов со всей страны, она услышала про мальчика Селезнева. Живет он в каком-то детдоме на Дальнем Востоке. «Что же ты не спросила, где этот детдом?» – закричали Алине взволнованные сестры. Из документов сестер Надежда уже давно знала о том, что есть еще и брат. Но что с ним стало – неизвестно. Девочкам Надежда ничего не сказала. Поделилась этим только с Антониной. Но и та не нашлась, что посоветовать Надежде. Та и не ждала ответа. Вытерла набежавшую слезу, прислушалась к детскому смеху в коридоре и сказала:

– Бог дал работу, и я ее сделаю. ❀

Евгений Резепов, фото Андрея Семашко

ИСТОКИ

ГИМНАЗИСТКА ЕЛЕЦКОЙ ГИМНАЗИИ МАША ДЬЯКОНОВА ЗАСМОТРЕЛАСЬ НА ДВУХ ДАМ В ИЗЫСКАННЫХ СТОЛИЧНЫХ ТУАЛЕТАХ. ИЗЯЩНЫЕ ШЛЯПКИ, ПРОТКНУТЫЕ НАСКВОЗЬ КРАСИВЫМИ БУЛАВКАМИ, ТАК ПОРАЗИЛИ ЕЕ, ЧТО ДЕВОЧКА СПОТКНУЛАСЬ И ЧУТЬ НЕ УПАЛА. ПОДХВАТИЛ ЕЕ СОПРОВОЖДАВШИЙ ДАМ СОЛИДНЫЙ ГОСПОДИН.

Н АЧАЛИСЬ РАССПРОСЫ: КТО такая, где учится, что читает? Маша призналась, что любит поэзию, а из последних

прочитанных стихов ей понравился «Листопад» Бунина. Дамы переглянулись, а строгий господин улыбнулся и протянул гимназистке яблоко. Маша не удержалась и состроила гримаску: сентябрь на дворе, яблоки продаются на всех базарах, да и... «Ты не любишь этот сорт? А какие яблоки тебе нравятся?» – спросил господин. «Антоновские!» – выпалила девочка. Дамы громко рассмеялись. «Ну вот что, – смутившись, сказал господин, – у твоего Бунина есть рассказ «Антоновские яблоки». Хороший рассказ. Почитай». И дал девочке 5 копеек, чтобы она записалась в библиотеку.

Дом, из которого вышли дамы и господин, был угловой. Жила в нем представительница елецкой богемы Вера Аркадьевна Петина-Орлова, у которой собирались артисты, музыканты и офицеры Нежинского драгунского полка. Маша Дьяконова подошла к крыльцу, с которого на нее с усмешкой смотрел слуга, и спросила: «Кто был этот господин?» – «Писатель Иван Алексеевич Бунин!»

В Елецкую библиотеку имени Льва Толстого она записалась в тот же день. Историю эту, случившуюся в 1915 году, рассказала мне Тамара Георгиевна Кирющенко – заведующая елецким Музеем Ивана Алексеевича Бунина. А героиня рассказа – Мария Дьяконова, которой не понравилось яблоко, предложенное Буниным, – ее мать. Тамара Георгиевна хорошо

В 1995 году в Орле был открыт памятник И.А. Бунину работы скульптора В.М. Клыкова

помнит рассказы мамы не только о Буине, но и о Пришвине и Розанове, которые жили в тихом Ельце. Первой книгой, прочитанной ею в детстве самостоятельно, была, конечно, книга Бунина с дореволюционными ятями и ерами. В 30-е годы, когда Тамара Георгиевна училась в школе, книги Бунина можно было найти только у букинистов. И то с большим трудом. До войны писателя, уехавшего в Париж, не издавали. ...Бывшая преподавательница русского языка и литературы Тамара Георгиевна 22 года назад согласилась возглавить Музей Бунина в Ельце. Когда сотрудники музея обратились с просьбой к жителям города поделиться предметами быта конца XIX – начала XX века, земляки немедленно отозвались и принесли очень много вещей. А один из экспонатов музея – старинный красивый сервант – сдан в музей Тамарой Георгиевной. Этот сервант был подарен ее маме в день свадьбы в 1917 году и хранился в семье как реликвия. «Я знаю, мама бы одобрила, – говорит Тамара Георгиевна. – Бунин она читала до самой смерти!»

Елецкие страдания

На старинных улочках Ельца, кажется, каждый древний дом уносит в рассказы Бунина. Деревянные ставни на подслеповатых окнах, занавески, украшенные знаменитым елецким кружевом... В Ельце сохранилась милая патриархальная атмосфера старого русского города.

Сюда 11-летний Ваня Бунин приехал из родительского имения Озерки Елецкого уезда, чтобы учиться в гимназии. Сначала отец поселил его у мещанина Бякина на Торговой улице. Хозяин был богобоязненный человек, и Ване было нелегко привыкнуть к его строгостям после беспечного и привольного житья в Озерках. Особо запомнился ему первый ужин, состоявший из хлеба, крупени и рубца с соленым арбузом. Бякин, заметив брезгливость барчука, заявил: «Надо ко всему привыкать. Мы люди простые, русские, у нас разносолов нет».

Зато хозяин оказался любителем стихов. Никитина и Кольцова маленький жилец читал Бякину вслух.

Учеба давалась Ване легко. Он был смысленнее одноклассников, много читал, имел превосходную память. Из преподавателей гимназии выделял учителя русского языка. Все свободное время посвящал прогулкам по Ельцу: ему нравилось наблюдать за людьми.

На третий год учебы в гимназии отец Вани, Алексей Иванович Бунин, поселил сына в квартире у некоего Студенникова, делавшего скульптуры для городского кладбища. У него Ваня пристрастился лепить из глины кресты, ангелов и черепа. После работы похожий на Дон Кихота хозяин усаживал его с собою за стол, угощал селедкой и уговаривал выпить рюмку водки... «Скульптурные» работы юного Бунина, наверное, и сейчас можно отыскать на старом елецком кладбище.

Именно в это время Бунин влюбляется в гимназистку Юшенкову, да так, что запускает занятия в гимназии, и в итоге его оставляют на второй год. Первая любовь, кладбище, кресты, ангелы, черепа – позже все это отразится в прекрасном и невероятно изящном рассказе Ивана Алексеевича «Легкое дыхание».

На четвертый год учебы в гимназии Ваня Бунин переселился к кузине – Вере Аркадьевне Петинной-Орловой. У нее в доме постоянно бывали офицеры и актеры, которые снабжали Ваню контрамарками. Так что вскоре гимназист стал завсегдаем местного театра.

Все это не очень нравилось родителям Бунина. Поэтому когда в 1896 году после Святков Иван Бунин решил не возвращаться в елецкую гимназию, никто его особо не ко-

рил. Отец сам в свое время бросил орловскую гимназию, где учился вместе с Николаем Лесковым. А мать была даже рада, что Ваня не будет больше общаться с провинциальной богемой. Подготовить Ваню к выпускным экзаменам взялся его старший брат, Юлий, отбывавший в Озерках ссылку за участие в народо-вольческом движении. Об этих годах Бунина в Ельце подробно пишет в книге «Жизнь с Буниным» вторая супруга писателя, Вера Муромцева. Книга с ее автографом хранится в местном музее...

Музейные яблоки

Крохотные размеры Музея Бунина в Ельце особенно заметны тогда, когда у дома останавливаются огромные автобусы с туристами. Экскурсанты часто удивляются тому, что будущий известный писатель и лауреат Нобелевской премии жил в такой маленькой комнатке, да еще делил ее с товарищем по гимназии.

Яблоки в интерьере елецкого Музея Бунина занимают такое же важное место, как и самые дорогие экспонаты

«Иногда, – добавляет Тамара Георгиевна, – иностранцы просят прочесть Бунина. Хотят насладиться его речью на его родине».

Бывший дом меценат Ростовцевых, в котором расположен музей, тоже приютит Ваню Бунина на время учебы его в гимназии. Здесь все как раньше, при Бунине: полы, стены, потолки, каменные плиты, которыми вымощен двор... Только вход в дом располагался тогда с другой стороны. В те времена, когда здесь жил Бунин, по соседству располагался двор шляпного мастера. В тусклых витринках пылились круглые деревянные болваны, на которые надевались шляпы, из-за чего переулочек звался Шаровым. Этим переулочком гимназист Бунин выходил на мясной базар, от которого было рукой подать до женской гимназии, где училась его зазноба Юшенкова. «Это не совсем правда, что он остался на второй год потому, что запустил учебу из-за влюбленности. Бунин заболел, когда катался с

Обстановка, в которой жил на съемной квартире у елецких мещан Ростовцевых гимназист Ваня Бунин, воссоздана до мельчайших подробностей. Даже оконные переплеты и стекла те же

Буниных: в центре герба перстень, окруженный тремя серебряными крестами. Рядом – портреты предков: поэта Василия Жуковского и поэтессы Анны Петровны Буниной. В этой же комнате скромная кровать бедного квартиранта. Если отстать от экскурсии и задержаться здесь, то покажется, что вот-вот войдет маленький гимназист, снимет фуражку, испачканными чернилами пальцами откроет сундучок, где спрятано все нехитрое его имущество... Среди прочего – книжечки «Нивы». Под стеклом лежат старинные стальные перья – такими пользовались ученики гимназии. А вот тетради гимназиста Сапегина, учившегося вместе с Буниным. Рядом брошюра, в которой напечатаны сочинения гимназистов.

ледяной горки – это любимое развлечение детей в Ельце!» – не согласна с супругой писателя Тамара Георгиевна. Да и гимназию он оставил не по причине недовольства родителей, не желавших, чтобы сын тесно общался

с местной богемой. Просто финансовые дела семьи находились в полном упадке – разорившемуся отцу нечем было платить за обучение сына. Тамара Георгиевна рассказывает об этом, стоя под фамильным гербом

ИВАН АЛЕКСЕЕВИЧ БУНИН

10 октября (22 октября по новому стилю) 1870 года в Воронеже в семье обедневшего дворянина

родился Иван Алексеевич Бунин – первый из русских писателей, получивших Нобелевскую премию по литературе. К старинному роду Буниных, происходивших от польского дворянина Бунковского, принадлежали первая русская поэтесса Анна Бунина и известный поэт Василий Жуковский. У Ивана Алексеевича было два брата – Юлий и Евгений, а также младшая сестра – Мария. Когда будущему писателю исполнилось три года, семья переехала в поместье Бутырки

Елецкого уезда Орловской губернии. Первое стихотворение Бунин написал в восемь лет. Сам он в «Автобиографической заметке» писал, что в юности его творчество носило печать подражательства: «Больше всего подражал М. Лермонтову, отчасти А. Пушкину, которому старался подражать даже в почерке». Впервые одно из стихотворений Бунина было опубликовано в 1887 году в петербургском журнале «Родина». В 1891-м в приложении к газете

«Орловский вестник», где Бунин работал, вышла его небольшая книжечка «Стихотворения. 1887–1891». Во время жизни в Орле Бунин знакомится с Варварой Пашенко, с которой живет в гражданском браке. В 1892 году Бунин переезжает в Полтаву, где знакомится с Львом Николаевичем Толстым. Свой первый рассказ Бунин опубликовал в 1894 году в журнале «Русское богатство». В 1895-м писатель переехал в Петербург, а затем перебрался в Москву.

Так поощрялись литературные труды учеников. Вот старый кожаный чемодан – с ним писатель Бунин ездил за Нобелевской премией по литературе в Стокгольм. Желающих сфотографироваться с этим чемоданом не счесть, но директор музея всем отказывает. Последний экспонат – ружье Бунина, с которым он ходил на охоту в Озерках. Оно пять поколений хранилось в семье Демкиных, которым Бунин подарил его перед отъездом в Орел. В каждом зале музея на столах – вазы, полные яблок. Запах чистых гладких плодов вносит в музейную атмосферу свежесть и элемент неожиданности. «Для антоновки еще рано!» – улыбается Тамара Георгиевна и предлагает отведать яблоки. Такое предложение она делает каждому гостю музея.

Яблоки на столах в любое время года – это не только напоминание о Елецком уезде, благодаря которому написан знаменитый рассказ, но и память о встрече ее мамы с Буниным.

Роман с Орлом

В своем знаменитом романе «Жизнь Арсеньева» Бунин подробно описывает первый губернский город, который он увидел в своей жизни. Железнодорожный вокзал, соборы, большие улицы, витрины магазинов, тракти-

О встрече своей мамы с Буниным Тамара Георгиевна рассказывает так, словно это она сама получила от писателя то яблоко

ры, гостиницы Орла воссоздаются Буниным до мельчайших подробностей. Орел заинтересовал его и географическим положением: «наверху Москва, Петербург, а внизу – Харьков, Севастополь».

В 1896 году он женится на гречанке Анне Николаевне Цакни, но уже в 1900 году разводится с женой. Бунин подерживал знакомство с А.П. Чеховым, В.Я. Брюсовым, К.Д. Бальмонтом, М. Горьким, входит в литературный кружок «Среда». В том же, 1900 году опубликованы «Антоновские яблоки», которые приносят Бунину литературную известность. Через год выходит сборник его стихов «Листопад». Именно за него, а также за перевод поэмы Г. Лонгфел-

ло «Песнь о Гайавате» Бунин получает Пушкинскую премию от Российской академии наук. В 1905 году умирает сын Бунина Николай, рожденный в браке с Цакни. Через два года Иван Алексеевич женится гражданским браком на Вере Николаевне Муромцевой, ставшей верной его спутницей на всю жизнь (официально их отношения были оформлены лишь в 1922 году). Супруги много путешествуют: они побывали в Сирии, Египте, Палестине, изъездили Европу,

были в Алжире, Тунисе, Индии, отправились на Цейлон. В 1909 году Российская академия наук избрала Ивана Бунина почетным академиком по разряду изящной словесности. Бунин не принял ни Февральскую, ни Октябрьскую революции, считал их катастрофами для России. В 1920-м Бунины эмигрировали во Францию. В конце 20-х годов Бунин знакомится с Галиной Николаевной Кузнецовой, с которой у него начался бурный роман. Кузнецова бросила мужа и пере-

ехала жить к Буниным, с которыми оставалась (с небольшими перерывами) до 1942 года. В 1933 году Ивану Алексеевичу была присуждена Нобелевская премия по литературе. Последние годы жизни писатель провел в жестокой нужде. Умер Иван Алексеевич Бунин 8 ноября 1953 года в Париже. Похоронен на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа. В Советском Союзе первое собрание сочинений И.А. Бунина вышло лишь в 1956 году.

...Сегодня за право считаться «настоящими бунинскими местами» идет спор между несколькими городами. Больше всего достается Орлу. С ним уже и так связаны имена Тургенева, Лескова, Апухтина. Какое отношение Бунин имеет к Орлу, где скитался три года по чужим углам в бедности и холоде? Воронеж, где Бунин родился, но прожил четыре года, называет орловцев самозванцами. Ельчане тоже неодобрительно косятся на Орел. Бунин вырос под Ельцом, учился в нем. «Орел – это жизнь его сердца, – защищает свой город заведующая орловским Музеем И.А. Бунина Инна Анатольевна Костомарова. – Из Орла он уезжает зрелой личностью и пишет в «Жизни Арсеньева», что с «Орла начинаются его годы испытаний и невзгод». Инна Анатольевна не только директор музея, но и автор книг и исследований о Бунине. Когда-то Костомарова и сама долго не верила, что в Орле будет создан отдельный музей ее любимого писателя. В советское время это было действительно невозможно. Но времена изменились и... Она сама нашла здание, добилась его передачи музею – раньше в нем располагалась городская детская молочная кухня, – добилась проведения ремонта. Между прочим, в Орле нашлись откровенные противники создания музея Бунина. Звонил один товарищ, назвался депутатом и спросил: «В каком произведении Бунин предлагал загонять коммунистам иголки под ногти?» «Простите, насколько я знаю Бунина, он никогда не говорил о расправе, а говорил о том, что на пользу России, а что – нет», – с гордостью повторяет свой ответ ему Инна Анатольевна. Открытый в 1991 году в Орле Литературно-мемориальный музей И.А. Бунина за 19 лет своего существования получил широкую известность в России и стал мировым центром по комплектованию коллекции, изучению и пропаганде творчества писателя. Здесь хранятся уникальные документы из семейного архива Бунина: патент на чин прапорщика, пожалованный прапрадеду писателя Семену Федоровичу Бунину императрицей

Елизаветой I, патент на чин капитана, пожалованный прадеду Ивана Алексеевича, Дмитрию Семеновичу Бунину, императрицей Екатериной II. Первые литературные опыты Бунина представлены автографами его стихотворений, написанных в 1883–1887 годах. Хранятся в орловском музее и письма Бунина к Варваре Пащенко. Орловский и елецкий музеи помимо имени писателя, которому они посвящены, роднит еще одно. Заведующая орловским музеем, так же как и ее коллега в Ельце, не выпускает из рук толстую книгу в синем бархатном переплете. И так же часто ссылается на нее. Из книги Веры Муромцевой «Жизнь с Буниным» можно узнать о сетованиях юного Буни-

на на свою судьбу, которая, по сравнению с жизнями Толстого и Лермонтова, казалась ему ничтожной. О том, что в 16 лет Ваня Бунин вырос из гимназической формы и что первое его стихотворение было напечатано в журнале «Родина». Ради гонорара он как-то послал в «Орловский вестник» корреспонденцию о несчастном случае с мужиком из села Плотова. Ее напечатали. А потом в газете появились первые стихи и рассказы Бунина. Затем он получил приглашение от из-

дательницы «Орловского вестника» Надежды Алексеевны Семеновой. В конце февраля 1889 года молодой поэт с «малыми деньгами» отправился в Орел. С этого города началась его профессиональная литературная деятельность. В «Орловском вестнике» Бунин правил чужие рукописи, писал рассказы и стихи. Готовил статьи о мукомольном деле, крестьянских кредитах, писал отчеты с заседаний Городской думы, выпустил первую книгу стихов. Великого русского писателя в нем никто еще не видел. Денег не хватало, так что будущий нобелевский лауреат нередко голодал. Молодой поэт пользовался симпатией со стороны издательницы Семеновы. Она-то и познакомила его с

Коллекция экспонатов орловского Музея И.А. Бунина самая большая в мире. Бережно хранят сотрудники музея мельчайшие предметы быта автора романа, в котором воспет Орел

стоял дом, в котором Бунин снимал комнату. Он часто проходил мимо высокого крыльца этого особняка, спешил в редакцию «Орловского вестника». Каким он тогда был? На портрете – красивый овал лица с тонкими чертами, большие грустные

глаза под прямыми бровями. Волосы расчесаны на пробор. «В Буinine, когда он приехал в Орел, было много мягких черт, – делится своими предположениями Инна Анатольевна. – Недаром он говорил потом, что в Орле он стремительно повзрослел. А вообще, Орлу повезло, что Бунин у нас такое пережил».

Город уже не тот, что был при молодом поэте, которого безнадежная любовь доводила до мысли о самоубийстве. Описанный Буниным в «Жизни Арсеньева» орловский железнодорожный вокзал с книжными киосками, к которым он бросался, по собственному выражению, как голодный волк, давно перестроен. В отличие от Ельца здесь при всем желании невозможно представить в современной толчее юношу с пробором на голове, который безнадежно ждет прибытия на поезде уездной барышни. Нет ни барышень, ни поэтов. Есть толпа пассажиров. В руках у многих яблоки, купленные у продавщиц в цветастых платках.

Городу с Буниным повезло, да. Никто не воспел Орел с такой страстью юности, как он.

Но захотят ли пережить те же самые чувства молодые пары, которые назначают свидания у памятника Бунину? Отлитая из бронзы фигура писателя стоит на холме, с которого открывается вид на Орел. Множество клумб и скамеек перед памятником – прекрасное место для встреч и уединенных бесед. Знают ли проходящие сюда молодые люди, что Бунин уезжал из Орла с убеждением, что любовь всегда оборачивается страданием? Не только к женщине, но и к родине. ❶

племянницей своего гражданского мужа Шелихова – Варварой Пашенко. В Орел дочь врача из Ельца приехала для того, чтобы попробовать себя на театральных подмостках, однако для начала ей пришлось устроиться на работу в контору Орловско-Витебской железной дороги. Варя Пашенко стала первой настоящей любовью Бунина и послужила прототипом Лики из «Жизни Арсеньева». Родители Пашенко не давали согласия на брак, так что Иван Алексеевич и Варвара жили невенчанными. Варя примкнула к кружку любителей сценического искусства. Бунин плохо относился к любительским спектаклям, но примирился с тем, что Варя участвовала в них. По крайней мере, это удерживало ее

в Орле. После восьми месяцев совместной жизни Пашенко бросила Бунина. Ему было очень тяжело, от самоубийства писателя спас старший брат.

В Орле не сохранились дома, где Бунин снимал углы. Хотя адреса их известны: улицы Введенская, Садовая, Борисоглебская, Узкий переулок. На улице Пушкина сохранился дом, в котором жила родная сестра Бунина, Мария Алексеевна. Осталась Болховская улица, по которой в романе бродит вечерами герой Бунина после очередной ссоры с Ликой. А старинный особняк, построенный по проекту архитектора И.Ф. Тибо-Бриньоля, переданный под музей Бунина в 1989 году, находится рядом с местом, где когда-то

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Ирина Лукьянова

БУНИН 3D

ОДНОГО УЧИТЕЛЯ, КОТОРЫЙ РАССКАЗЫВАЛ СВОИМ СТАРШЕКЛАССНИКАМ О БУНИНЕ, УЧЕНИЦА СПРОСИЛА: «СКАЖИТЕ, А БЫЛ ЛИ У НЕГО ХОТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ ПОЗИТИВ?» И В САМОМ ДЕЛЕ: КАЖЕТСЯ, БУНИН – ПЕВЕЦ УМИРАНИЯ И УПАДКА, ТРАГИЧЕСКОЙ ЛЮБВИ И НЕИЗБЕЖНОЙ СМЕРТИ, БУНИН КИПИТ ЯДОМ И ОТЧАЯНИЕМ, КАКОЙ ЖЕ У НЕГО ПОЗИТИВ?

У НЕГО И ЖИЗНЬ ВСЯ – ОТЧАЯННАЯ И ПЕЧАЛЬНАЯ, КАЖЕТСЯ, ОДНИ ПОТЕРИ И ГОРЕЧЬ. Родился в разорившейся дворянской семье – дворянин без усадьбы. Гимназию окончить не смог: у семьи не было денег. Учился под руководством старшего брата, с

которым и прошел гимназический и даже университетский курс. Зарабатывал газетным трудом, часто сидел голодным. Всю жизнь был практически бездомным – переезжал с одной съемной квартиры на другую, умер на чужбине, в запущенной неуютной

квартире, растратив и раздав нуждающимся и нахлебникам Нобелевскую премию.

Он терял возлюбленных: сбежала от него первая и главная любовь, Варюшенька Пашенко, разочаровала Анна Цакни, нелепо и странно бросила его ради женщины поздня, последняя любовь, Галина Кузнецова. Осталась с ним до конца только Вера Николаевна, гений служения, понимания и терпения – единственная, кто, кажется, и мог выжить в его отчаянной и злой тени. Но и Веры Николаевны ему было мало – недаром на вопрос, любит ли он жену, Бунин ответил раздраженным и удивленным: как можно любить или не любить свою руку или ногу?

Он потерял единственного сына, умершего в пятилетнем возрасте от скарлатины. Потерял родину, при жизни – почти потерял читателя: даже на гребне популярности, даже в зените славы он не удостаивался такой всенародной любви, как его счастливые соперники.

Он считал себя прежде всего поэтом, а стихи его любят и ценят многие, и то все больше литераторы и составители хрестоматий для чтения в начальной школе: азы любви к родной природе; интересно, что бы он сам сказал, узнай об этом.

Он пытался строить жизнь, как русский барин. На вилле в Грассе, где он прожил с женой 16 лет («вилла» – слово громкое; скромный съемный двухэтажный дом), постепенно скопились возле него, как в хорошей дворянской усадьбе, загостившиеся гости, приживалки и нахлебники... но и это была только тень усадьбы и тень той жизни, для которой он был предназначен и которой был так фатально лишен.

Кажется, все эти Пушкинские премии и звание почетного академика по разряду изящной словесности, которым он так очевидно гордился, и даже Нобелевская премия, первая в истории премия, присужденная русскому литератору, – даже эти весомые, ощутимые знаки признания не перебили для него полынный горечи жизни, не возместили утрат. Так самый красивый букет цветов, выигрыш в лотерею или орден за заслуги не утешают, не спасают, не

радуют смертельно больного. А Бунин, кажется, был если не болен, то навсегда и смертельно ранен.

Был ли у него хоть какой-нибудь позитив? – спрашивают юные барышни, рожденные, как будто специально, чтобы радоваться, – и в самом деле, может ли им что-то дать вечно ядовитый Бунин со своими сюжетами, где все хорошее обречено на умирание, распад, увядание, где усадьбы гибнут, люди тупеют и тускнеют, любовь кончается трагедией, а жизнь, как ей неизбежно положено, – смертью? Про него даже в учебнике читать тошно: смерть да смерть кругом.

Достаточно, однако, вчитаться в самого Бунина, а не в краткие его пересказы для торопящихся сдать экзамен – их как раз легче легкого свести к сакраментальному «в об-

щем, все умерли», – и сразу понимаешь, что смерть, вечно стоящая за плечом автора и его героев, вовсе не главное действующее лицо в этой прозе. Это резкая, черная, дышащая могильным ужасом тень – но только тень. Она лишь оттеняет узор жизни, делая ярче краски и сильнее запахи, заставляя с необыкновенной остротой чувствовать ее легкую, горячую прелесть, ее короткое и брэнное счастье. Чем ярче светит солнце, тем глубже и резче тени. Один из лучших бунинских рассказов, наверное, коротенькая «Часовня», полтора десятка строчек: летний день, в поле стоит часовня, в ней лежит какой-то дядя, застрелившийся давным-давно от несчастной любви, вокруг играют дети: «В синем море неба островами стоят кое-где белые прекрасные облака, теплый ветер с

поля несет сладкий запах цветущей ржи. И чем жарче и радостней печет солнце, тем холоднее дует из тьмы, из окна»...

Бунин ведь южанин, воронежец, из плеяды жизнерадостных и мощных талантов, которых дал русской литературе ее юг: Тургенев был орловец, Толстой туляк... Смерть для каждого из них важная тема, но не ключевая, как для русского декаданса; смерть – итог жизни; смерть – переход в вечность; смерть – изнанка жизни, но не центр размышлений. Смерть не чарует, не тянет к себе, даже не пугает мучениями и inferнальным ужасом; она – тень, и у нее здесь свое место.

Во времена великих перемен

Русский гений – сложное сочетание истории, биографии и текста; увы, лучшие тексты иной раз оттачиваются такими историческими завихрениями, такими зигзагами биографии, что никакой гениальности себе не пожелаешь такой ценой – гори она синим пламенем, эта Нобелевка, прожить бы жизнь мирно и подальше от края бездны. Беда в том, что великая литература делается у края бездны: блажен, кто

А.Н. Цакни.
Одесса, 1898 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сын И.А. Бунина Николай, родившийся от брака с А.Н. Цакни. Одесса, 5 марта 1902 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.А. Бунин
и В.В. Пащенко.
1892 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО М.ЗОЛОТАРЕВЫМ

Юлий и Иван
Бунины.
1893 год

И.А. Бунин.
Фотография
Б.Б. Пейроша.
Орел, 1889 год

Галина
Николаевна
Кузнецова.
В.Н. Бунин
написала:
«У Гали 10 дек.
1931 г.»

посетил сей мир в его минуты роковые. Или, как гласит старинное китайское проклятие, «чтоб тебе жить во времена великих перемен».

Безжалостная коса судьбы, занесенная над естественным и привычным ходом жизни, всегда присутствует в бунинской прозе. Вершина ее, «Темные аллеи» – удивительный гимн обреченной любви, хрупкому счастью, утраченной родине, невозвратной молодости, гимн человеческому величию и человеческой трагедии: сборник, задуманный и начатый накануне Второй мировой, увидел свет

в 1943 году, в самые темные времена человечности, когда и само понятие человеческого размылось дальше некуда. Времена великих перемен – главное условие, породившее прозу Бунина; кто знает, может быть, без страшных сдвигов исторических пластов он навсегда остался бы певцом старинного уклада, меланхоличным усадебным мастером, которого Куприн метко и несправедливо спародировал одной фразой: «Сижу я у окна, жую мочалу, и в моих козких глазах светится дворянская грусть». Неправда тут даже не козьи глаза – хотя Бунин в самом деле любил всякие «козьи» и «волчьи» эпитеты, – неправда в мочале. Мочалу в своих текстах Бунин сроду не жевал; конечно, неторопливая обстоятельность его прозы, его медленное, сосредоточенное любование динамичному и авантюрному Куприну

не могли не показаться мочалой. Но в бунинской прозе, на первый взгляд статичной, скрыта мощная внутренняя динамика, скрученная стилистическая пружина. Интересно, что с годами проза Бунина укорачивается, тексты сжимаются: начав с классической русской повести, к концу жизни Бунин пришел к короткому, иногда до нескольких абзацев, рассказу, будто поставив перед собой задачу скрутить пружину, уложить главное в 10–20 строк: таковы «Пожар», «Дубки», «Красавица», «Холодная осень». Даже прилагательные в них скручены, как вольфрамовая спираль в лампочке, нагружены смыслами: таковы его любимые «сухой» и «сложный» – «сухой полдень», «сухая фигура», «сложный запах дегтя»... Бунинская проза – очень взрослая; это не детское, радостное и нерасчлененное восприятие жизни всем куском, картиной, не буйство красок, а ювелирная работа тончайшей кисточкой: всякая деталь прописана, каждое облачко оттенено – и все вместе звучит, переливается, пахнет, волнуется под ветром, создавая поразительный эффект присутствия: трехмерное пространство текста, Бунин 3D.

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

И.А. Бунин.
Грасс,
10 ноября
1933 года

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Вера Николаевна
и Иван Алексеевич
Бунины. Грасс

Могила И.А. Бунина
на кладбище Сен-
Женевьев-де-Буа

Сложность во всем: в характерах, в запутанности чувств и отношений, которые чреватые трагедией и разрешаются ею. Неимоверно сложна бунинская деревня, сложны населяющие ее люди, сложны их чувства. Отношения Бунина с народом – тоже сложные, особые: это не отцовское, родительское попечение, как у Толстого, не барская дистанция, как у Тургенева, но и не чеховское стирание сословных различий, ибо все люди. Это ревнивый, жаркий, мучительный роман – с взлетами восхищения и безднами

отвращения; недаром постоянная тема его прозы – роман барина с крестьянкой: когда – отвратительный и гибельный для него, когда – мучительный и унижительный для нее; не комедийная пушкинская «Барышня-крестьянка» с притворным синим сарафаном – а все серьезнее, на горе обоим. Бунин, пожалуй, только наметил эту тему, подвел итог под XIX веком; в XX ее продолжили другие – в первую очередь бунинский же ученик Катаев, который пошел дальше: в его «Траве забвения», где царит жи-

вой, язвительный, восхитительный, сжигаемый тайным огнем отчаяния Бунин, есть и другой персонаж, девушка из совпартшколы, из народа, которая влюбляется, но приносит свою любовь в жертву революции и сдает возлюбленного чекистам. В «Уже написан Вертер» – другой разворот того же сюжета: никакой любви, чистое предательство; к старости Катаев, кажется, в революцию и народ верил не больше Бунина. А разрешается сюжет у Лавренева, в «Сорок первом», собственноручным убийством «синеглазенького», любимого; поворот для Бунина – при всех его роковых страстях – все же немислимый.

Может быть, в этом и был смысл бунинского изгнания: революция опрокинула целый культурный материк – с недодуманными мыслями, недоспоренными спорами, неоконченными диалогами, – отменила их как не важные и пошла по новому пути, думать новые мысли и вести новые споры об ином. Но кто-то должен был их додумать до конца, дописать до точки, подвести под ними черту; кто-то должен был извлечь из бездны и оставить миру свидетельство отмененной жизни – сложной, умной, страстной, прекрасной, – жизни в присутствии смерти, на краю бездны, – поэтому особенно хрупкой и драгоценной. ❀

Антон Гамалов

ТРЕЗВЫЙ ЕСЕНИН

Есенину в литературе не повезло. При всей его преувеличенной славе: редко когда поэт его масштаба – достойного, но не необычайного – попадал во всенародно любимые гении.

РИА НОВОСТИ

ДАЖЕ БЛОКУ, ТАЛАНТЛИВЫМ эпигоном которого Есенин был с деревенского своего начала и до трагического конца, ни при жизни, ни после смерти не светила такая популярность. Все понимают, что Блок гений, даже те, кто не любит его, но вряд ли капитан подводников будет грабить библиотеку в портовом городе, чтобы непременно взять на борт книжку стихов Блока. «Не могу уйти в море без Есенина!» – это было. Правда, капитаном этим был Маринеско, потопивший «Густлова» и «Шойбена»: одни называют это

«атакой века», другие – убийством мирных граждан (на обоих судах помимо военных были и беженцы, шла зима 1945 года), а сам Маринеско был разжалован за пьянку и кончил жизнь снабженцем. Правда и то, что Есенин был любимым поэтом блатных, как свидетельствует не только главный знаток темы Варлам Шаламов, но и множество рядовых репрессированных. Страсть к убийству или самоубийству, скандалу, спирту, презрению к женщине, тоска по старушке-матери – все это он. И тем не менее вся эта бешеная слава –

бесчисленные портреты с трубкой, волна женских и литературских самоубийств после смерти Есенина, тысячи песен на его стихи, паломничество поклонников в Константиново – все это именно невезение. Есенин стал близок в том числе к люмпенизированной части народа, когда деградировал и спился; здорового и действительно очень талантливого Есенина в полном блеске его природного дара в России почти не знают. Владимир Новиков проницательно заметил, что Есенина записали в почвенники, архаисты, представляют стенающим по старине,

Сергей
Александрович
Есенин
(1895–1925)

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

тогда как Есенин был радикальным новатором, авангардистом, поэтом великой революционной утопии, и к Маяковскому он куда ближе, нежели к своему демону Клюеву. Но великого Есенина, автора «Инонии», «Сорокоуста» и лирики до 1922 года, автора полных горького разочарования драматических поэм «Пугачев» и «Страна негодяев», в России не знают, а в прочем мире он и по-прежнему непонятен. Есенин стал доступен массам только в состоянии нарастающей деменции, не тогда, когда изобрел свой замечательный дольник (более прозаизированный,

разговорный, непосредственный, чем у Маяковского), а тогда, когда принялся упражняться в жанре кабацкого романа банальным стихом. У него и среди этого сора случались блестящие удачи, например «Сыпь, гармоника. Скука... скука...». Это не бог весть что такое на фоне того же «Сорокоуста» или «В том краю, где желтая крапива» или по сравнению с «Песней о собаке», над которой рыдают даже дети, понимающие в стихах больше взрослых. И все-таки это стихи первого класса, каких у позднего Есенина все меньше. Начинаются паразиты, ошибки словоупотребления, грамматические ляпы:

*Цветы мне говорят – прощай,
Головками склоняясь ниже,
Что я вовеки не увижу
Ее лицо и отчий край.*

Говорят «Прощай» – или говорят, что не увижу? Двойное управление,

обесмысливающее всю строфу, плюс дикий набор штампов: стихотворение обычно определяется первой строчкой, учил Гумилев, – так вот здесь эта первая строчка даже в альбомном стихотворении надсоновских времен гляделась бы пошлостью. А он считал весь этот цикл отличным, новой строгой простотой веяло от него. Видимо, чем глубже он погружался в распад, тем большей удачей казался ему сам факт сочинения чего-то рифмованного, да еще строгим размером. Ведь дольник сложнее рутинного ямба или анапеста, им – внешне разбренчанным, но внутренне строго организованным – трудней управлять. Однако дольник ему уже не давался, и даже лучшая из его поздних вещей – «Черный человек» – написана по большей части то анапестом, то хореем. Поэта доводят до самоубийства не разладившиеся отношения с возлюблен-

ными – возлюбленных много, будут и новые, – а утрата контакта с собственным даром, неуправляемость стиховой материи. С женщиной почти всегда можно договориться, поди договорись с ритмом.

Однако именно этот, антипоэтический Есенин, корявый уже не от желаний выглядеть крестьянским поэтом, а от элементарной неспособности управиться с речью, – нравится массам; точнее, им нравится состояние подпития, в котором подобная поэзия кажется верхом лирического мастерства и таланта. Всенародная любовь к позднему Есенину и полное забвение раннего – диагноз стране, а не поэту. Между тем первые два тома канонического есенинского пятитомника – довольно серьезное явление. Иной вопрос, что, исчерпав эту свою раннюю поэтику, он должен был куда-то двинуться – и поэтически, и биографически: тут были две возможности – вверх или вниз. Он пошел вниз, к алкогольной деградации. Винить ли его в этом? Множество поэтов, исписавшись, портили чужую жизнь – он всего лишь загубил свою, да еще, может, жизнь Гали Бениславской.

Поздний Есенин метался, пытался приспособиться к советскому антуражу, но выдавал перлы вроде «Неповторимые я вынес впечатленья» в стихотворении «Русь уходящая». От этого стихотворения в народной речи осталась строчка «Здрав штаны, бежать за комсомолом», произносимая при виде неуклюжих попыток конформизма. Все впечатление даже от сравнительно удачных вещей 1924–1925 годов портит сочетание отчаяния с неистребимой расчетливостью: Есенин многое умел в поэзии, но категорически не умел петь чужим голосом. У него вообще не очень хорошо было с поэзией рассудочной, описательной и повествовательной, но метафоры превосходны – строчки вроде «Изда-старуха челюстью порога жует пахучий мякиш тишины» хоть и стали уже хрестоматийными, но всякий раз радуют заново. Есенин – поэт тех тонких и сложных состояний, какие переживала вся Россия с 1916 по 1922 год: кругом страшно, но чувствуется

Сергей Есенин.
Фотография
М. Наппельбаума

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

соседство Бога, близко сверхчеловеческое и внеисторическое состояние, нечто пугающее, но ослепительное, небывалое, способное, кажется, перевернуть судьбу всего мира. Из этого родились «Двенадцать» Блока, «Флейта-позвоночник», «Про это» и «Четвертый Интернационал» Маяковского, «Сестра моя жизнь» и «Разрыв» Пастернака, Anno Domini Ахматовой, «Версты» Цветаевой, Tristia Мандельштама, «Октоих», «Пришествие», «Иорданская голубица», «Небесный барабанщик», «Пантократор» и «Исповедь хулигана» Есенина. Важней и интересней всего в этой грозной книге – поэзии русской революции, которую давно толком никто не собирал и не переиздавал, – ее мощный евангельский подтекст. Все без исключения воспринимали революцию как пришествие Христа, но каждый видел его по-своему: для Блока Христос – во главе революционного патруля; и несет не столько обновление, сколько гибель. Для Маяковского и Есенина тема Христа –

личная: думаю, Маяковский легко мог бы приложить к себе слова Есенина «Не молиться тебе, а лаяться научил ты меня, Господь». Лирический герой Есенина – «непокорный, разбойный сын», и главная тема его революционной лирики – именно сыновний бунт. Тут они оба, друзья-враги-соперники, звучат в унисон: «Я тебя, пропахшего ладаном, раскрою отсюда до Аляски!» – «Даже Богу я выщиплю бороду оскалом моих зубов». Интересно, что и у Есенина, и у Маяковского эти припадки буйного кощунства сменялись жалобами, мольбами, смирением: «Врывается к Богу, боится, что опоздал, плачет, целует ему жилистую руку» – «О, Саваофе! Покровом твоих рек и озер прикрой сына!» У обоих – жертвенная готовность умереть во искупление грехов родины. Бунт Есенина выродился потом в буйство, бунтарство – в «хулиганство», но то, что случилось с Маяковским, было ничем не лучше: его бунт переродился сперва в оду насилию, бессмысленному

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

Сергей Есенин, Айседора Дункан и Ирма Дункан, одна из первых учениц Айседоры и ее приемная дочь

с злобой умом налились», – но эта мечта неосуществима. Тот же авторский голос в «Стране негодяев» уже распределен между Чекистовым и Замарашкиным: разумеется, все симпатии Есенина на стороне крестьянского сына Замарашкина, но и вслед за Чекистовым он, кажется, готов повторить – «Я ругаюсь и буду упорно проклинать вас хоть тысячи лет, потому что хочу в уборную, а уборных в России нет». Это почти тем же размером и с той же интонацией, что «Полевая Россия! Довольно волочиться сохой по полям! Нищету твою видеть больно и березам и тополям». Ни один крестьянин не станет идеализировать крестьянский быт, и Есенин любил Россию либо сказочной, синей и звездной, несколько билибинской и рериховской, как в поэме «Микола», либо будущей – «Новой Америкой», как называл ее Блок (Есенин выражался прозаичней – «Железный Миргород»). Нынешняя крестьянская Россия обречена, у него нет на этот счет никаких иллюзий. Это ничуть не идиллическая страна его поздних пьяных стихов – это, братцы, довольно жестокое и жуткое место:

и беспощадному, а потом в апофеоз стальной дисциплины. Андрей Синявский горько-иронически сопоставил: 1921 – «Левой, левой, левой!», 1927 – «Жезлом правит, чтоб вправо шел. Пойду направо. Очень хорошо». Иной раз подумаешь – кабацкий вариант Есенина предпочтительней. Трагедия революционной лирики Есенина заключается не только и не столько в том, что лирический герой с самого начала ощущает себя жертвой, приносимой на алтарь будущего всеобщего счастья; трагедия еще и в том, что эта жертва никого не спасет – Россия не годится для искупления, не сможет построить новый мир, не войдет в рай.

*Лестница к саду твоему
Без приступок.
Как взойду, как поднимусь по ней
С кровью на отцах и братьях?*

И даже то, что сам он в этой крови неповинен – «не расстреливал несчастных по темницам», – не избав-

ляет героя от чувства вины: жертва его не принята. Однако мысль о том, что Россия проклята, что винить следует ее, а не себя, – слишком невыносима. Лишь зрелый Есенин, на высшей точке своего литературного развития, в 1922–1923 годах, припечатает ее именем «Страны негодяев». И такое название для революционного эпоса – более чем симптоматично. Впрочем, уже и в «Пугачеве» (1921) содержится прозрение: азиатская Русь хочет не свободы, а зверства, и все насилие направлено на «слабых и меньших», и из всей пугачевской вольницы не выйдет ничего нового. Истинный протагонист, авторский голос в поэме – Хлопуша, и не зря его монолог Есенин читал на вечерах с особенной охотой (запись этого чтения сохранилась – вместо ангельского голоса, которого ждешь, удивителен этот – глинистый, рязанский, корявый, совершенно мужичий). Хлопуша мечтает, «чтоб гневные лица вместе

*В том краю, где желтая крапива
И сухой плетень,
Приютились к вербам сиротливо
Избы деревень.
Там в полях, за синей гущей лога,
В зелени озер,
Пролегла песчаная дорога
До сибирских гор.
Затерялась Русь в Мордве и Чуди,
Нипочем ей страх.
И идут по той дороге люди,
Люди в кандалах.
Все они убийцы или воры,
Как судил им рок.
Полюбил я грустные их взоры
С впадинами щек.
Много зла от радости в убийцах,
Их сердца просты,
Но кривятся в почернелых лицах
Голубые рты.
Я одну мечту, скрывая, нежу,
Что я сердцем чист.
Но и я кого-нибудь зарезу
Под осенний свист.
И меня по ветряному свею,
По тому ль песку,
Поведут с веревкою на шею*

*Полюбить тоску.
И когда с улыбкой мимоходом
Распрямяю я грудь,
Языком залижет непогода
Прожитой мой путь.*

Это отличные стихи – точные, музыкальные, и образ России в них узнаваем для любого, кто тут жил хоть неделю: каторжная красавица, адская, тоскливая, ветреная страна. Тут есть, конечно, все та же языковая корявость – «много зла от радости в убийцах», – но авторскую мысль это никак не затемняет, и образ четок. Между тем это 1915 год – к двадцати годам Есенин фактически достиг своего потолка. Есенинская нота в лирике – вот эта. Надо было очень постараться, чтобы описанная здесь страна желтой крапивы и бесконечной каторжной дороги стала казаться идиллической, идеальной, и советская Россия в этом смысле преуспела – в «Москве кабацкой» Есенин заностальгировал по той самой деревенской Руси, из которой сбежал. Но после непринятой жертвы что же и делать еще, как не спиваться?

Есенин был, конечно, по преимуществу поэтом всечеловеческого братства, но не марксистского, боже упаси: ощущение единства с миром проистекало у него из врожденного, острого, не оставлявшего его до конца чувства единства участи. С фольклорной простотой, с великолепной ясностью и непритязательностью выражено оно у него в «Иорданской голубице» – самой мирной поэме религиозного цикла. Это чувство в той же прекрасной неизменности отразилось в одном из сравнительно поздних стихотворений, где чувствуется уже болезнь – все тот же пьяный, блуждающий взгляд, та же неспособность сосредоточиться на одном предмете; однако тут он еще умудряется взять себя в руки. Это начало 1924 года. Из этих стихов народом любима одна строфа – худшая; читатель легко ее узнает. Прочее как-то ускользает от внимания, а между тем в этой поэтической декларации – вся суть есенинского характера и дара:

*Мы теперь уходим понемногу
В ту страну, где тишь и благодать.
Может быть, и скоро мне в дорогу*

Сергей Есенин и
поэт Николай Клюев

ПРЕДОСТАВЛЕНО М. ЗОЛОТАРЕВЫМ

*Бренные пожитки собирать.
Милые березовые чащи!
Ты, земля! И вы, равнин пески!
Перед этим сонмом уходящих
Я не в силах скрыть моей тоски.
Слишком я любил на этом свете
Все, что душу облекает в плоть.
Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую водь.
Много дум я в тишине продумал,
Много песен про себя сложил,
И на этой на земле угрюмой
Счастлив тем, что я дышал и жил.
Счастлив тем, что целовал я женщин,
Мял цветы, валялся на траве
И зверье, как братьев наших меньших,
Никогда не бил по голове.
Знаю я, что не цветут там чащи,
Не звенит лебяжьей шеей рожь.
Оттого пред сонмом уходящих
Я всегда испытываю дрожь.
Знаю я, что в той стране не будет
Этих нив, златящихся во мгле.
Оттого и дороги мне люди,
Что живут со мною на земле.*

Здесь многое плохо: и эта «розовая водь» (бессуфиксное словообразование становится у позднего Есенина

навязчивым до дурновкусия – вся эта водь, стынь, звездь и пр. выглядит уже не языкотворчеством, а насильственным втискиванием слов в строчки), и кокетливое «мял цветы», и звенящая лебяжья шея – произвол вместо лирической дерзости, потому что никакая шея, хотя бы и лебяжья, не звенит, и глагол нужен был другой, но его лень было искать. Нет тут и единого лирического настроения – «не в силах скрыть моей тоски» и «счастлив тем, что я дышал и жил»: синтеза нет, есть, что называется, два в одном – посреди трагического лирического монолога герой начинает искусственно бодриться да еще оправдывать свои художества тем, что не бил зверья по голове (а по другим местам типа можно). В общем, двадцать четвертый год есть двадцать четвертый год.

Но никто из русских поэтов не дал более четкой формулы русского братства, основанного на единстве участи: «оттого и дороги мне люди, что живут со мною на земле». Тоже, знаете ли, не шутка – и жить на земле, и так сказать. ❀

Михаил Быков, фото Дмитрия Тернового

В СЕЛЕ СТОЯЛИ ГАРНИЗОНОМ

Храм Св. Софии –
полковая церковь
лейб-гвардии
Гусарского полка

Хорошо жить в стране с длинной и богатой историей. Что ни год – то праздник. Помимо всего прочего в нынешнем году мы отмечаем 300-летие города Пушкина, более известного миру как Царское Село.

В ПРОЧЕМ, ПУШКИН И ЦАРСКОЕ СЕЛО – это почти синонимы, а в топонимическом смысле – синонимы полные. О городе вспоминают прежде всего благодаря Александру Сергеевичу, который учился в Лицее. Второе имя, связанное с Царским, – Екатерина Великая, ее милостью здесь был перестроен прекрасный дворец и возведено многое из того, что сегодня составляет комплекс музея-заповедника. Меньше говорят о Царском Селе в связи с печальными событиями 1917 года. Отсюда отправилась в по-

следнее путешествие в Тобольск и Екатеринбург семья Николая II. Городок также связывают с именами Анны Ахматовой – в царскосельскую бытность гимназисткой Анной Горенко – и Николая Гумилева. Поминают Михаила Лермонтова, служившего тут, и еще нескольких поэтов иного калибра – Пушкина, Кюхельбекера, Иннокентия Анненского. Куда реже связывают Царское Село с военными, кои составляли львиную долю местных жителей. По простой причине: резиденцию российских императоров надо было тщательно охранять.

Царское Село – не единственная пригородная точка, где проводили время императоры и императрицы. Петр вообще был непоседа. Павел и Александр III любили Гатчину. Но Царское являлось основной резиденцией для доброй половины коронованных особ Российской империи. Екатерина I и Екатерина Великая, Александр I, Александр II, Николай II. Елизавета Петровна и Николай I делили привязанность между Царским и Петергофом. И всюду – в Петергофе и Павловске, Гатчине и Ораниенбауме – стояли гарнизоном части Петербургского военного округа. В основном кавалерийские. Держать конницу в пригородах было куда удобнее, чем в столице.

В Царском Селе военных к началу XX века сконцентрировалось столько, сколько не имелось во всех остальных загородных резиденциях, вместе взятых. Это определило и архитектурное лицо городка, и его повседневный режим.

Городок лейб-гвардии Кирасирского полка

Век матриархата

Первые солдаты, прибывшие на постоянное место службы, появились в Сарской мызе в 1728 году – спустя 18 лет после того, как местечко понравилось Петру I, в результате чего превратилось в царскую собственность. Вернее, это были не солдаты, а шесть матросов. Прибыли они на конюшенный двор, построенный у ручья Вангази, дабы проверять проездные билеты всех проезжающих по прорубленной от Средней Рогатки «перспективе». Вот, собственно, и весь гарнизон.

Прошло еще 17 лет, и в июне 1745 года Военная коллегия направила в Царское Село 3 тысячи солдат для земляных и прочих работ, присовокупив их к той тысяче, что к этому времени обосновалась в резиденции. Думается, попасть в Царское мечтали многие служивые. Ибо тамошней гарнизонной команде за строительные работы еще и платили. В летнее полугодие – 4 копейки в день, в зимнее – 2. Это сегодня 1 рубль 20 копеек не деньги, а в первой половине века осмнадцатого – приличная сумма. Через пару лет солдатам прибавили еще по копейке в день. Видать, Елизавете Петровне нравилось, что и как строилось в Царском Селе.

Однако говорить о полноценном гарнизоне было бы поспешно. Известно, что Екатерину Великую во время проживания тут охраняли казаки из Донской и Чугуевской команд и лейб-гусарский эскадрон, прообраз будущего блестящего полка императорской лейб-гвардии. Прибывали они на временный постой и жили в деревянных строени-

Чесменская колонна графа Орлова

ях на том месте, где и доселе стоят триумфальные ворота-памятник «Любезным моим сослуживцам», возведенные Александром I в честь солдат и офицеров Отечественной войны 1812 года и Заграничных походов 1813–1814 годов.

Постепенно представительство военных в Царском Селе ширилось. В 1774–1775 годах на Гатчинской дороге построили запасный двор и кордегарию. Еще через год на постой прибыл Кирасирский Наследника Цесаревича полк.

Это полк с историей! В 1732 году императрица Анна Иоанновна повелела сформировать в русской армии 10 полков тяжелой конницы по примеру прусских кирасир. Полагая, что денег на организацию «панцирной десятки» одновременно не найти, распорядилась начать дело с двух полков. Тогда и стали новоиспеченными кирасирами вчерашние драгуны Невского полка. В следующем году они получили приставку «лейб», что означало привилегированное положение части, находящейся при дворе.

Появление кирасир привело к организации конных заводов, специализировавшихся на выращивании особо крупной породы верховых лошадей. Закупать весь конский состав в Германии было слишком накладно.

Не исключено, что именно кирасиры подарили местным обывателям и, само собой, императорской фамилии первый полноценный царскосельский парад. В 1788 году полк прошел церемониальным маршем перед балконами Екатерининского дворца. Во главе полка двигался его шеф – наследник престола великий князь Павел Петрович. Прямо из дворцовых аллей тяжелая кавалерия отправилась на русско-шведскую войну.

Все чаще появлялся в окрестностях лейб-гренадерский полк, который вставал тут на квартиры в 1790 и 1793 годах. В 1795-м для лейб-гренадер начали было строить казармы, но в связи со смертью Екатерины II работы прекратились.

Сельские гусары

Самый знаменитый русский кавалерийский полк наряду с Кавалергардским – лейб-гвардии Гусарский – оформился в 1796 году. Ранее он был эскадронам, потом слился высшею волею с командами донских казаков и все-таки обрел самостоятельность. При императоре Павле. При нем же полк болтался без определенного места жительства то в Царском, то в Павловске, то в Пулкове, то во всех этих местечках одновременно. А это как никак 10 эскадронов по 150 всадников в каждом. Приходилось служить

Храм Феодоровской иконы Божьей Матери – полковая церковь Собственного Его Императорского Величества Конвоя и Собственного Его Величества Сводного полка

Штаб и казармы царкосельских стрелков

и в Санкт-Петербурге, где офицеры полка квартировали в безразмерном доме Гарновского на Фонтанке. В свое время Екатерина Великая задумала сделать новый город – Софию. С правами и обязанностями уездного центра. Место для Софии – юго-восточнее Екатерининского дворца, за Большим прудом и Павловским шоссе. Зачем ей это понадобилось, можно только догадываться. Вероятнее всего, хотела разделить резиденцию – Царское Село и городок, в котором поселятся придворные, обслуга, гарнизон. Работа закипела, но идея не прижилась. Сейчас София – один из районов города Пушкина. А в начале XIX века вступивший на престол Александр Павлович присмотрел ее для

дислокации лейб-гвардии Гусарского полка. Потому как почти за 10 лет гусары своего дома так и не заимели. В 1807 году, завершив очередную кампанию против Наполеона, полк вернулся в Царское Село. В течение следующих 110 лет, отведенных полку в истории, он был прописан именно в этом месте. Потому и получил неформальную приставку к названию – «царкосельские гусары». В феврале 1812 года полк, что называется, с запасом выступил из Царского Села в сторону западной границы. Император Александр понимал, что война с французским коллегой неизбежна. Ряды гусар тянулись через арку, разделяющую здания Екатерининского дворца и Лицея, затем сворачивали на Садовую и втягивались

на Московское шоссе. «Завидую тому, кто умирать шел мимо нас», – это Пушкин написал с натуры. К счастью, умерли не все. Но все – и живые, и мертвые – победили! Гусары вернулись в Царское только во второй половине 1814 года. А в 1817-м помимо казарм на Парковой улице, фурашатского двора получили и собственный полковой храм – Софийский собор. В последний раз лейб-гусары выступили на войну из Царского Села летом 1914 года. И на сей раз уже не вернулись. Вот как вспоминал о прощании с Царским Селом служивший в лейб-гусарах великий князь Олег Константинович: «Я приехал в эскадрон. Он весь был в конюшнях. Лошади были

поседланы... Я никогда не забуду этих минут. Какое счастье поздравлять свой родной эскадрон с походом и вместе с ним идти на войну». Спустя два месяца, 27 сентября 1914 года, великий князь Олег Константинович был смертельно ранен в бою. Лейб-гвардии Гусарский Его Величества полк был расформирован приказом... комиссариата по военным делам Петроградской трудовой коммуны 8 мая 1918 года.

Как представишь, что в разные годы по улицам городка расхаживали в шитых золотом доломанах и ментиках Денис Давыдов, Петр Чаадаев, Петр Каверин, Александр Чавчавадзе, Михаил Лермонтов...

Образцовые войска

Отцом-основателем Царскосельского гарнизона стал император Александр I.

Любопытно, что вторым воинским формированием, осевшим тут на несколько лет, стал Гренадерский Его Величества императора Австрийского полк и его запасные батальоны. Как и многие другие русские воинские части, этот полк, основанный еще в 1709 году, претерпел множество переименований и переформирований. Перед Отечественной войной 1812 года стал Кексгольмским пехотным, потом, в память о союзничестве с Австрией, вернул себе гренадерские знаки различия и стал носить имя венского монарха. Был причислен к отдельному гвардейскому корпусу, но гвардейский статус и права обрел только в 1894 году. Пожалуй, самый яркий эпизод в боевом формуляре полка – взятие Берлина! В 1813 году. Стояли «австрийские» гренадеры рядом с гусарами, в Софии, с 1815 по 1824 год.

Более боевых частей в Царское Александр I не заводил. Зато приказал разместить тут лейб-гвардии Инвалидные роты, состоявшие из увечных героев войны 1812 года. Две роты разместились в пяти зданиях, построенных по проекту знаменитого архитектора Стасова. Сегодня сохранились два корпуса. Инвалидные роты прожили в Царском куда дольше, чем гренадерско-кексгольмцы. Новые владельцы зданий между Пушкинской и Цер-

Здание
офицерского
собрани
гвардейских
стрелков

ковной улицами появились только в 1860 году. Место инвалидов заняли интенданты, затем – караульная служба, затем – мирные садовники. Николай I, как и его старший брат, но в куда большей степени, унаследовал от отца Павла Петровича страсть к фрунту. А унаследовав, развил и усовершенствовал предмет страсти до идеальной степени. Давалось, правда, это нелегко. И не только императору, но прежде всего солдатам и офицерам. Дабы процесс шел легче и интенсивнее, государь повелел в 1826

году сформировать две учебные части: Образцовый пехотный батальон и Образцовый кавалерийский полк. Оба они стали на квартирах в Царском Селе. Самое, пожалуй, знаменательное здесь то, что части были созданы 5 июня, то есть всего через полгода после событий на Сенатской площади. Еще не были повешены Пестель и остальные... Одной ли любовью к шагистике стоит объяснять появление Образцовых рот? Да еще в Царском Селе – любимой резиденции и, более того, малой родине Николая?

Здание офицерского собрания царскосельских стрелков

В 1829 году «образцовые кавалеристы» были переведены в Павловск. Много позже на базе этой учебной части возникла Офицерская кавалерийская школа, которой несколько лет командовал будущий герой Первой мировой войны Алексей Брусилов. Кстати, в бытность командиром школы Брусилов носил мундир, очень похожий на мундир лейб-гвардии Гусарского полка.

«Образцовые пехотинцы» из батальона разрослись до полка и остались в Царском Селе. Со временем появились и «образцовые артиллеристы». Нововведениями по учебной части Николай I не ограничился. 12 октября 1832 года он учредил подразделение, подобного которому ранее не было. В Царском Селе поселились казаки из Кавказского линейного войска. Эта команда вкуче с Кавказско-Горским взводом, созданным в 1828 году, стала основой будущего Собственного Его Императорского Величества Конвоя.

Эскадроны и сотни

Чуть ранее в Царское Село вернулись кирасиры. Николай I на самом деле умел строить. Не только отдельных солдат и офицеров, но и армей-

скую инфраструктуру. Впервые в истории гарнизона на территории сначала появились не служивые, а жилье для них. Два года возводился казарменный городок для лейб-гвардии Кирасирского Его Величества полка. На участке по соседству с казармами лейб-гусар выросли казармы кирасир, а также манеж, конюшни, офицерское собрание, склады. Полк заехал на все готовое в феврале 1832 года.

Да и сам полк был, что называется, с иголочки. Гвардейство лейб-кирасиры получили в 1813 году за подвиги в войне 1812 года. В 1831-м их соединили с эскадронами лейб-гвардии Подольского кирасирского полка. Тоже вполне геройского. Получился весьма достойный сплав. Кирасирам Его Величества достался желтый цвет приборного сукна, по этой причине их и стали звать «желтыми кирасирами». В отличие от «синих кирасир» Ее Величества, осевших в Гатчине. Это – на военном жаргоне. Более мирно звучало прозвище «царскосельские кирасиры», по аналогии с лейб-гусарами.

Но вот что любопытно. Гвардейские кирасиры входили в 1-ю кавалерийскую дивизию. И конногвардейцы,

и кавалергарды, и «синие кирасиры» Ее Величества оставили после себя заметный фольклорный и мемуарный след. Довольно вспомнить книги графа Игнатьева, князя Трубецкого, генерала Гончаренко, писавшего под псевдонимом Галич. «Желтые кирасиры» остались в глубокой тени.

Кто знает, может быть, соседство с лейб-гусарами, подавляющими экзотикой и особым стилем, лишили царскосельскую тяжелую кавалерию шарма и индивидуальности. Хотя воевали кирасиры Его Величества здорово!

Как и соседи-гусары, они ушли из Царского летом 1914 года. Ушли навсегда.

Впрочем, один человек в Царское точно вернулся. Полковой священник «желтых кирасир» отец Владимир (Концевич). После расформирования полка в декабре 1917-го он возвратился по месту службы и «вступил в исполнение обязанностей настоятеля церкви Св. мученика Иулиана Тарсийского».

Военным священником отец Владимир стал не сразу. Рукоположен в сан был в 1892 году, а в армии оказался только в 1910-м. Полковой храм лейб-гвардии Кирасирско-

го Его Величества полка принял в октябре 1912-го. Через полтора года вместе с полком принял боевое крещение. А к декабрю 1917-го был награжден тремя боевыми орденами и тремя церковными. В том числе наперсным крестом на георгиевской ленте, что приравнялось к ордену Св. Георгия 4-й степени. Последнее упоминание об отце Владимире датировано мартом 1919 года, когда он получил от митрополита Петроградского и Цдовского Вениамина последнюю, вероятно, награду – наперсный крест с драгоценными камнями. Более об отце четверых детей и духовном наставнике всех царскосельских кирасир клировая ведомость храма Св. Иулиана ничего не сообщает. Да и сам храм был частично разрушен и закрыт на 70 лет. Но все-таки выстоял. В 1995 году в нем возобновились службы.

Существует миф, запущенный тов. Троцким весной 1917 года, о том, что в революционные дни февраля даже Конвой императора явился к Таврическому дворцу с красными бантами на черкесках. Эта история – яркий пример удачного политического пиара. На самом деле казачий есаул и по совместительству депутат Думы Кара-

Здание офицерского собрания лейб-гвардии 4-го Стрелкового полка

улов, пользуясь авторитетом офицера, подговорил на эту акцию группу нестроевых казаков, занимавшихся в Петрограде заготовкой фуража для сотен Собственного Его Императорского Величества Конвоя. А в это время две из четырех сотен сражались на передовой, одна охраняла вдовствующую императрицу Марию Федоровну в Киеве, последняя – несла караулы в Царском Селе, оберегая семью царя. Это очевидно, если взглянуть на документацию части. Есть и такой факт, вызывающий определенные размышления. Два-три десятка обозных конвойцев подошли к Таврическому утрум, о чем уже сообщили утренние

же газеты. Что-то больно шустро сработали коллеги!

В начале XX века Конвой являлся полноценным казачьим полком. Четыре сотни полного состава, около 600 казаков и офицеров. Две сотни – кубанцы, две – терцы. Но так было не всегда.

И команда линейцев, прибывшая в 1832 году для охраны Николая I и состоявшая из 2 офицеров, 4 унтеров и 24 рядовых казаков, так же отличалась от конвойцев его правнука, как «мерседес» Штирлица от «мерседеса» Путина.

Первоначальный замысел Николая Павловича состоял в том, что Конвой

Феодоровский городок.
В настоящее время реставрируется под Патриаршее подворье

Дом, где жили семейные офицеры Собственного Его Величества Сводного полка

церковью Конвоя, но и домовый церковью императорской семьи. Храм построили очень быстро. Не было проблем с финансированием: Николай из личных средств выделил 150 тысяч рублей. Царь лично контролировал процесс. Несмотря на то, что в начале XX века в Царском действовало более 30 соборов и церквей, государь и его семья посещать службы затруднялись. Вход во все храмы был свободным, и, едва у алтаря появлялся Николай, собирались толпы зевак.

Вселиться в новые казармы, построенные по последнему слову техники своего времени, конвойцы уже не успели. Началась Первая мировая. Вместо бравых кубанцев и терцев помещения заняли раненые. Среди прочих ухаживал за ними и Сергей Есенин. Он был призван на действительную службу, попал в нестроевые по медицинской части и служил в царсосельских госпиталях медбратом. Здесь же был представлен семье императора, читал стихи его дочерям в свободные от дежурств часы. Сразу после отречения Николая Собственный Его Императорского Величества Конвой убыл в действующую армию на Кавказский фронт. Но прежде взвод под командой есаула Татонова заглянул в Царское и изъять из Александровского дворца все хранившиеся там святыни части, в том числе и три Георгиевских знамени. Революционная охрана дворца препятствовать конвойцам не стала.

Сегодня в комплексе казарм, предназначенных для Конвоя, работает Аграрный университет. Состояние зданий, мягко говоря, оставляет желать лучшего.

должен комплектоваться кавказцами и казаками. Высокая мотивация тамошних князей, а также станичников, отсутствие связей с отравленной либеральным духом петербургской аристократией, некоторая дикость и первородная преданность старшему – все это работало на главную задачу: беречь императора. Не исключено, что Николай учитывал опыт Наполеона, полагавшегося в этом вопросе на мамелюков. А тяга русского государя к копированию французского военного опыта известна. Короче говоря, конвойные караулы появились в самых важных местах – у дверей и подъездов Екатерининского дворца. Впоследствии, уже при Александре II, конвой усилился подразделениями, сформированными из закавказцев и крымских татар. Во время последней русско-турецкой войны СЕИВК отправился на фронт вместе со своим подопечным. И не только охранял царя, но и успешно сражался. В декабре 1881 года смертельное ранение во время покушения в Петербурге получил не только Александр II, но и входивший в состав конвоя терский казак Малеичев.

В то же время Конвой приобрел окончательный вид. Военный министр Ванновский подписал документ, определивший состав части в четыре сотни терцев и кубанцев. Горские подразделения были реформированы. Несмотря на близость к императорам, собственный дом в Царском Селе конвойцы получили не сразу. Первое новоселье справили в 1845 году – в двухэтажном доме с конюшнями, кладовыми и ледником. Спустя более полувека у знаменитых Египетских ворот, сквозь которые в Царское Село попадает всякий, въезжающий в него со стороны Петербурга, построили деревянные казармы. Часть досталась Собственному Его Величества Сводному пехотному полку, часть – конвойцам. В 1910 году Николай II распорядился приступить к строительству целого комплекса зданий, предназначенных для Конвоя, – Феодоровского городка. Он получил это название по той причине, что рядом в 1909 году была заложена церковь Феодоровской иконы Божьей Матери, особо чтимой Романовыми. По сути, храм стал не только полковой

«Любезным моим
сослуживцам».
Триумфальные
ворота, возведенные
по распоряжению
императора
Александра I

Конвой был не единственной частью, чьей задачей являлось обеспечение личной безопасности царя и его семьи. То же было поручено и Собственному Его Величества Сводному полку. Другое дело, что полком он стал только в 1907 году и насчитывал менее 900 человек личного состава. Это примерно в три-пять раз меньше штата боевых пехотных полков русской армии. Полк вырос из батальона, а тот – из сводно-гвардейской роты почетного конвоя, куда начиная с марта 1881 года командировались нижние чины гвардейских пехотных частей. Всю свою недолгую жизнь Сводный полк стоял в Царском Селе.

Стрелки – не стрелочники

Если в конце царствования Николая I в Царском Селе размещалось 6 тысяч 100 военных, то в 1910-м при общем населении в 30 тысяч военных действующих и отставных насчитывалось чуть более 8 тысяч. Хорошая половина из них – царско-сельские стрелки. Это – три пехотные части, возникшие в результате военной реформы, проводившейся в России под руководством военного министра графа Милютина. Реформа назрела после неудачной Восточной войны 1853–1856 годов, именуемой сегодня Крымской. Нововведений было множество. От глобальных, менявших принцип

призыва в армию, до сугубо военных, как, например, выделение стрелковых подразделений из состава обычных пехотных полков и формирование специальных стрелковых. В каком-то смысле это то новое, что напоминает хорошо забытое старое. Были ведь в русской армии когда-то егерские полки. Иное дело, новое время породило новое оружие, а значит, и новую тактику боя.

При Александре II появились 4 гвардейских стрелковых батальона. Красивых названий придумывать не стали, дали простую нумерацию. По старой егерской традиции. 1-й Его Величества Стрелковый, 2-й Царско-сельский, 3-й Его Величества, 4-й Императорской фамилии. Изначально это были батальоны, составившие бригаду. Так, батальонным составом прошли русско-турецкую войну, в которой практикой поверили теорию. Именно гвардейские стрелковые батальоны составили костяк русского отряда, вышедшего в феврале 1878 года на подступы к Константинополю.

В 1910-м были развернуты в полки. Все, кроме лейб-гвардии 3-го Стрелкового полка, дислоцировались в Царском Селе. Планировалось и 3-й перевести из Питера. Даже казармы построили. Но уже во время Первой мировой. И планы остались планами.

Высшая власть гвардейских стрелков любила. То ли потому, что не несли они на себе грехов гвардии XVIII и начала XIX века, то ли потому, что изначально делались на современный лад. Их первыми освободили от «огородной повинности». Еще при Николае I царско-сельский гарнизон был наделен огородами для обеспечения усиленного питания солдат. Росло на них мало, а времени они отнимали много. Стрелки остались вне огородов, зато именно с них начались в русской армии системная гимнастика, интенсивная огневая подготовка, обучение грамоте. И малиновое приборное сукно гвардейских стрелков стало пользоваться уважением.

Так случилось, что вместе с арестованной императорской семьей в Тобольск из Царского Села отправился отряд Особого назначения, сформированный из трех рот, выделенных из состава трех царско-сельских гвардейских стрелковых полков. Очевидец писал, что распропагандированная донельзя рота 2-го полка «с самого начала отличалась революционным духом» и причинила узникам множество докучливых неприятностей. Совершенно иначе вели себя солдаты 1-го и 4-го полков. А вот строки из письма самого государя сестре, великой княгине Ксении Александровне, в Крым. «Стрелки, приехавшие

Здание бывшей церкви Сергия Радонежского – полкового храма лейб-гвардии 2-го Стрелкового полка

с нами сюда, совсем другое – это почти все побывавшие на фронте, очень многие ранены и с Георг. Кр. и мед. – большей частью настоящие солдаты». И еще: «На днях в отрядном комитете наших стрелков обсуждался вопрос о снятии погон и других отличий, и очень ничтожным большинством голосов было решено погон не носить. Причин было две: то, что их полки в Ц. селе так поступили, и другое обстоятельство – нападение здешних солдат и хулиганов на отдельных стрелков с целью срывания погон. Все настоящие солдаты, прошедшие три года на фронте, с негодованием должны были подчиниться этому нелепому постановлению».

В списках значатся

В конце XIX и начале XX века гарнизонный список Царского Села пополнился лейб-гвардии Железнодорожным полком, старшинство которого датируется 1878 годом, а гвардейство – 1915-м, а также Авиационным отрядом, сформированным уже во время Первой мировой. Сведений об этих частях сохранилось до обидного мало. Но главное не исчезло.

Военно-мемориальная традиция в Царском Селе была заложена еще Екатериной. Вспомним Чесменскую колонну, Кагульский обелиск, ворота Александра I... Николай II думал о том, чтобы как раз в Царском Селе обустроить главный ме-

мориал после окончания Великой войны. В Ратной палате, входящей в Феодоровский городок, мечтал открыть музей.

И поэтому первым официальным братским кладбищем Первой мировой войны стало Царкосельское. По распоряжению императора в Царское свозили со всех фронтов погибших и умерших от ран офицеров и солдат местного гарнизона. В царкосельские госпитали под личный присмотр императрицы прибывали раненные офицеры гвардии и особо отличившиеся нижние чины армии.

До войны полковые захоронения производились на участках рядом с городским Казанским кладбищем. Уже летом 1914-го полковые участки оказались заполнены. И тогда хоронить стали на специальном участке напротив. Очень быстро в народе место получило название «Кладбище героев». К 1918 году насчитывалось уже более 1000 захоронений. Мартирологи не сохранились. После 17-го разобрали временную деревянную церковь в честь иконы Божьей Матери «Утоли мои печали». Не сохранились и сами могилы. Но есть список воинских частей и организаций, навечно делегировавших в Царское Село своих героев.

Генеральный штаб, л.-гв. Кирасирский ЕВ полк, л.-гв. 1-й ЕВ Стрелковый полк, л.-гв. 2-й Царкосельский Стрелковый полк, л.-гв. 3-й ЕВ Стрелковый полк, л.-гв. 4-й Императорской фамилии Стрелковый полк, л.-гв. Преображенский полк, л.-гв. Финляндский полк, л.-гв. Московский полк, л.-гв. Гусарский ЕВ полк, Собственный ЕИВ Конвой, Собственный ЕИВ Сводный пехотный полк, л.-гв. Железнодорожный полк, 5-й Сибирский стрелковый полк, 11-й Пластунский батальон Кубанского Казачьего войска, 14-й Грузинский Гренадерский Наследника Цесаревича Алексея Николаевича полк, Штаб Казанского военного округа, Управление воздушного флота, Павловское военное училище, Офицерская Артиллерийская школа, Царкосельский Особый эвакуационный пункт. ❀

Оксана Прилепина, фото Алексея Морозова

ЛАГЕРЬ №27

ЗДЕСЬ, В 20 КИЛОМЕТРАХ ОТ МОСКВЫ, ФЕЛЬДМАРШАЛ ФРИДРИХ ПАУЛУС ПИСАЛ АКВАРЕЛЬЮ МИРНЫЕ РУССКИЕ ПЕЙЗАЖИ... ЗДЕСЬ ЖЕ СКУЧАЛ ПОСЛЕДНИЙ ИМПЕРАТОР КИТАЯ, ПУ И, НА ГАРДЕРОБ ДЛЯ КОТОРОГО НКВД ВЫДЕЛИЛ ИЗ СВОИХ ФОНДОВ 16 ТЫСЯЧ ИЕН... А ГЕНЕРАЛ-ЛЕЙТЕНАНТУ ВИНЦЕНТУ МЮЛЛЕРУ, НАВЕРНОЕ, ВСЕ НЕ ДАВАЛА ПОКОЯ ОДНА И ТА ЖЕ КАРТИНА: ОН ВОЗГЛАВЛЯЕТ КОЛОННУ ИЗМОЖДЕННЫХ ПЛЕННЫХ НЕМЕЦКИХ СОЛДАТ, УНЫЛО БРЕДУЩИХ ЧЕРЕЗ СОВЕТСКУЮ СТОЛИЦУ ПОД КОЛЮЧИМИ ВЗГЛЯДАМИ МОСКВИЧЕЙ...

ЗДЕСЬ ТОМИЛИСЬ ВНУЧАТЫЙ племянник «железного канцлера» Отто фон Бисмарка – Генрих Айнзидель, сын промышленного и финансового магната Германии Густава Круппа – Гарольд фон Болен унд Гальбах, родственники фон Клейна и фон Папена, венгерский генерал Ласло Деже, до войны работавший военным атташе посольства Венгрии в Москве, помощник военного атташе Германии в Японии Родольф Петерсдорф, лично знавший Рихарда Зорге... Сюда же попали все 24 германских генерала, плененных под Сталинградом, а также почти все приближенные Гитлера: и его личный адъютант, майор СС Гюнше, и старший камердинер Линге, и шеп-пилот, генерал-лейтенант Бауэр... Все они были заключенными лагеря №27, созданного в марте 1942 года в подмосковном Красногорске. Через это учреждение, называвшееся «НКВД УПВИ СССР №27», прошло 50 тысяч арестантов – чуть более 1 процента всех пленных в Советском Союзе. Лагерь был пересыльным, рядом находились Волоколамское шоссе, Калининская железная дорога, Тушинский и Ходынский аэродромы. «Контингент» был исключительным: 530 генералов, тысячи офицеров, дети видных политиков и ученых, научная и творческая интеллигенция, дипломаты. Статус лагеря был настолько высоким, что его начальник назначался и смещался лично наркомом внутренних дел. Да и условия жизни высокопоставленных пленных заметно отличались от содержания в других, «простых» лагерях. Иногда заключенные здесь жили значительно лучше, чем вольные советские граждане во время военной и послевоенной разрухи. «Однажды генерал Иван Серов приехал в красногорский лагерь, – вспоминает бывший сотрудник лагеря, Юрий Фрязиновский, – посмотрел на наши фонтаны, цветники и сказал: «Я на Урал посылаю иностранные делегации, а у вас здесь курорт». Сегодня на месте бывшего лагеря для высокопоставленных военнопленных находится Музей антифашистов, основанный 25 лет назад.

«Согреет ли тебя это?»

Это единственный музей в России, посвященный плену. Здесь на двух этажах уместилась лишь маленькая часть обширных фондов – в основном фотографии, карты, плакаты, личные вещи, дневники. «Основная наша миссия сегодня, когда фашизм поднимает голову, показать наглядно, что он несет и как с ним боролись в 40-е годы. Забывать об этом нельзя ни в коем случае», – говорит директор музея Ирина Кузьмичева. Возможно, на первый взгляд слова эти звучат несколько высокопарно, но это ощущение быстро пропадает после знакомства с экспозицией музея. Сейчас в Европе работает несколько передвижных выставок красногорского музея, самая ценная из которых – «Антифашистская графика времен Великой Отечественной войны», демонстрируемая в Словакии. Там выставлены художественные работы, которые переворачивали сознание немецких солдат. Например, мало кто знает, что для доказательств того, что жители СССР – не люди, немецкая пропаганда использовала фотографии, сделанные в немецких концлагерях. В плену нашим солдатам неделями не давали еды и воды, а затем выпускали на улицу, где у грязных

луж валялась гниющая туша коровы. Полуживые люди набрасывались на воду и мясо, эту сцену фотографировали, а фотографии затем подавались как «бытовые жанровые сценки из мирной жизни СССР». Для многих немецких молодых солдат столкновение с нашей реальностью стало потрясением: чистые избы с красными углами, сельчане, делящиеся с пленными последним куском хлеба из сострадания... Советская графика тоже давила на «болевы точки» немецких солдат. Причем порой эффект был таким сильным, что, например, Геббельс лично внес имя художника Александра Житомирского в список «Найти и повесить!». Житомирский оформлял журнал «Фронтальная иллюстрация», создавал яркие психологические черно-белые фотоколлажи, которые

миллионными тиражами разбрасывались с самолетов над местами дислокации войск противника. Эти работы собраны и опубликованы работниками Музея антифашистов. Вот на одном из таких коллажей рука скелета сжимает Железный крест над погибшими немецкими солдатами. Плакат пересекает надпись: «Согреет ли тебя это?» А вот другой плакат: фотокамера запечатлела взрыв, падающего немецкого солдата. Внизу крупным шрифтом слова: «За что?» Другая выставка графики и документов, под названием «Чтобы выжить», прошедшая в Российском доме науки и культуры, вызвала широкий резонанс в Берлине. «Мы уже подписали договор на следующую выставку в Германии – «Идеологическая борьба на российско-германском фронте», – рассказывает

Ирина Кузьмичева. – Сейчас она переводится на немецкий, будем экспонировать в мае все в том же Русском доме».

Музей занимается поисковыми работами, перепиской с родственниками военнопленных, издает книги, организует российско-немецкие круглые столы старшекласников и ежегодно проводит Дни великого примирения, на которые приглашаются ветераны войны обеих сторон. «На наших экспонатах из архивов защищено много диссертаций в Германии, – говорит Ирина Кузьмичева, – так что мы еще работаем и как своеобразный институт, подбирающий материалы».

«Я хочу быть мостом!»

Красногорский лагерь начинался с трех жилых барачков. А к концу войны здесь содержалось уже 12 тысяч военнопленных, в распоряжении которых были баня, лазарет, мастерские, техническое бюро, кухня, склад, сапожная мастерская, клуб, три овощехранилища, конный парк. Общие затраты на строительство и ремонт лагеря к 1 января 1950 года превысили миллион рублей. Большое хозяйство обслуживали 200 человек лучшего персонала. Например, светило советской медицины, хирург-травматолог Йозеф Роббинс. «Был врачом в зоне еще Петр Иванович Харитонов, 1903 года рождения, – рассказывает Юрий Фрязиновский. – Он был в финском плену. Дослужился до заместителя начальника полка по политчасти. Примечательная фигура. Его отец

был поваром у самого Николая П. Культурный, порядочный человек, интеллигент до мозга костей. В плену организовал восстание, побег, затем служил, но демобилизовался и уехал в Ленинград». Некоторое время лагерем руководил человек-легенда – адмирал Михаил Кудрявцев, начальник контрразведки Черноморского флота. «Сталин велел его расстрелять, но друзья по разведке спрятали, сняв все регалии, – говорит бывший сотрудник лагеря, Юрий Эльперин. – Потом Кудрявцев работал в лагере, позже ему даже присвоили звание полковника». Текучка кадров была большой: НКВД у многих находил политические недочеты в работе.

Пленные портные обшивали чиновников МВД, МИДа, редакторов газеты «Правда», артистов московских театров. Известно, что в «элитном» ателье лагеря №27 заказывал костюм писатель Борис Полевой.

В те годы было принято регулярно слать подарки в Кремль. В этом деле учреждение №27 всегда было оригинальнее других лагерей. Чего стоил, например, столик тонкой работы с инкрустацией по дереву и надписью: «От немецких антифашистов лучшему другу немецкого народа». Но самым грандиозным даром генералиссимусу стало творение японских пленных из Красногорска. Они написали письмо Сталину на шел-

ковом полотне длиной 26 м и весом полторы тонны, вышив 14 тысяч иероглифов! К письму прилагались деревянный постамент с резным изображением скульптурной группы знаменосцев, несколько художественных альбомов в специально выполненных шкатулках с 56 434 подписями пленных, портрет товарища Сталина, исполненный резьбой по дереву, три картины, японская этажерка для книг... История умалчивает, помогли ли эти дары японцам досрочно освободиться из плена и вернуться на родину.

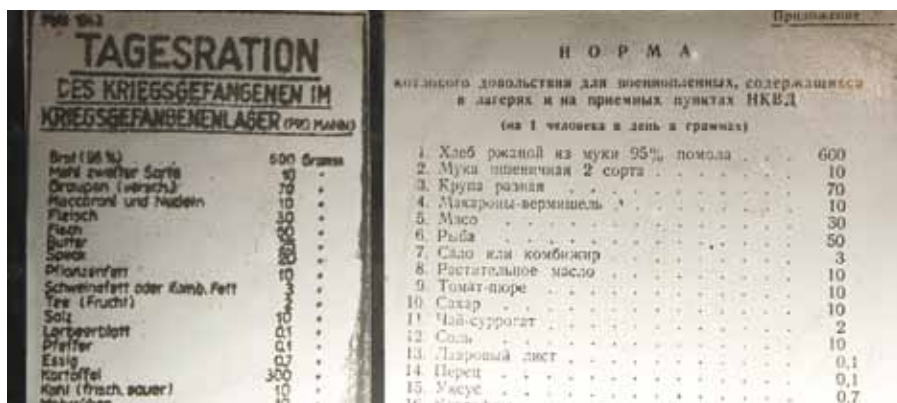
Мастерили, вытачивали, рисовали красногорские пленные чуть ли не поголовно. Вместо холста использовали картон и вафельные полотенца. Особой популярностью пользовалась картина Ивана Шишкина «Утро в сосновом лесу», видимо, потому, что именно репродукция этого полотна висела в кабинете Лаврентия Берии. Лагерные «Шишкины» воспроизводили картину по памяти, поэтому количество медведей на копиях варьировалось от трех до шести. Священник Йозеф Кайзер на куске березы вырезал слова: «Я хочу быть мостом!» С помощью осколков стекла вырезали из дерева шкатулки, украшали резьбой выловленные в супе кости, даже крышка кинокамеры не избежала подобной участи.

Пленный австрийский зоолог и натуралист Конрад Лоренц именно в красногорском лагере завершил написание своего научного труда по этологии – тогда еще не признанной области науки. В 1973 году за эту работу ему была присуждена Нобелевская премия.

А вот румынскому инженеру-танкостроителю Балабану не повезло. Он долго и безуспешно предлагал советским властям реализовать его идеи протезов. «Я хочу помочь вашим раненым солдатам, говорил он мне, – вспоминает Евгений Ермаков, бывший сотрудник лагеря. – Ваши власти мне предлагают работать на вооружение. Я не хочу». Я доставал ему краски и бумагу, он сделал много невиданных тогда моделей: кисть руки двигалась, на пальцах были окошечки – чтобы чувствовать. Эту руку возили в Москву, но дело не пошло.

В августе 1943 года в лагере появилось бюро изобретательства и технических новинок, которое выполняло проектные работы по заданию различных министерств. В 1944 году создали часовую и художественную мастерские, работала мастерская по выпуску репродукторов для радио, более 100 человек трудилось в автомастерской, ремонтируя в основном трофейные машины. Дело дошло до того, что пленным героям труда стали вручать почетные грамоты, а передовым бригадам военнопленных – переходящие Красные знамена. Но эта практика была запрещена специальной директивой МВД СССР в мае 1946 года.

В красногорском лагере не голодали даже обычные заключенные, получая минимум 600 граммов хлеба на человека в день. Еду готовили три раза в сутки, обед состоял из двух блюд, в них входило 40 граммов мяса или 30 граммов рыбы, утром и вечером выдавались чай и кофе с сахаром, сгущенкой, маслом. Пленным раздавали витамин С и дикорастущую съедобную зелень, которой каждый год собиралось от 20 до 25 тонн. «Что и говорить, – продолжает вспоминать Юрий Фрязиновский, – питание в лагере было приличное. Наши не получали того, что получали немцы». А с августа 1942 года было введено денежное довольствие во-

РАСПОРЯДОК ДНЯ ЛАГЕРЯ №27

- 7.00 – подъем, уборка помещений
- 8.30–9.30 – завтрак
- 9.30–16.30 – работа на территории пункта
- 16.30–18.00 – обед
- 18.30–21.00 – культмассовая работа
- 21.00–22.00 – ужин, вечерняя поверка
- 23.00 – отбой

еннопленных и интернированных, от 7 до 100 рублей в месяц. Правда, циркуляр начал действовать только после 1947 года, когда улучшилась экономическая ситуация в стране. Но плен оставался пленом. Многие немецкие военнопленные, разумеется, враждебно относились к Советскому Союзу, создавались заговоры и тайные фашистские общества, бывали случаи саботажа и вредительства, не редки были попытки побегов и самоубийств. За первые семь лет работы умерло 770 человек, из которых 730 погибло в первый год работы лагеря. Правда, большая часть из них прибыла в лагерь уже больными, в состоянии крайнего истощения.

Идеологическая вербовка

В 1943 году в Красногорск из Горьковской области перевели Центральную школу антифашистов, призванную превратить бывших фашистов в коммунистов – этакая идеологическая «перевербовка». Ее отделили колочей проволокой от основной территории лагеря, учащих поселили в трехэтажных коттеджах. Занятия не были принудительными, но за них давалась большая порция хлеба и каши. Те, кто посещал школу из меркантильных интересов, назывались «кашистами». «Среди этой категории были и убежденные сторонники фашистского режима, обладающие высоким общественным положением, – вспоминает преподаватель школы Николай Терещенко. – Они проникали сюда, чтобы парализовать идеологическое воздействие служащих».

Здесь ежедневно читались лекции по русской классической литературе, истории СССР, основам политэкономии, вопросам диалектического материализма, социалистическому строю. А после окончания войны пленных вывозили на экскурсии в Москву – в Третьяковскую галерею и по другим музеям. Вот отрывки из впечатлений пленного Отто Метенфинка, посетившего празднование 800-летия столицы: «Как зачарованные мы смотрим на симфонию огня и красок на министерствах, театрах, музеях, зрелище превосходит все увиденное ранее. Всюду в нас узнают немцев, но мы не слышим ни одного злобного слова. Мы – бывшие военнопленные нацистской армии, на которых лежит доля вины за разрушения русских городов, сегодня

от всего сердца вместе с русским народом празднуем его праздник. Этот день для нас незабываем».

Политработу в школе проводили контрразведка, ГлавПУ и РККА. Издавались листовки, газеты, записывались аудиообращения для немецких солдат, организовывались антифашистские конференции пленных, сюда неоднократно приезжал сын немецкого политэмигранта Вильгельма Пика, здесь была создана первая антифашистская организация из немецких военнопленных и интернированных – национальный комитет «Свободная Германия». «Газета «Свободная Германия» была для военнопленных единственным источником информации на немецком языке, – пишет в воспоминаниях Йозеф Хендрикс, заключенный лагеря. – Она

В период с 1941 по 1945 год советскими войсками на западном театре военных действий было пленено 3 миллиона 486 тысяч человек армии противника.

На Дальнем Востоке было взято в плен 639 776 военнослужащих японской армии.

Общее число военнопленных на территории СССР составило 4 миллиона 126 тысяч человек более 60 национальностей.

отлично подходила для скрутки сигарет с махоркой и среди курильщиков пользовалась большим спросом. Несмотря на решение стать слушателем школы, я противостоял антифашистским агитаторам. Это, конечно, не нравилось лагерным пропагандистам. Я был колеблющимся, и меня сочли слишком легкомысленным». Активисты школы участвовали в антифашистской пропаганде. Особенно действенными были письма бывшим сослуживцам и на родину. «По прибытии домой японские военнопленные начинали пропагандировать идеи социализма, – рассказывал Владимир Галицкий, профессор Академии военных наук, – за что местные власти многих из них арестовали. Все это послужило поводом к тому, чтобы генеральный секретарь КПЯ Токуда в мар-

те 1947 года обратился с просьбой к ЦК ВКП(б) изменить направленность политической обработки и внушать военнопленным, что революция в Японии – дело длительное, необходима спокойная разъяснительная работа в течение многих лет».

Равенство преступников и жертв

В 1949 году началась массовая репатриация военнопленных и интернированных из СССР. Бывшим узникам возвращались личные вещи, часы, деньги, драгоценности. С этого времени лагерь стал важнейшим пунктом подготовки судебных процессов против военных преступников. В 1950 году красногорское учреждение опустело, 10 тысяч человек были осуждены и отправлены по этапам в

спецлагеря и тюрьмы. Война давно закончилась, надежда на свободу у пленных таяла. Душевное напряжение тех, кто ожидал суда, достигло апогея. «После работы мы не шли спать, а сидели у окон барака и ожидали посыльных, – продолжает Йозеф Хендрикс. – Можно представить себе наше состояние, когда посыльный приближался к нашему бараку, приглашал проследовать за ним одного из соседей по кровати. И постоянно думаешь: когда они заберут тебя? В чем они могут тебя обвинить? Убил ты курицу, которая является социалистической собственностью? От пяти до десяти лет. Был ли ты в союзе с гитлерогендом? 25 лет заключения. Ты, как комендант, заставлял рубить деревья для строительства бункера? Вы не лжете? Я пытаюсь молиться, затем читаю газету. В ней статья: «Дружба с СССР – задача сегодняшнего дня». Это как удар в лицо».

Последние фразы лагерного отчета звучат так: «Все материальные ценности, за исключением вещимущества, были переданы командиру 76-й Ашанской Хинганской краснознаменной дивизии конвойных войск МВД. Офицерский состав был откомандирован в отдел кадров ГУПВИ МВД СССР, ликвидация лагеря закончена 5 января 1951 года, все материальные ценности переданы полностью, довольствующие органы к лагерю претензий не предъявляют». ❀

Евгений Щепин

КРЕСТОМ И МОТОЦИКЛОМ

К ХРАМУ АРХАНГЕЛА МИХАИЛА НА ОГРОМНОЙ СКОРОСТИ ПОДЛЕТАЕТ СКРИПУЧАЯ «ГАЗЕЛЬ». НА БОКОВОМ СТЕКЛЕ СТИКЕР – «ЗА РУЛЕМ БАЙКЕР». НА САМОМ ДЕЛЕ ЗА РУЛЕМ НЕ ТОЛЬКО БАЙКЕР, НО И СВЯЩЕННИК. БАЙКЕРСКИЙ КЛУБ ДЛЯ ПОДРОСТКОВ ОРГАНИЗОВАЛ 42-ЛЕТНИЙ СВЯЩЕННИК ДМИТРИЙ МЕНЬШИКОВ.

ИЗ КАБИНЫ ВЫХОДИТ ОТЕЦ Дмитрий в кроссовках, широких штанах и черной толстовке и направляется в отнюдь не намоленное место – церковную бухгалтерию. Здесь у отца Дмитрия рабочее место и одновременно место для уединения. – Я вчера грех на душу взял, – взволнованно рассказывает он. – Оседлал «хонду», разогнался по трассе до 200 км/ч – и скорее в храм, просить у Бога прощения за то, что искусил Его. Не могу с собой ничего поделаться, люблю мотоциклы. Отказаться от них выше моих сил.

Любовь к мототехнике у батюшки с детства. Всегда возился с трещащими и дымящими драндулетами, возвращая их к жизни.

В маленькой Кушве Свердловской области священника-байкера знает каждый, и никто из местных не относится к нему равнодушно. Одни его уважают. Другие ненавидят и ругают за мотоциклы и «бесовские увлечения». Некоторые прихожане даже владыке Викентию жалобы писали, просили заменить священника. Дескать, как может крестить человек, у которого ветер в голове?

Отказаться от мотоциклов Дмитрий Меньшиков не может. Поэтому в свободное от церковных служб время частенько берет грех на душу и гоняет по уральским трассам

ВЛАДИСЛАВ ЛОНИШАКОВ / КОММЕРСАНТ

ВЛАДИСЛАВ ЛОНЦКОВ / КОММЕРСАНТ

Мотоколхоз отца Димитрия

Оказывается, может. И никакого ветра в голове у батюшки нет. Каждую неделю по пятницам отец Димитрий в небольшой комнатке при храме проповедует жителям Кушвы необходимость принять православную веру и креститься. На проповеди ходит человек 8–10, но аншлагов священник и не ждет.

В годы юности и максимализма тагильский неформал Дима Меньшиков со своим другом Вадимом пришел в храм Нижнего Тагила, чтобы «наехать на попа». Отец Геннадий выслушал двух юнцов, доказывающих, что Бога нет, а вот Борис Гребенщиков – есть, вступил с ними в дискуссию и предложил креститься.

А потом Меньшиков стал священником...

Во время очередной пятничной проповеди за окном раздается пронзительный стрекот мотоцикла. Священник прерывает речь и улыбается. Уже три года на территории храма существует байк-клуб «Север-

Жители Кушвы к священнику-байкеру относятся неоднозначно. Им сложно понять, как можно одновременно верить в Бога и столь фанатично любить двухколесную технику

Перед входом в гараж парни-мотоциклисты разуваяются как по команде. И это даже не ритуал, а нечто само собой разумеющееся. Мотоциклы и грязная обувь несовместимы, считают они

ВЛАДИСЛАВ ЛОНЦКОВ / КОММЕРСАНТ

ВЛАДИСЛАВ ЛОНШАКОВ / КОММЕРСАНТ

Жизнь в мотоколхозе отца Дмитрия закипает преимущественно ночью. Байкеры в сотый раз перебирают мотоциклы, тюнингуют их. Увлечись работой, могут просидеть в гараже до утра

Кастинг для байкеров

Макс Безумный недаром стал председателем мотоколхоза. Отец Дмитрий сразу разглядел в нем лидерские замашки. Собственно, он и проводил «кастинг» желающих попасть в клуб. Тех, кто шел ради пьянок и гулянок, он быстро ставил на место, и они либо уходили сами, либо соглашались: сначала мотоциклы, потом – все остальное. Авторитет байкеров в Кушве стал расти как на дрожжах.

Отец Дмитрий экспериментом доволен. Правда, прихожане храма вымазанных в масле парней побаиваются. Называют их «мракобесами» и на всякий случай обходят стороной. Поэтому священник строго-настрою запретил байкерам заводить мотоциклы во время субботней службы и уж тем более ездить по территории храма. Парни условия договора беспрекословно выполняют, поэтому собираются вечером, ближе к ночи, когда храм закрыт. Для них слово «босса», так ребята называют священника, самый строгий в мире закон.

– Верить в Бога я парней не заставляю, – говорит отец Дмитрий шепотом, чтобы ребята в гараже не слышали. – Это будет несправедливо, да и вера – слишком интимная вещь. К ней прийти надо. А как прийти? Мы не так давно проводили пару благотворительных акций для детского дома Кушвы. Там одна девочка-инвалид впервые за 15 лет своей жизни благодаря нам увидела небо. Мальчишки вынесли ее на улицу. Представляешь, 15 лет лежать в кровати и видеть перед собой только окно и табличку «Слава КПСС», которой забита в стене дырка. И ведь она действительно думала, что это весь мир. Парней это очень загрузило. Ходили потом несколько дней серьезные, молчаливые.

Чтобы выезжать на байкерские слеты, ребята сложились и купили старенький грузовой «мерседес» за 50 тысяч рублей. Фургон получил доброе прозвище «Мороженка» и ребятами лелеется не меньше, чем мотоциклы. В кузове можно везти четыре стальных коня, а ночью спать на них. Байкеры говорят – удобно, как на кровати.

ВЛАДИСЛАВ ЛОНШАКОВ / КОММЕРСАНТ

Священник Дмитрий Меньшиков с байкерами договорился: пока в церкви идет служба, мотоциклы стоят заглушенными

ный цвет», в простонародье называемый «мотоколхоз отца Дмитрия». Организовать клуб священника побудили две вещи: собственная страсть к мотоциклам и тяжкие думы о кушвинской молодежи. Кушва – типичный провинциальный город, в меру депрессивный и не в меру спивающийся. Из развлечений у молодежи – местная дискотека и пивной ларек. Отец Дмитрий прекрасно понимал, что одними проповедями ситуацию не исправить. И начал действовать. Расчистил от хлама гаражи при храме, нашел пару инициативных ребят – и байкерский клуб затарахтел.

Свой статус мотоколхоз оправдывает полностью. В гараже стоят старенькие «Ижи», «Юпитеры» и «Уралы» 60–70-х годов. Но для местных мальчишек эта рухлядь – самая настоящая роскошь. К технике они относятся уважительно и при входе в гараж как по команде снимают обувь.

– Раньше район около храма считался самым опасным, – говорит председатель мотоколхоза Макс Гуров по прозвищу Безумный. – Здесь ночью люди в одиночку ходить боялись. То телефон отождут, то избьют, то еще чего. Мы тут быстро порядок навели. Теперь местные бабушки чуть ли не молятся на нас – жить стало спокойнее.

«Босс», как называют ребята священника, заходит к ним нечасто. А уж если зайдет, разговоры могут длиться часами

ВЛАДИСЛАВ ЛОНШАКОВ / КОММЕРСАНТ

Любовь и макароны

Около 10 вечера к храму подъезжает тюнингованный «Урал». Макс бросает все дела и горячо приветствует приятеля из Нижнего Тагила.

– Какими судьбами на наши скромные земли? – театрально спрашивает он.

– Пока ехал, тросик сцепления порвался, надо заменить, – строго отвечает тагильский байкер.

К двум часам ночи мотоцикл перебран, начиная со сцепления и заканчивая колесами. Парни устало переводят дух.

– Поесть бы чего, – робко предлагает тагильский байкер.

– Не проблема. – Макс хватается за телефон. – Зая, привет, ты спишь? Давай просыпайся и приготовь нам что-нибудь поесть. Только с мясом. Как приготовишь – позвони, я заеду, заберу еду и тебя.

Поясняет:

– Сейчас приготовит макароны с тушенкой, поедим. А чему ты удивляешься? Она же меня любит.

На эти ночные «посиделки» мотоциклистов отец Димитрий не заходит. Зато днем он любит пройтись около мотоциклов и хлопнуть по сиденью старенький «Юпитер».

После службы ряса священника отправляется в шкаф, теперь можно оседлать мотоцикл. Священник-байкер признается, что, сидя в седле и задыхаясь от встречного ветра, думать о Боге несколько не хуже

Семья отца Димитрия с мотоциклетными чудачествами хозяина смирилась. Матушка Татьяна ведет похоронный бизнес на кладбище при церкви: на одних пожертвованиях далеко не уедешь. А вот 7-летний сын, которого за недетское любопытство отец называет «клещиком», уже пересел с велосипеда на мотоцикл и наворачивает на нем круги на футбольном поле.

– И пусть ездит, полезно, – рассуждает священник. – Я как перестал регулярно на мотоцикле ездить, так сразу полнеть начал. Хотя и в седле

сидишь, а все физическая нагрузка. Кстати, среди служителей алтаря шутка есть, что все они полные, потому что бедные. У них нет денег в фитнес-центры ходить. Я вот думаю, мотоклуб создали, теперь надо на территории храма еще фитнес-клуб открыть. Пусть народ занимается фитнесом и худеет. И священники пусть приезжают.

Пока я соображаю, шутка все это или очередной повод для экспериментов, отец Димитрий машет мне рукой, и его мотоцикл, ревя двигателем, уносится в пыльную даль. 🍀

ВЛАДИСЛАВ ЛОНШАКОВ / КОММЕРСАНТ

РИА НОВОСТИ

Денис Терентьев

СТРАШНО ИНТЕРЕСНО

РОССИЙСКИЙ КАСКАДЕР МАРТИН ИВАНОВ ДУБЛИРУЕТ МЭТТА ДЭЙМОНА И ДЭНИЕЛА КРЕЙГА В КУЛЬТОВЫХ ШПИОНСКИХ БОЕВИКАХ ПРО ДЖЕЙСОНА БОРНА И ДЖЕЙМСА БОНДА. ВЛАДИМИР ОРЛОВ НАЧИНАЛ КАСКАДЕРОМ В СОВЕТСКИХ БОЕВИКАХ, А СЕЙЧАС СТАВИТ ТРЮКИ В «ПИРАТАХ КАРИБСКОГО МОРЯ». СРЕДИ СОТНИ КАСКАДЕРОВ, РАБОТАВШИХ НА СЪЕМКАХ «ТИТАНИКА», БЫЛО НЕСКОЛЬКО РОССИЯН. ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ТРЮКАЧИ ПРОБИЛИСЬ НА МИРОВОЙ КИНОРЫНОК, КОГДА ВОКРУГ ЗАГОВОРИЛИ О КОНЦЕ КАСКАДЕРСКОЙ ПРОФЕССИИ, КОТОРУЮ ЯКОБЫ ВЫТЕСНЯЮТ КОМПЬЮТЕРНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ.

В КОНЦЕ ЛЕТА В МОСКВУ СЪЕХАЛАСЬ каскадерская элита со всего мира: Джини Эйлер, Катрин Андерсен, Гарри Хаймс, Том Делмар, Янник Дерьян, Рио Руйтерс. В конноспортивном центре «Битца» проходил фестиваль трюкового искусства «Прометей», в жюри которого входили Джеки Чан, Арнольд Шварценеггер и президент Всемирной академии трюкового искусства Конрад Пальмизано. Здесь не раздают призов и медалей, хотя кто лучший – понятно почти всегда.

Полет американского каскадера с высоты 60 метров, совершенный несколько лет назад, обеспечил его на всю жизнь – 2 миллиона долларов оказались на персональном счете трюкача. Московский каскадер Дмитрий Пузырев исполнил сальто со 100-метровой высоты, но довольствовался малым: записью в Книге рекордов Гиннеса и уважением коллег. В «Гиннесе» отмечен и групповой трюк российской команды – прыжок с вертолета с горящими парашютами. Вот машина на скорости 120 километров в час налетела на «козу» (трамплин под одно колесо) и три раза повернулась вокруг своей оси. За ней неоднократно битый автомобиль совершил такой же прыжок на скорости 150 километров в час.

РИА НОВОСТИ

РИА НОВОСТИ

А Игорь Титов первым выполнил переворот на кабриолете. Еще один мировой рекорд установил российский каскадер, который горел в специальном костюме более двух минут. Пятикратная чемпионка страны по мотокроссу и каскадер Анна Флегонтова прыгала через взлетающий вертолет и через шесть стоящих в ряд машин. Публика в «Битце» долго аплодировала, когда из искореженных при лобовом столкновении авто вышли две дамы в белых подвенечных платьях. Кстати, обе оказались не замужем.

– С каждым годом трюки усложняются, – говорит Дэнни Пауэлл, постановщик трюков из Великобритании. – Поэтому на первый план выходят проблемы безопасности. Русские – прекрасные профессионалы, но они недостаточно думают о страховке, о мерах предосторожности. А это сегодня одна из самых важных проблем – сделать трюковое зрелище безопасным для жизни участников. – Там, где англичане и американцы берут технологиями, наши вынуждены выкручиваться за счет смелости, – говорит вице-президент Ассоциации

каскадеров России Сергей Воробьев. – Американцы изобрели безопасный для каскадера «холодный огонь», а в России нет ни программ обучения, ни специальных мастерских, ни фестивалей каскадерского мастерства, за исключением «Прометея».

Цена трюка

Первым советским фильмом, где для постановки трюков отбирали ловких спортсменов и военных, были «Смелые люди». Существует версия, будто товарищ Сталин во время просмотра голливудских вестернов воскликнул: «Какие смелые люди! Неужели у нас таких нет?» Никто не решился объяснить вождю, что среди «ковбоев» полно российских казаков, в Гражданскую войну воевавших на стороне белых. Но советский трюковой фильм сняли за несколько месяцев.

С тех пор без каскадеров не обходился ни один «военный» фильм, но все трюкачи работали почти нелегально. Все изменилось в 1965 году, когда на съемках фильма «Директор» погиб заслуженный артист РСФСР Евгений Урбанский. Приказ Госкино обязал каждого режиссера в опасных для актеров сценах использовать подготовленных дублеров. Каскадеры стали привилегированной кастой: за выполнение сложного трюка вроде падения с 5-метровой высоты исполнителю платили, по тарифной сетке Госкино, как народному артисту СССР за целый съемочный день – 56 рублей. Трюк попроще (например, получить удар в лицо) стоил 32 рубля. Участвуя в нескольких картинах одновременно, опытные каскадеры зарабатывали по тысяче рублей в месяц.

Иногда конкуренция между группами трюкачей выливалась в кровавые разборки, иногда опасности добавляла алчность членов съемочной группы. В 1977 году на съемках фильма «Срочно. Секретно. ГубЧК» помощник режиссера поставил постановщиком трюков своего брата, непрофессионализм которого привел к двум смертям.

– Секрет успеха заключается в умении опасаться любой случайности, которая может стать фатальной, – говорит глава Ассоциации каскаде-

ИТАР-ТАСС

ров «Мастер» Игорь Панин, один из организаторов «Прометей». – Каскадерская смелость основана на разумной трусости: «Если тебе не страшно, ты не каскадер. Чтобы жить, надо бояться». Прежде чем снимать трюк, надо все десятки раз просчитать и исключить всякий риск.

Глава Гильдии каскадеров Петербурга Олег Корьгин описывает, как готовится, например, полет на машине с переворотом. Внутри салона ставят каркас и распорки безопасности, «зона выживания» водителя укрепляется трубами. Нужно приоткрыть окна и прикрутить дверцы к стойкам. Потом сооружается «коза» – трамплин из 7-метрового пологого рельса. Дальше идет разгон до 90 километров в час, левый рычаг подвески насккивает на поднятый под углом, политый маслом швеллер, и кузову придается вращательное движение по часовой стрелке. Бензина в баке надо оставить всего пол-литра, а сзади поместить жидкое топливо, которое эффектно взорвется при ударе, не причинив вреда каскадеру. Хотя на съемках «Антикиллера» Корьгин выполнял подобный трюк в двух герметичных костюмах.

– Несмотря на распространенные стереотипы, каскадеры – народ как раз не рискованный: здесь как подготовишь, так и полетишь, – говорит Олег Корьгин. – Бывшие спортсмены, исполнившие на площадке пару мордобоев, часто бросают профессию после первой же травмы. Каскадером считается тот, кто отработал несколь-

ко картин и научился главному – делать свое дело основательно, десятки раз все проверив. У каскадеров есть основная этическая норма: не делать вещей, опасных для актеров, и всегда быть рядом с товарищем. Бывали случаи, когда один каскадер срывался, а второй ложился под него. А разбежаться и удариться головой о стену – не проблема. Вопрос только в том, какими будут последствия и понравится ли эффект зрителю.

Еще один стереотип: каскадеры долго не живут. Петербуржец Александр Массарский снялся в 250 картинах и недавно отметил 82-й день рождения. Это он в «Белом солнце пустыни» крошил бандитов на баркасе вместо Верещагина и вместо Абдуллы падал с цистерны.

– Однажды я чуть не погиб на ерунде: надо было закатиться под движу-

щийся поезд и выкатиться с другой стороны, – рассказывает Александр Массарский. – Но репетировали мы днем, а снимали ночью, когда темно и в глаза светят прожектора. И я вдруг понял, что не вижу колес. Это моя недоработка, некого винить. Если каскадер собрался падать с лошади, то сам он и должен просеять почву от камней в месте падения. Однажды в журнале «Советский Союз», который выходил в 120 странах, написали, будто я открыл в Ленинграде школу каскадеров. Естественно, никакой школы не было, а учились мы на собственном опыте, травмах и смертях.

Другое кино

Доходы каскадеров в российском кино на порядок ниже, чем в Голливуде и Европе. Это заметно даже сегодня, когда на трюки в отечествен-

РИА НОВОСТИ

РИА НОВОСТИ

ных «Тарасе Бульбе» и «Антикиллере» тратят по миллиону долларов.

Еще в голодные 90-е годы российские трюкачи пытались найти на Западе хоть какую-то работу. Петербургский каскадер, участвовавший в массовой очередной серии бондианы «Золотой глаз», рассказывал, что обеспечил себя материально на два года вперед. Но такое счастье выпадало не всем.

– В Америке каскадеры в конце XX века зарабатывали в среднем по 100 тысяч долларов за фильм, – говорит Олег Корытин. – И если бы мы тогда прикидывали, стоит ли за 300–800 долларов переворачиваться в горячей машине, то решили бы, что не стоит. Или шею себе сломали бы. Но упорство, смелость и фанатичная преданность своей профессии привели к тому, что профессионализм

российских каскадеров очень высоко котируется в мире.

Корытин одним из первых «прорубил окно в Европу»: теперь его коллеги активно снимаются в Австрии, Италии, Скандинавских странах. Но в Голливуд пробиться сложнее: жесткую позицию занимают актерские профсоюзы, куда входят местные каскадерские ассоциации. Тем не менее Мартин Иванов дважды получил премию «Таурис» (каскадерский «Оскар») за участие в картинах «Идентификация Борна» и «Квант милосердия» (последний фильм о Джеймсе Бонде).

Отец Мартина, Виктор Иванов, работал на «Мосфильме» в советские годы, а после распада Союза семья оказалась в Литве, где Мартин стал чемпионом страны по автогонкам. Из-за внешнего сходства с Мэттом Дэймоном его взяли вторым дубле-

РИА НОВОСТИ

ром актера в сценах автомобильных погонь.

– Поначалу глава американской каскадерской группы был недоволен, что взяли иностранца, оттаял только на третий день, – говорит Мартин Иванов. – Он называл меня «КГБ» и посадил за руль машины Дэймона, когда основной каскадер стал проявлять сомнения. Больше из-за этого руля я не выходил до конца съемок. Потом меня пригласили участвовать в новом фильме о Бонде.

Мартин говорит, что пять минут погони в «Кванте милосердия» стоили 22 миллиона долларов, при этом в фильм не вошли лучшие, на взгляд каскадера, сцены. Российским трюкачам подобные разочарования пока неведомы: наш продюсер уж если вложил, то поставит в фильм каждый взрыв или прыжок. Кстати, у многих каскадеров из России рабочей высотой прыжка считается 25 метров. На Западе боятся прыгать выше 15 метров.

В Голливуде уже никого не удивишь российскими каскадерами еще и потому, что местные теперь видят конкуренцию не в них, а в компьютерной графике. Еще десять лет назад каскадеры уверенно говорили, что сделанный вживую трюк невозможно заменить. После выхода в 2004 году фильма «Троя», где вполне успешно дебютировал первый в мире виртуальный каскадер, среди американских коллег начались пораженческие настроения. Но российские каскадеры, похоже, не переживают на этот счет. Если пройти все, что прошли они, подобные мелочи уже не беспокоят. ❶

РОДОМ ИЗ «КУЗНЕЦОВКИ»

До 1940 года производством на Рижской фарфоровой фабрике руководили сыновья Матвея Кузнецова

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Алла Березовская [Рига]

В 1810 ГОДУ КУЗНЕЦ ЯКОВ ВАСИЛЬЕВ ОСНОВАЛ НЕБОЛЬШУЮ ФАРФОРОВУЮ ФАБРИКУ В ДЕРЕВНЕ НОВО-ХАРИТОНОВО В ГЖЕЛИ, НО ОФИЦИАЛЬНОЕ ПРИЗНАНИЕ ЕГО ПРЕДПРИЯТИЕ ПОЛУЧИЛО В 1812 ГОДУ. ЧЕРЕЗ 20 ЛЕТ ЕГО СЫН ТЕРЕНТИЙ, ВЗЯВШИЙ ФАМИЛИЮ КУЗНЕЦОВ, ОТКРЫЛ ВТОРОЙ ЗАВОД – В СЕЛЕ ДУЛЕВО ВЛАДИМИРСКОЙ ГУБЕРНИИ. РИЖСКАЯ ФАБРИКА, ПОСТРОЕННАЯ В ДРЕЙЛИНИ В 1843 ГОДУ СЫНОМ ТЕРЕНТИЯ, СИДРОМ, СТАЛА ТРЕТЬЕЙ ФАРФОРОВО-ФАЯНСОВОЙ «ДОЧКОЙ» КУЗНЕЦОВЫХ.

НАИВЫСШЕГО РАСЦВЕТА КУЗНЕЦОВСКОЕ производство достигло во второй половине XIX века, при Матвее Сидоровиче Кузнецове (1846–1911). Именно он в 19 лет после смерти отца возглавил фарфоровую империю, намного увеличив ее размеры и мощь. После революции 1917 года из всей огромной фарфоровой империи Кузнецовых уцелела только фабрика в Риге. Вскоре, лишившись всех своих заводов и особняков, из Москвы в Ригу перебрались старшая дочь, Клавдия, и пять сыновей Матвея Сидоровича со всеми уцелевшими от «красного террора» членами большого семейства. В Латвии дела у них пошли неплохо, хотя жили Кузнецовы скромно и все, включая жен и старших детей, были заняты на производстве. Кузнецовы не жалели средств на социальные нужды и благотворитель-

ность. Они поддерживали латвийскую старообрядческую общину и церковь, Русский рижский театр, строили школы для рабочих завода, больницы. С их помощью при фабрике для рабочих и служащих создавались спортивные, театральные, литературные общества и кружки, была своя библиотека и даже общество борьбы за трезвость...

В рижской газете рассказывалось, как хозяин фабрики Матвей Кузнецов, желая проверить религиозное рвение своих работников, зашел в дом к одному из них и спросил: «А читаешь ли ты Писание?» Дело в том, что всем, кто поступал на завод, вручали Библию, завещая уважать веру предков. «Конечно, читаю, как можно! Каждый день!» – заверил работник. Перед уходом Кузнецов незаметно вложил между страницами 25-рублевую ассигнацию. Через ме-

сяц он пришел снова и задал тот же вопрос. Услышав опять утвердительный ответ, он взял в руки Библию и вытащил оттуда ассигнацию. «Э, соврал ты мне, сынок, если б читал – тогда бы и деньги нашел!» – С этими словами хозяин забрал купюру к огромному конфузу обманщика.

Фабричные судьбы

...Самое интересное, что и сегодня в Риге живут и здравствуют люди, которые с гордостью говорят: «мы родом из «кузнецовки». Это – потомки тех, кто в довоенные годы работал на фарфоровой фабрике, и те, чье детство неразрывно было связано с заводской жизнью.

Первой хочется назвать Татьяну Матвеевну Кузнецову – единственную живущую в Риге правнучку Матвея Сидоровича Кузнецова. Татьяне Матвеевне, которая и сама успела поработать на фабрике, сейчас 82 года. Ее родители – Матвей Николаевич и Елена Александровна – были кузенами. Матвей, сын главы компании, Николая Матвеевича Кузнецова, на фабрике работал главным химиком-технологом. Елена, дочь Александра Матвеевича Кузнецова, возглавляла живописный цех. Когда Татьяне Матвеевне было пять лет, родители развелись. Елена вышла замуж за служащего фабрики Петра Долгова, отчим и воспитал Татьяну. Из воспоминаний Татьяны Матвеевны Кузнецовой:

«Я многое помню из той далекой жизни. Мы, дети «кузнецовки», считали себя одной большой семьей. Наша жизнь была связана с фабрикой самым тесным образом. А как мы болели за нашу заводскую футбольную команду – это надо было видеть и слышать! Кстати, она считалась одной из сильнейших в Риге. На большом заводском стадионе – он располагался у реки неподалеку от нынешнего Южного моста – проходили соревнования и спортивные праздники, на которые собирались тысячи людей. Организатором чаще всего был мой родной дядя, мамин брат – Георгий Александрович Кузнецов, он отлично играл в теннис. Да и моя мама увлеклась этим видом спорта. На территории завода был клуб, где проходили турниры по настольному теннису и новусу (настольная игра, напоминающая бильярд. – Прим. ред.). Гордились мы и нашей женской волейбольной командой. Еще Кузнецовы были заядлыми театрами. Каждый год у нас дома раз-

ыгрывали новую постановку – водевиль или драму. Заводилой обычно выступал мой второй дядя – весельчак и красавец Николай Александрович. Он погиб в 1943 году от дистрофии в ссылке.

Помню и наши коллективные поездки за грибами. Завод для своих работников выделял лошадей и большие подводы, и нас всех возили в лес, возвращались всегда с полными корзинками!.. Мы с мамой и отчимом жили в 14-квартирном доме на ул. Маскавас, его в народе прозвали «шишкин» дом, потому что там в основном вся администрация завода жила. Моей подружкой детства и соседкой была Римма Панцеховская, ее папа работал на фабрике главным художником-керамистом. Римма потом стала скульптором. Часто мы с ней бегали играть на территорию завода. В общем, хорошее у нас было детство. Но оно рано закончилось, причем трагически – не дай бог кому...

23 июня 1941 года в один день чекисты арестовали моего отчима

Петра Долгова и моего отца Матвея Кузнецова. Мама была перепугана, не знала, что делать... Как рассказывают, папа в тот день задержался на работе со своим другом Георгием Кругловым, директором фабрики. В его кабинет пришли какие-то военные. Они искали диверсантов. По их словам, с территории фабрики подавали сигналы из ракет для вражеской авиации. Конечно, попавшийся им под руку папа с его фамилией оказался самым подходящим кандидатом на эту роль. Его сразу же увели в центральную тюрьму. На все наши запросы только обещали во всем разобраться. Разобрались... 27 июня, перед уходом из Риги Красной армии, они оба были расстреляны вместе с остальными заключенными. Я сама слышала по радио сообщение – враги народа приговорены к расстрелу, весь список зачитали. Мама и жена моего отца ринулись в тюрьму, чтобы найти хотя бы тела своих мужей и похоронить по-христиански. Обнаружили их во дворе со следами страшных пыток...

Моя мама еще долго была в ужасе от случившегося, саму ее от расправы Бог уберег, наверное, потому, что она сменила фамилию и стала Долговой. Всех остальных Кузнецовых, кто не успел перед войной уехать за границу, сослали на каторгу.

С тех пор мама никогда ничего не рассказывала, когда я ее спрашивала про семейство Кузнецовых, говорила – ничего не помню! Она всю жизнь боялась, что и с нами так же расправятся. Осенью 44-го мы последним поездом уехали в Германию, но потом попали в советскую зону и вернулись в Латвию. Нам долго не давали паспортов, было очень тревож-

Девочка в белом платье – Туся (Татьяна Матвеевна Кузнецова) в окружении своих бабушек и дедушек. Рига, 1938 год

Глава акционерного общества «М.С. Кузнецов» Николай Матвеевич Кузнецов (дед Татьяны) встречает в Риге иностранных гостей по русскому обычаю – с хлебом и солью. 1935 год

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

После войны Татьяна Кузнецова (справа) работала рисовальщицей на «кузнецовке»

но, но все обошлось. В Риге я опять пошла в школу, мама устроилась рисовальщицей на фарфоровую фабрику в Мангали, бывшую Эссенскую. По окончании учебы я тоже здесь работала – с 1946 года пять лет разрисовывала посуду в живописном цехе. Это был чистый конвейер, весь год я наносила один-единственный рисунок на кружках, чайниках, блюдах. Прimitив полный. Он меня потом во сне еще долго доставал – голуби, два цветочка и два оранжевых листочка...

На заводе, конечно, многие знали, из какой я семьи, но я сама об этом не говорила никому. Уволилась оттуда с большим трудом – не хотели отпускать. А мама проработала на фабрике до 1955 года. Мы с ней обе очень любили вышивать, после завода она расшивала в ателье на ул. Ленина дамские блузки, белье, платья. Я преподавала кройку и шитье на курсах, потом вязание и макраме. Сейчас вот нянчу внучку, ее называли в мою честь – Татьяной. Ей исполнилось 12 лет...»

...Сегодня потомки Кузнецовых живут в России, Америке, Австралии, Германии. Кузнецовский фарфоровый завод, который до войны был преобразован в акционерное общество, в 1997-м был признан банкротом. В 2001 году в Ригу приезжали американские и австралийские наследники фарфоровой империи. Из всего наследства им вместе с рижанами удалось отвоевать 5-этажный дом на улице Маскавас и прилегающий к

Правнучка Матвея Сидоровича Кузнецова Татьяна Матвеевна с внучкой Таней

Отец Татьяны, главный химик-технолог Матвей Николаевич Кузнецов (в центре), до войны руководил еще и заводским оркестром

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

нему участок земли. Сейчас помещение пустует, но Татьяна Матвеевна и группа поддержки, в которую входят многие известные художники и бывшие работники «кузнецовки», хлопчут о переводе сюда рижского Музея фарфора. В 2005 году ему были переданы уникальные экспонаты из музея Рижской фарфоровой фабрики.

Фарфоровый рай на улице Грешников

Когда-то в Старой Риге, на улице Грешников, был большой 2-этажный магазин кузнецовского фарфора, его взорвали немцы, уходя из города в октябре 1944-го...

Рижская учительница литературы, а сейчас – пенсионерка Надежда Федоровна Ильянок в детстве часто приходила сюда к своему папе Федору Будылину. Он работал бухгалтером в Кузнецовском акционерном обще-

стве, а на общественных началах заведовал еще и фабричной библиотекой, им же основанной и собранной. Маленькой Наденьке магазин тогда казался сказочным дворцом, наполненным невиданными сокровищами. Видя ее восхищение, папа частенько покупал специально для нее фарфоровых зайчиков, слоников, собачек, разноцветных бабочек... И не было для девочки лучшего подарка! На дни рождения, Рождество, Пасху и другие праздники сослуживцы также дарили Федору Будылину кузнецовские изделия – вазы, сервизы, пепельницы, конфетницы. Увы, почти все эти сокровища Надина мама в войну была вынуждена обменять на продукты и мыло.

Жили они в Московском форштадте, неподалеку от Кузнецовской фабрики. Здесь работал ее дедушка Николай Алексеевич Будылин. Должность

вовали сами Кузнецовы, их жены и взрослые дети. Кроме того, Будылин выписывал журналы, газеты, собирал редчайшие рукописи и старинные издания. Сам бережно шивал и переплетал их. Библиотеке он отдавал душу и сердце. В 1937 году Федор занял второе место

Общий снимок коллектива магазина на ул. Грешников и администрации фабрики по случаю юбилея – 125-летия фарфоровой империи Кузнецовых. 1937 год

в литературном конкурсе, посвященном 100-летию со дня гибели Пушкина...

Наде еще не было 16 лет, когда началась война. Когда немцы нагрянули в фабричную библиотеку, по иронии судьбы им первым делом на глаза попался роман Островского «Как закалялась сталь», на обложке которого красовались красноармейские штывки. Они тут же назвали библиотеку коммунистическим гнездом и велели немедленно уничтожить все книги!

«Представляете, мы с мамой под страхом смерти в течение нескольких дней вы-

Надежда Федоровна Ильянок, дочь бухгалтера и главного библиотекаря «кузнецовки», бережно хранит отцовские фарфоровые подарки – кузнецовские изделия

ПРЕДСТАВЛЕНО АВТОРОМ

у него была скромная, дед стоял на воротах – открывал и закрывал их по мере надобности. Тем не менее хозяева вскоре выделили ему квартиру в небольшом домике на территории завода, чтобы пожилому человеку не надо было спозаранку на работу добираться издалека...

«Хотя мне тогда было мало лет, – говорит Надежда Федоровна, – но я хорошо помню, что Кузнецовы умели отличать дельных и ответственных работников. И заботились о них».

В ее старинном семейном альбоме хранится много фотографий «кузнецовского» периода. Вот ее дед, стоящий у ворот фабрики, вот отец за бухгалтерским столом в кузнецовском магазине, он же – на юбилее главного бухгалтера. За праздничным столом собралось все высшее руководство «акционерки» – рядом с виновником торжества сидит пред-

седатель правления Николай Матвеевич Кузнецов, тут же его братья – Сергей и Александр. Федя Будылин, совсем еще юный и кучерявый, пристроился у окна. 1935 год. Расцвет кузнецовской империи в Риге. Еще ничего не предвещало беды...

Будылин с юности был страстным книголюбом, ему удалось уговорить хозяев фарфоровой фабрики основать здесь библиотечный кружок, который очень скоро перерос в огромную библиотеку. О ней знала вся читающая Рига, сюда приезжали знаменитые художники, артисты, издатели, купцы, фабриканты... И хотя молодой бухгалтер был библиотекарем на общественных началах, он самым тщательным образом вел учет всех изданий, заносил в журнал записи книжных поступлений. Эти записи до сих пор хранит его дочь. Большинство книг и журналов библиотеке жерт-

нуждены были жечь в печи эти бесценные издания, – сокрушается Надежда Федоровна. – Кое-что, конечно, мы все же рискнули и припрятали, но большую часть книг, с такой любовью собранных моим папой, пришлось уничтожить...».

Самого Федора Будылина во время разгрома его детища в Риге, к счастью, не было. За долголетнюю работу на фабрике Кузнецовы наградили его путевкой в санаторий в Феодосии, куда он уехал 30 мая 1941 года. Вернуться должен был на поезде 23 июня. Но до Латвии не доехал, начались бомбежки, и их состав отправили назад, в Россию. Вскоре отец Нади попал на фронт, после ранения был комиссован и отправлен в Саратов, где и умер от тифа за три месяца до окончания войны. А было ему лишь 44 года... ❀

РУССКАЯ ФИНЛЯНДИЯ

Любовь Румянцева [Санкт-Петербург], фото Максима Славецкого

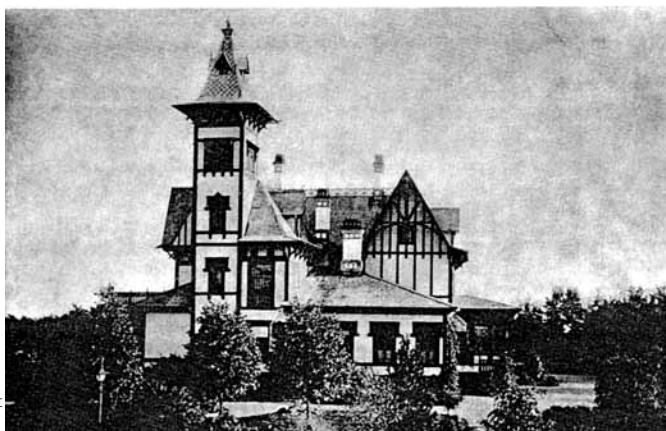
О «РУССКОЙ ФИНЛЯНДИИ» Я ВПЕРВЫЕ УСЛЫШАЛА ОТ СВОЕЙ ПРАБАБУШКИ. ОНА РАССКАЗЫВАЛА, КАК В НАЧАЛЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ, В АВГУСТЕ 1914 ГОДА, ТЫСЯЧИ ОТДЫХАЮЩИХ НА БЕРЕГУ ФИНСКОГО ЗАЛИВА ДАЧНИКОВ В СПЕШКЕ ВОЗВРАЩАЛИСЬ В ПЕТЕРБУРГ: КТО-ТО ПУСТИЛ СЛУХ, ЧТО В ЗАЛИВ ВОЙДУТ НЕМЕЦКИЕ ПОДВОДНЫЕ ЛОДКИ И БУДУТ ОБСТРЕЛИВАТЬ ПРИБРЕЖНЫЕ ФИНСКИЕ ГОРОДКИ. СЛУХ ОКАЗАЛСЯ ЛИШЬ СЛУХОМ, НО ПОДВОДЫ С «ДАЧНЫМИ» БЕЖЕНЦАМИ СОЗДАЛИ НА ПРИМОРСКОЙ ДОРОГЕ ПРОБКУ НА НЕСКОЛЬКО ДНЕЙ.

П РАБАБУШКУ ВМЕСТЕ С ЕЕ сестрами отец посадил на поезд, причем из-за огромной и паникующей толпы в поезд девочек пришлось сажать через окно.

«Вскоре наша семья эвакуировалась, а когда в 1920 году вернулись с Украины в родной город, то Финляндия уже была независимой страной, проще было попасть на Луну, чем туда, – говорила прабабушка. – Если бы я знала, что снова смогу увидеть любимый пляж в Терийоках только через 20 лет, когда мы отвоевали Карельский перешеек обратно, я бы внимательнее глядела тогда в окно поезда».

Понятие «русская Финляндия» осталось только в памяти и на бумаге, осколки этой исчезнувшей «страны» разбросаны среди лесов и озер Курортного района Петербурга и Ленинградской области. Но побывать там все-таки можно. Потому что «русская Финляндия» – это не только историко-географическая реальность, но и определенная атмосфера, дух беспечной дачной жизни, который сохранился и сегодня. Чтобы окунуться в эту атмосферу, можно воспользоваться собственным воображением и общественным транспортом. Например, сесть на автобус, идущий по Приморскому шоссе, той самой дороге, по которой

в панике уезжали дачники в 1914 году. В летнее время здесь и сейчас пробки, правда, не из повозок, а из машин. Или приехать на Финляндский вокзал, сесть в электричку и через час оказаться в другом веке. Пусть надпись на платформе и твердит, что вы сошли в пригороде Петербурга Зеленогорске, но стоит лишь закрыть глаза, вдохнуть свежий морской воздух – и вы окажетесь в финском поселке Терийоки, райском дачном уголке столичной интеллигенции «серебряного века». У Карельского перешейка нелегкая судьба: много веков его не могли поделить между собой сначала новгородцы и шведы, потом финны и русские. Сначала Финляндия вошла в состав Шведской, затем – Российской империи, и сюда нагрянули русские дачники. В XX веке снова метаморфозы: то независимость, то принудительное «советское подданство». Но, видимо, магия этих мест не исчезла после войн и переделки территории – каждый, кто оказывался среди карельских сосен и гранита, влюблялся в северную красоту всей душой. И каждый дорого готов заплатить, чтобы иметь возможность прогуливаться вдоль кромки воды, вдыхая в себя смешанные за-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Дачи начала XX века отличались экстравагантностью архитектуры. Некоторые из них сохранились по сей день...

...А вот деревянный дом в имении «Мариоки» остался только на старинных открытках

пахи моря и соснового леса. «Природа Финляндии обладает магическим свойством, – писал в своем дневнике Леонид Андреев, – вначале она не действует на вас, но чем дольше вы живете среди невзрачных финских болот, тем все глубже западает в вашу душу любовь к этому заброшенному краю. Никакие красоты Кавказа, Крыма и Волги не могут сравниться со скромной, глубоко человеческой финской природой».

В воду на каретах

...Городской пляж в Зеленогорске называется не оригинально – Золотой. Хотя осенью сложно найти хоть что-то золотое в этом северном

и неброском пейзаже. Одинокие кабинки для переодевания, пустующие скамейки, серо-зеленые волны Финского залива на фоне хмурого неба. Лишь изредка заблудший солнечный луч высветит верхушки сосен или мазнет по обветрившимся песчаным дюнам. По пустынному пляжу мы гуляем с краеведом Львом Струнским – он родился в здешних местах и знает буквально каждый камень. «Я хоть и русский, но получается, что всю жизнь живу практически в Финляндии», – смеясь, говорит житель Зеленогорска. «Терийоки всегда был курортным местом именно для русских, – рассказывает он. – Финскому городку

уже больше 450 лет, но до 1870 года Терийоки (с финского – Смоляная речка) был захолустным рыбацким поселком. Но как только провели железную дорогу, соединившую Петербург и Хельсинки, – на живописные карельские берега Финского залива ринулись дачники. На Золотом пляже сто лет назад народу было не меньше, чем сейчас!»

Кстати, проблемы у купающихся за сто лет не изменились – Финский залив славится своим мелководьем. Чтобы добраться до глубины, любителям поплавать приходится идти по колено в воде почти полкилометра. До революции подобные «прогулки» являлись большим неудобством для женщин – ведь купальников тогда еще не придумали, а идти по воде в дезабилье не могла себе позволить ни одна воспитанная девушка. Находчивые финские извозчики решили убить сразу двух зайцев: избавить дачниц от неудобного положения и подзаработать. На мелководье девушки поджидали кареты. Купальницы доезжали в них до относительно глубокого места. Карету же использовали как кабинку для переодевания.

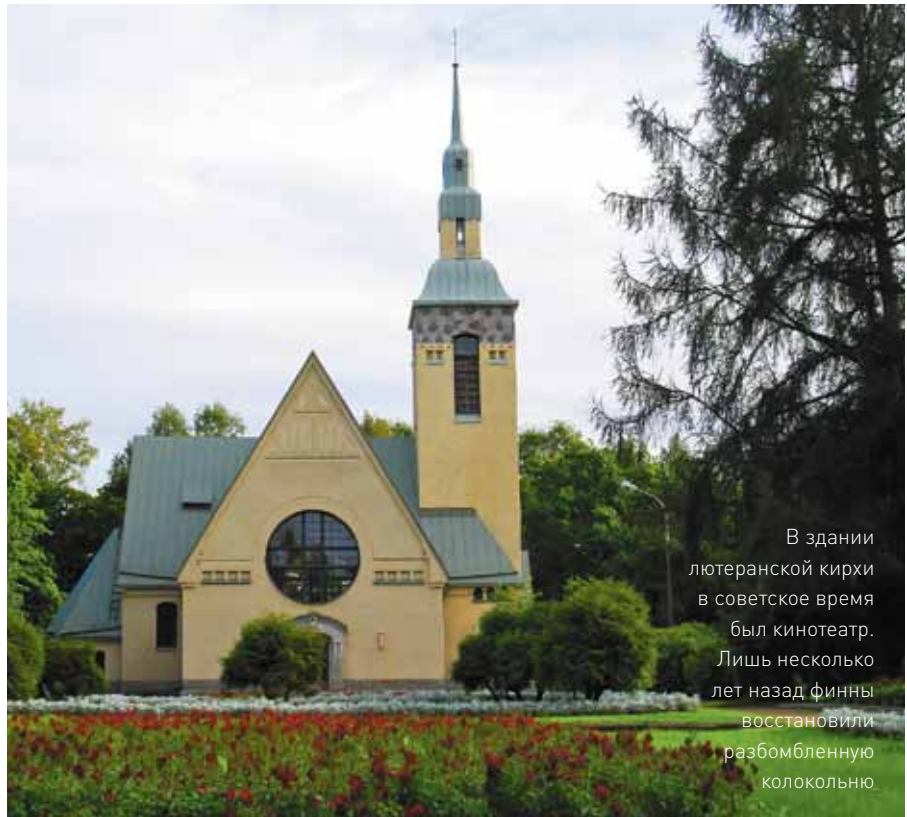
Рублевка «серебряного века»

«В начале XX века прибрежные поселки считались элитными, такой Рублевкой «серебряного века», – говорит Лев Струнский. – Участки земли в Куоккале (ныне Репино), Келломьяках (Жомарово), Оллила (Солнечное), Терийоках (Зеленогорск) шли нарасхват, как горячие пирожки. Причем придворные и высшие сановники империи исторически предпочитали селиться на южном берегу Финского залива, поближе к Царскому Селу – в Павловске, Гатчине. А северный берег облюбовала интеллигенция – в Куоккале жил Илья Репин, подальше – в деревне Вамельсуу – выстроил огромный дом с высокой башней Леонид Андреев, в соседней Найволе несколько сезонов подряд снимал дачу Максим Горький, в поселке Ино на берегу залива рисовал свои пейзажи Валентин Серов. Из политиков северный берег залива предпочли южному военный министр Куропаткин и лидер кадетов Миллюков.

Тут же отдыхали Боткин и Бехтерев. Кстати, Валентин Серов так сильно влюбился в цветовую гамму Карельского перешейка, что его сын впоследствии говорил: «Даже когда мы долгое время жили на Эгейском море в Греции и отец рисовал местные пейзажи – на холсте у него все равно получался Финский залив». Между прочим, по одной из легенд именно в Терийоках Владимир Маяковский, выезжавший «в русскую границу» на отдых, объявил рождение футуризма.

Не удивительно, что летом культурная жизнь в столице замирала – зато в Терийоках царило оживление. «Раньше на пляже возле яхт-клуба находилось казино, – показывает краевед. – В один из летних сезонов в нем выступала труппа Всеволода Мейерхольда, представления давались каждые выходные, собирая дачников со всего Карельского перешейка. Аншлаги были всегда. Кстати, в труппе Мейерхольда играла и Любовь Менделеева-Блок – дочь великого химика и жена великого поэта. Поэтому Александр Блок тоже провел одно лето в Терийоках, хотя он и не очень ладил с Мейерхольдом, у них были расхождения по части понимания искусства. Но из-за жены приходилось снимать квартиру на побережье. Забавно: от казино остался только фундамент, а вот дом, где семья Блок снимала комнаты, до сих пор стоит на Приморском шоссе. Остальная труппа снимала деревянный домик недалеко от казино. «Домик труппы Мейерхольда» сгорел лет 30 назад. Но из-за него проулок, ведущий от шоссе к пляжу, по сей день называется Театральной улицей. Хотя спроси местных дачников о природе такого «странного» названия – не скажут».

Во времена «дачного бума» Терийоки были самым популярным местом – уже к 1908 году здесь было 1400 дач (всего на Карельском перешейке «русских» дач было около 10 тысяч). Жизнь тогда чем-то походила на жизнь современного Зеленогорска – по вечерам после окончания работы паровозы везли толпы отдыхающих из Петербурга в Финляндию. Возле платформы в ожидании дачников выстраивались

В здании лютеранской кирхи в советское время был кинотеатр. Лишь несколько лет назад финны восстановили разбомбленную колокольню

Гигантская воронка – все, что осталось от огромной пушки Николаевского форта (Ино), защищавшего вход в Финский залив

десятки извозчиков (сейчас на привокзальной площади с той же целью собираются таксисты). Кавалькады из бричек и телег, отъезжающих от станции в сторону побережья, растягивались на километры и создавали настоящие пробки.

«Извозчиками работали по большей части финны, – рассказывает Лев Струнский. – Питерцы финнов называли «домашними иностранцами». Местные жители, издавна занимавшиеся тяжелым крестьянским трудом, с удовольствием перекалифицировались в прачек, продавцов, горничных, мастеровых и поваров. Очень многие на лето съезжали из своих домов, сдавая их в аренду петербуржцам. Все местное население знало русский язык, некоторые на-

столько русифицировались, что их родственникам, приезжавшим из центральной Финляндии, приходилось в разговоре переспрашивать, что имелось в виду – жители Карельского перешейка перенимали множество русских слов у своих постольцев».

Шпиль кирхи и купола церкви

О русско-финском совместном житье в Зеленогорске до сих пор напоминают два здания, расположенных в нескольких сотнях метров друг от друга, – это лютеранская кирха Преображения Господня и церковь Казанской иконы Божьей Матери. Построенные в начале XX века, чудом сохранившиеся в пе-

Церковь Казанской иконы Божьей Матери всегда была главной жемужиной как Терийок, так и Зеленогорска

Бетонные конструкции форта. Ино затеряны среди лесов побережья, и о них почти никто не знает

риоды советско-финской и Великой Отечественной войн, пережившие забвение советского атеизма и восстановленные совсем недавно, они напоминают о том, что русские и финны умели когда-то жить дружно и мирно на одной земле. Кстати, именно жителям Карельского перешейка пришлось тяжелее всех, когда дачный бум был внезапно прерван начавшейся мировой войной. Неспешная и беззаботная прелесть дачной жизни осталась в прошлом, а вскоре случилась и революция, затем последовало объявление независимости Финляндии. Из тысяч дачников остались лишь единицы – те, кто не захотел возвращаться в большевистскую Россию. Среди таких оказался и Илья Репин,

который до самой смерти жил в своем имении «Пенаты» в Куоккале (ныне Репино). Кстати, уже во времена советской власти к Репину направили Корнея Чуковского, чтобы тот на правах старинного друга уговорил художника вернуться на родину. Чуковский вернулся ни с чем: Репин отказался покидать усадьбу. Уже через много лет после смерти Репина из его дневников стало ясно: приехав с «официальной миссией», неофициально Чуковский посоветовал своему другу ни в коем случае не возвращаться в советскую Россию. «А местным жителям пришлось несладко, – рассказывает краевед. – Ведь вместе с русскими дачниками исчезли и их легкие курортные

заработки. Пришлось возвращаться обратно к сельскому хозяйству, а на неплодородных северных почвах это тяжелый и неблагодарный труд...»

Но не стоит забегать вперед. На дворе все еще начало XX века, «гости съезжались на дачу», и дача эта – имение Марии Всеволодовны Крестовской-Картавцовой на месте впадения Черной речки (Вамельйоки) в Финский залив – в нескольких километрах от Терийок. Мария Крестовская ныне забытая актриса и писательница, кто-то может вспомнить ее отца, писателя Всеволода Крестовского, автора романа «Петербургские трущобы». Имение называли «Мариоки» – в честь хозяйки, но с «финским акцентом». В этот гостеприимный дом действительно съезжались гости, причем именитые – Илья Репин, по-соседски заглядывали Валентин Серов, Владимир Короленко, общественный деятель Анатолий Кони, микробиолог Сергей Виноградский... Развлечения придумывались под стать «серебряному веку» – романтические и немного эпатажные. Так, в «Мариоках» существовала «лестница грешниц» – мраморная лестница, ведущая к усадьбе. Считалось, что грешная женщина, встав на колени и пройдя на них всю лестницу

Крест на месте разрушенной церкви в «Мариоках» поставлен совсем недавно – раньше это место называли просто «графскими развалинами»

снизу вверх – желательно на рассвете, – очистится от всех своих грехов. Существует и по сей день «родник романтизма» – каждый, кто глотнет воды из этого источника, навеки обречен на романтические и сильные чувства.

Усыпальница любви

Сейчас мало что напоминает о бурной дачной жизни «Мариок». Заросшие мхом развалины, уходящие в никуда лестницы, пересохшие чаши фонтанов. Место малоизвестно даже петербуржцам, поэтому экскурсии сюда приезжают нечасто. Но если и приедут, то обязательно увидят большой могильный камень, на котором выбиты слова: «При жизни недостаточно ценил и лелеял я тебя, дорогая Марьюшка, зато по смерти свято исполняю волю, заветы и желания твои. Твой всей душой Евгений». Когда мы остановились перед могильным камнем, рядом оказались иностранцы – как мы поняли, пожилые финские туристы. Они пытались что-то вычитать про эту могилу в своих туристических брошюрках и, видимо, ничего не могли найти. «Вы говорите по-английски? – обратился их предводитель к нам. – Не могли бы вы перевести, что тут написано? У нас вообще-то экскурсия «по местам боевых действий», среди нас есть потомки тех, чьи отцы

Таких «лестниц в никуда» на территории усадьбы сохранилось много

сложили головы здесь во времена советско-финской войны. Но эти развалины ведь к войне не имеют отношения?» Когда мы перевели надпись на камне, они заинтересовались: что за отношения связывали Maria and Evgenij, что за таинственная love story? «В народе эту могилу прозвали «Усыпальницей любви», – рассказал Лев Струнский. – Неслучайно именно к могиле Крестовской приезжают влюбленные, чтобы поклясться друг другу в вечной верности. Хотя любовь хозяев «Мариок» нельзя назвать счастливой. Евгений Картавцов был преуспевающим банкиром и предпринимателем, а Мария Крестовская одна воспитывала внебрачного сына. Евгений во всем был успешен, кроме одного: он много лет был влюблен

в жену своего лучшего друга. Он, по слухам, даже ездил в Иерусалим, чтобы там принять обет безбрачия. Когда он вернулся, знакомые познакомили его с Марией Крестовской. Женщина ему понравилась, зашли разговоры о помолвке... И тут умирает его лучший друг, а любовь всей его жизни становится свободной. Можно себе представить, какие муки выбора испытал Евгений, но в итоге он решил, что женится на Марии. После долгих поисков Крестовская нашла красивый участок земли на берегу Финского залива. И занялась хозяйством, обустроивала дом и усадьбу, выращивала цветы. Но счастья не было – Крестовская чувствовала, что нелюбима, он отдалялся от нее, хотя обеспечивал материально, а сыну жены дал блестящее воспитание. Женщина

Надпись на надгробном камне, установленном на могиле Марии Крестовской, является загадкой для несведущих туристов

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Так могила хозяйки «Мариок» выглядела до советско-финской войны – к ней съезжались молодожены со всего Карельского перешейка

пыталась отвлечься, у нее возникали мимолетные романы (один из них, с Сергеем Виноградским, по слухам, был «спровоцирован» ее собственным мужем). От постоянных переживаний Мария начала чахнуть. В 1910 году она скончалась. Когда жена умерла, Евгений Картавцов стал перечитывать ее дневники и понял, как сильно жена его любила. Евгений похоронил жену там, где она хотела бы остаться навсегда – в ее загородной усадьбе «Мариоки». Надпись на надгробном камне – след его нежности, раскаяния и любви к умершей жене. Кстати, до 1939 года финские молодожены приезжали сюда со всего Карельского перешейка. Здесь был памятник Марии Крестовской, и сделать свадебную фотографию на его фоне считалось счастливым знаком.

Бронзовая скульптура красавицы грустно глядела вдаль, а у нее в ногах сидел маленький медвежонок – изваяние любимой игрушки уже смертельно больной женщины. Сам плюшевый мишка отправился в могилу вместе со своей хозяйкой. На месте «Мариок» безутешный муж построил красивейшую церковь и часовню, выполняя завет жены. Но ни памятнику, ни церкви не суждено было сохраниться – во время войны усадьба оказалась на оборонной линии финнов, а уже в 50-е годы церковь взорвали, чтобы расчистить место для детского лагеря «Северный Артек», который так и не построили. Остались только фотографии да «графские развалины», где в советское время играли в «Зарницу» пионеры. История Марьиной горы канула в

небытие – никто и не знал, кто здесь жил до революции, а надпись на надгробном камне давала повод для всевозможных фантазий. Лишь сейчас благодаря краеведу Нине Васильевне Григорьевой восстановили историю этого места, поставили мемориальные таблички, расчистили дорожки». На камне «Усыпальницы любви» есть еще одна надпись. Евгений Картавцов так хотел быть похороненным рядом с женой, что выбил и свое имя, и дату рождения, оставив «открытой» только дату смерти. Но его желанию не суждено было сбыться – после революции Картавцов эмигрировал в Париж, где и умер. Похоронен он на русском кладбище Сен-Женевьев-де-Буа.

...Чтобы рассказать обо всех «осколках» «русской Финляндии», не хватит целого дня. Есть ведь еще и развалины форта Ино – последней и самой мощной крепости Российской империи. И дача Ильи Репина. И дореволюционные финские домики на главной улице Зеленогорска, где теперь располагаются магазины. «В советское время все «артефакты» русско-финского прошлого старательно забывались, – говорит Лев Струнский, когда мы возвращаемся обратно на станцию. – Всем поселкам дали русские названия, дачи ветшали и разрушались. О жившей тут российской интеллигенции и высокопоставленных чиновниках не упоминалось, лишь для Репина делалось исключение. Зато сейчас «оглушенная» память постепенно восстанавливается. Вернули лютеранскую кирху, где долгое время был кинотеатр, финны восстановили ее разбомбленную в войну колокольню. Отреставрировали православную церковь – жемчужину всего побережья. Да и на обывательском уровне у нынешних российских дачников нет-нет да и вспыхнет ностальгия по тем временам. Неслучайно считается особым шиком давать открывающимся отелям, ресторанам и вновь построенным коттеджным поселкам старые финские названия – Райвола, Оллила, Терийоки, Куоккала...». 📍

Антон Севрюгин, благодаря которому сохранились изображения Ирана XIX века. Здесь же могилы грузинских князей Микеладзе и Мачабели. Отдельно – обелиск советским воинам, умершим от ран и погибшим в результате несчастных случаев в Иране во время Второй мировой войны. Как правило, камни на могилах увенчаны православным крестом, но встречаются плиты с серпом и молотом – это в основном захоронения 30–40-х годов сотрудников советского полпредства, красноармейцев. Есть греческие, осетинские, грузинские, болгарские могилы. Встречаются эпитафии даже на английском языке.

В 1996 году мэрия Тегерана затеяла строительство автомагистрали, из-за которой русское, а также соседние с ним армянское, католическое и ассирийское кладбища должны были снести. Боролись за них всем миром: и дипломаты, и представители диаспор. Кладбища удалось отстоять, но у русского все-таки отрезали небольшой участок.

Несмотря на старания отца Александра, кладбище выглядит довольно заброшенным. Многие плиты заросли травой, кресты побиты, по углам – мусорные кучи. Высоким каменным забором кладбище обнесли всего четыре года назад, а до того здесь была крохотная оградка, через которую перелезали все кому не лень, ломали кресты, валили памятники.

Многие заброшенные могилы не такие уж древние, даты смерти – 50–60-е годы. Просто никого нет в этой стране, кто бы присматривал за ними. Ухоженные же могилы у тех, чьи потомки уже с трудом вспоминают о своих русских корнях. На многих плитах под православным крестом красуется затейливая персидская вязь. Надписи на русском языке часто выбиты с ошибками.

Маленькая диаспора

Когда-то во втором по численности населения иранском городе, Мешхеде, половина всех вывесок была написана на русском языке. Когда-то в богатых персидских семьях было принято посылать детей учиться в Россию, а уметь говорить по-русски в Иране считалось престижным.

Екатерина Глебова [Тегеран]

«ПОЕДЕТЕ ПО УЛИЦЕ ПИРУЗИ, ПО ДОРОГЕ УВИДИТЕ ВОЗВЫШЕНИЕ – ТАМ РУЧЕЕК КРЫТЫЙ, ПОТОМ ЗАБОР С КОЛЮЧЕЙ ПРОВОЛОКОЙ, ПОТОМ УЛИЦА НАИСКОСОК, ОТ НЕЕ РАЗВЕТВЛЯЮТСЯ ЕЩЕ ТРИ... ЕХАТЬ ВАМ НАДО ПО ПРАВОЙ – ДО УПОРА», – ОБЪЯСНЯЯ ДОРОГУ, ОТЕЦ АЛЕКСАНДР РИСОВАЛ НЕЗАМЫСЛОВАТЫЙ ЧЕРТЕЖ НА ЛИСТОЧКЕ БУМАГИ.

Н АСТОЯТЕЛЬ СВЯТО-НИКОЛАЕВСКОГО храма в Тегеране отец Александр (Заркешев) немало потрудился, приводя в порядок и сам храм, и богадельню при нем, и русское кладбище, и русскую библиотеку. С 1995 года он кормит здесь приход, проводит службы еще в двух православных храмах, а также возглавляет православную миссию в Объединенных Арабских Эмиратах.

Кресты из оникса

Это раньше, еще в конце XIX века, русское кладбище находилось на окраине Тегерана. С годами город разросся, и сегодня кладбище буквально втиснуто в густонаселенный

квартал. Оно крохотное – если не задерживаться подолгу у надгробий и крестов из оникса, обойти его можно за несколько минут.

Вот заботливо огороженный обелиск: полковник Юрий Павлович Карун. «Он служил в Персидской казачьей бригаде, – рассказывает отец Александр. – Командовал отрядами, громившими мятежников на юге страны, на реке Карун. Вот шах и дал ему это имя. А Юрий Павлович потом до самой смерти заведовал шахскими конюшнями».

Русское кладбище объединило всех. Здесь похоронен последний командир Персидской казачьей дивизии, полковник Николай Верба, неподдающему – первый фотограф в Персии,

Когда-то русские строили здесь мосты и порты, прокладывали дороги и линии электропередачи, создавали мастерские и производства...

Сегодня русское присутствие в Иране – не более полутора тысяч человек. Около тысячи из них – строители атомной электростанции в Бушере, сотрудники посольства и представительств российских компаний. Остальные – потомки эмигрантов времен Октябрьской революции (после 1917 года русские бежали в Персию через Закавказье и Туркменистан) да россиянки, вышедшие замуж за иранцев.

...У Свято-Николаевского храма ютится богадельня. Еще в 1941 году в Тегеране был создан первый дом престарелых, куда переселяли одиноких русских стариков, не имевших средств к существованию. В нынешней богадельне на первом и втором этажах живут женщины, на третьем – мужчины. Директор здесь – церковный староста Эммануил Ширани. Пенсии стариков, живущих в доме, перечисляются заведением. За некоторых платят родственники. Есть и те, у кого нет никого и ничего. Таких содержат бесплатно.

«Когда я сюда приехал, в богадельне было 8 русских стариков, – рассказывает отец Александр. – Сейчас из них остался один – дедушка Шурик. Од-

нако мы принимаем и армян, и ассирийцев – местных христиан. На 30 стариков – 25 человек персонала, четырехразовое питание, круглосуточное медицинское обслуживание».

Отец Александр приютом для стариков явно гордится: бесчисленными инспекциями иранских органов соцзащиты богадельне присвоена высшая категория.

Из своих немногочисленных прихожан отец Александр собрал Ассоциацию российских соотечественников. Всего 20 человек – потомки эмигрантов, иранские жены русского происхождения. Но на III Международный конгресс соотечественников их даже не пригласили.

«Эмиграция сохраняет себя благодаря языку и вере, – считает отец Александр. – Кто живет в отрыве от храма – теряет не только веру, но и культурные ценности. Сейчас здесь еще есть русские в четвертом поколении, которые благодаря своей вере сохранили русский язык и свою приверженность русской культуре».

«Динозавры»

«Мы как динозавры тут», – грустно шутит Андрей Юрьевич Пиленко. Он и его домочадцы – одни из последних потомков русской послереволюционной эмиграции.

Его дед – офицер инженерных войск харьковчанин Григорий Харченко – служил на туркменской границе. После революции его осудили, потом выпустили. Знакомые персы предложили: переходи к нам! Как-то ночью Харченко вместе с женой и детьми перебрался на иранскую сторону. Оставил семью на границе, а сам поехал в Мешхед, куда тогда стекались русские эмигранты. Отсидел трое суток в полицейском участке, прошел процедуру легализации. Какой-то иранец ссудил ему 15 туманов, Григорий нанял повозку и привез в город семью. Человека этого Харченко потом искал, чтобы вернуть деньги, да так и не нашел.

Дед Григорий был мастером на все руки. Первый телефон в Мешхеде монтировал он. Затем на верблюдах отправился в Белуджистан, где строил хлопкоперерабатывающий завод. В конце концов, открыл собственную мастерскую, ремонтировал дизельные моторы.

Дочери Харченко поначалу не учились, потому что школ для девочек у персов не было. Но в Мешхеде была огромная русская колония, и девочки говорили и по-русски, и по-французски, умели играть на гитаре... А когда Реза-шах разрешил иранцам снять чадру и открыл для них школы, обе девочки Харченко быстро оказались отличницами. Затем учились в Тегеранском университете: одна стала химиком, другая – акушеркой.

Другой дед Андрея, капитан артиллерии Юрий Пиленко, был из семьи потомственных офицеров, жил в Петербурге. Его отец, полковник, погиб, защищая со своими кадетами Зимний дворец. Сам Юрий после возвращения с германского фронта собрался жениться, но был арестован красноармейцами прямо в церкви во время венчания. Четыре года провел в тюрьмах, венчанную жену больше так и не увидел... Его привлекли к обучению красноармейцев артиллерийскому делу, направили в Туркестан. А когда он подготовил учеников, его и еще нескольких военспецов приговорили к расстрелу. Пиленко удалось бежать. Сначала он добрался до Мешхеда, потом перебрался в Бирджанд,

Отец Александр приводит в порядок кладбище, восстанавливает старинные склепы

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

получил персидский паспорт и начал работать гувернером у детей состоятельных соотечественников. Через несколько лет, скопив денег, уехал в Тегеран, а вслед за ним отправилась одна из его бывших воспитанниц. Она и стала его женой. В Тегеране Пиленко работал шофером в японском консульстве. В столице же родился его сын.

В Тегеране раньше было довольно много русских, молодежь устраивала вечеринки с музыкой и танцами. На одной из таких вечеринок и познакомились родители Андрея Пиленко и его сестры Марины.

Андрей учился в престижной школе, которую открыли в Тегеране итальянские священники-католики. Потом окончил инженерный факультет Тегеранского университета. Вечерами дома читал Гоголя, чтобы не забыть русский язык. Его жене Нине повезло меньше: отец рано умер, мать одна растила дочь и сына, работала с утра до вечера, времени на занятия с детьми русским языком не оставалось. Поэтому Нина говорит по-русски с явным акцентом. Когда Нина вышла замуж за Андрея, ее брат Василий женился, в свою очередь, на сестре Андрея Марине. «Обменялись братьями-сестрами», – шутят они. Русских к этому времени в Иране оставалось уже очень мало. Те, кто женился или выходил замуж за местных, принимали мусульманство и ассимилировались с иранцами.

Внуки и племянники Пиленко – четвертое поколение, родившееся и выросшее в Иране, – остались русскими благодаря бабушке и бабушке.

На русском кладбище рядом могилы потомков российской императорской миссии и соотечественниц, вышедших замуж за иранцев, забывших родной язык, но вере своей не изменивших

Алеша, Соня, Петя и Юра говорят на чистом русском языке. Сейчас Юрий и Петр уехали на Украину – работают и учатся... Алексей Пиленко учится в Австралии. Соню родители хотели бы отправить учиться в Россию, но одну молоденькую девушку отпустить бояться.

«Я ни разу не был в России, – грустно говорит Андрей Пиленко. – Мой отец два раза обращался в российское консульство, чтобы разрешили вернуться. Но в советские времена это было невозможно. Я бы тоже хотел уехать в Россию, однако пока нет механизма получения российского гражданства для таких, как мы».

Фаина Львовна

Крохотный заброшенный домик с помещением под мастерскую я искала в тегеранских переулках часа полтора.

«Спасибо шахр-дари, мы теперь имеем это жилье!» – радуется Фаина Львовна Нонияз, живущая в Тегеране уже

15 лет. Когда-то коренная москвичка вышла замуж за иранского художника, профессора-искусствоведа, которому местный муниципалитет лишь в глубокой старости выделил этот маленький домик.

В углу свалены подрамники, рядом – ящик с холстами, привезенными из России и до сих пор не распакованными. Голые стены, на электрообогревателе скворчит яичница с картошкой... «Вилок-ложек не найти, всю жизнь так живем – по-студенчески», – суетится худенькая и нервная хозяйка дома.

Ее муж окончил в Москве Суриковский институт и прожил в России 40 лет. Рисовал, выставлялся. А Фаина Львовна занималась организацией детских и подростковых клубов в Москве. Они уехали в Иран в начале 90-х, когда многие старались уехать из России хоть куда-нибудь. Фаине Львовне тогда было 55 лет. Дочь, окончившая школу в Москве, ехать с родителями отказалась. Знако-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Собор Святителя Николая был построен в Тегеране в 1945 году по проекту русского архитектора Николая Маркова. Во время закладки первого камня прихожане бросали в основание фундамента русские золотые монеты

лы разрыты, разъята стена, старинные склепы терзают до дна...» Ей 70 лет, и она ни в коем случае не хочет быть похороненной в Иране...

Светлана

Все друзья отговаривали ее от этого замужества. А вот мама, наоборот, сразу полюбила зятя. «Каждый день в нем открывались все новые достоинства, а главное – не пьющий почти молодой человек попался мне первый раз в жизни». – Света Васильева 10 лет назад познакомилась в Обнинске со своим будущим мужем-иранцем.

Оказавшись в Иране, Светлана испытала шок. «Вместо обещанной сказки – древность, ужас, грязь и эти платки, чадры. Мне постоянно рассказывали об ужасах диктатуры, о том, как пропадают люди, о том, что, не дай бог, мне когда-нибудь оказаться на улице одной, без мужчины».

Семья мужа невестку из России не приняла. «В день моего приезда свекровь по-ирански молилась, чтоб я уехала, а сама, улыбаясь, делала вид, что безумно рада моему приезду. Очень долго она рассказывала мне всякие гадости про мужа, чтоб я опомнилась и уехала, пока не испортила жизнь ее сыну и себе. Хорошо, что я тогда не знала персидский, а то б точно уехала».

Разрешение на брак молодая семья получила от иранских властей только через 9 лет, уже имея троих детей. А до того каждые полгода Света ездила из Керманшаха в Тегеран, чтобы продлить вид на жительство. Рожать двойняшек поехала домой, к маме.

Потом муж повез ее обратно в Иран. Перед этим дал своим родителям денег на покупку кроваток для малышей и попросил встретить их в аэропорту – одна коляска весила более 20 килограммов! Однако бабушка с бабушкой встречать внуков не поехали и кроватей не купили – на полу поспят! «Муж тогда сказал, что больше у него нет семьи, кроме нас, и проплакал всю ночь», – рассказывает Светлана.

Одной с двумя детьми было очень тяжело, муж работал с 7 утра и до позднего вечера. Кроме того, у молодых

мый иранский купец возвращался обратно в Тегеран и разрешил бесплатно погрузить в пустой трейлер нехитрый скарб: картины, книги... Загрузились сами и ехали в Персию целую неделю на ящиках.

«Для меня главное – служение искусству», – повторяет Фаина Львовна. Тонкими пальцами хозяйка нервно обхватывает кастрюльку с какао, приготовленным на том же обогревателе. Она отказалась принимать мусульманство даже формально. Поэтому их брак в Иране официально не признается. Из-за этого, когда истек российский паспорт, иранского ей не дали. Фаина Львовна оказалась на положении нелегала. «Я подала в суд, я сказала им, что они нарушают все международные нормы, что нельзя заставить человека изменить веру». Судьи махнули рукой, а в начале 2000-х российское консульство исхлопотало ей новый паспорт. Но в России Фаина Львов-

на со дня отъезда так и не была. Нет денег. Телевизора у семьи художника тоже нет, как и телефона. Дочь, по словам Фаины Львовны, одна в Москве работает на трех работах и сама нуждается в помощи.

Через консульство ей удалось выхлопотать в России пенсию, но получить деньги ни разу не довелось – санкции. Сейчас вот вновь оформляет бумаги, чтобы дочь могла пересылать ей эту пенсию в Тегеран.

«У нас здесь много друзей. Одна женщина как-то на Рождество привезла нам плитку – буквально спасла от холода. Другая протянула из своей квартиры шланг с водой: когда нам дали этот дом, здесь даже воды не было», – смеется Фаина Львовна. Она ходит в русскую церковь, пользуется библиотекой при храме, вместе с другими русскими протестовала, когда в городе строили дорогу и теснили русское кладбище. По этому поводу написала стихи: «Моги-

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

Потомки царских офицеров Пиленко и Харченко – Андрей с женой Ниной и дочкой Софьей, Марина с сыновьями Петром и Юрием

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

родителей оказались разные взгляды на воспитание детей. Начали сильно ссориться, даже обратились за помощью к психологу. И решили родить еще одного малыша. «Все же я бы не променяла своего мужа ни за что, он нас любит до безумия и ради нас готов на все», – говорит Света. Сейчас она работает в Бушере – единственный косметолог на АЭС, свободно говорит на фарси, но своей себя в Иране все равно не считает. «Я сюда приехала на 10 лет, как в ссылку, и срок свой выдержала сполна, – заявляет она. – Дети у меня совершенно русские, плохо говорящие на персидском, мой муж не считает нужным приобщать их к иранской культуре. Он говорит, лучше в России под мостом, чем в Иране в хоромах».

Ольга

Она познакомилась со своим мужем в Ташкенте, где преподавала русский язык иностранным студентам. «Персы умеют очень красиво ухаживать за девушкой», – улыбается Ольга Русских. Через год знакомства пара решила ехать к Хемаду в Тегеран, но для этого нужно было пожениться. В посольстве Олю предупредили, что Иран сильно отличается от Узбекистана и, возможно, ей будет тяжело там жить. Поэтому ей предложили сделать гостевую визу – поехать посмотреть, что и как. Она считает, что это правильно: дается возможность не натворить ошибок.

Семья и друзья отговаривали ее: он тебя сразу же сдаст в гарем, грозили ей. «Но я была уверена в человеке,

который увозит меня туда. Я знала, что он меня не обманывает. Пока мы встречались, я познакомилась с его отцом, который часто приезжал в Узбекистан, я знала друзей мужа, знала их русских жен, которые развеяли все мои страхи об Иране», – говорит она. Тем не менее она ожидала увидеть пустыню, женщин в паранджах и безлюдные улицы. «Множество машин, пробки на дорогах, кругом магазины, толпы людей, зеленые парки, огромные мечети и все остальное сразу же изменили ту картинку, – улыбается Ольга. – Здесь хороший климат, можно выезжать за город и кататься на лыжах, можно поехать на Каспийское море или на Персидский залив. Из отрицательных впечатлений – в Иране нет многих международных компаний, так как на это государство наложены санкции. Очень трудно высылать деньги из Ирана за рубеж, здесь нет VISA-card, нельзя ничего заказать через Интернет».

Она уважает культуру мужа, но иранкой себя не считает. «Я русская и горжусь этим», – говорит Ольга. В семье мужа к ее культуре относятся с пониманием: отмечают христианский Новый год, на Пасху красят яйца. Оля прекрасно знает фарси, но разговаривает с мужем на русском языке и хочет, чтобы их будущие дети знали русский. «Конечно, я скучаю по своей стране, – признается Ольга, – но не скажу, что мне плохо живется в Иране. Здесь я преподаю в британской школе, хожу на курсы французского языка, занимаюсь йогой, провожу время с русскоговорящими друзьями, в

В 2010 году российское посольство после долгого перерыва возобновило встречи соотечественников

ПРЕДОСТАВЛЕНО АВТОРОМ

принципе, делаю все то же самое, что и у себя на родине, только не вижу своих близких, но есть Интернет и телефон, это отчасти решает проблему. Родина останется родиной навсегда, но быть рядом с любимым человеком для меня важнее. И счастливым человеком можно быть везде, главное, этого захотеть». Жены из бывшего СССР популярны у иранцев. И это – одна из забот российского консульства. «Если россиянка обращается в консульство за справкой об отсутствии брака в России, скорее всего, это означает, что она собралась замуж за иранца. В таких случаях мы стараемся ей заранее рассказать об особенностях иранского семейного законодательства», – объясняет исполняющий обязанности заведующего консульским отделом посольства России в Иране Олег Ишмухаметов.

Часто невесты даже не подозревают о существовании в Иране так называемого временного брака – сизг. Те, кто не знаком с иранскими особенностями, могут оказаться у разбитого корыта. Сейчас, например, консульство помогает россиянке из Поволжья, которая вышла замуж за иранца, родила ему ребенка, а когда приехала в Иран – оказалась выброшенной на улицу. Ребенка отец забрал себе, и вот уже больше года мать судится с бывшим мужем, пытаясь получить хотя бы право опеки над малышом.

Мы хотим быть русскими

Когда-то в Тегеране был Центр советско-иранской дружбы. Сейчас его нет, но нынешней весной впер-

вые за несколько лет консульство организовало встречу россиянок, живущих в Иране. Женщины откликнулись с большим энтузиазмом, многие пришли на встречу с мужьями. «Эта встреча для нас как глоток воздуха, – призналась одна из молодых мам. – Я полгода просидела в Тегеране в четырех стенах квартиры, даже поговорить не с кем». Разумеется, у россиянок было немало вопросов к организаторам. В первую очередь всех волновала возможность обучения детей в российской школе при посольстве. Или хотя бы участие в кружках, факультативах. «Ну и что, что мы уехали, мы хотим быть русскими», – выразила общую мысль Оксана из Уссурийска.

Следующей по степени важности стала проблема трудоустройства. В Иране очень высокий уровень безработицы, да и по традиции здесь не очень приветствуется работающая жена и мать. Правда, отдельные соотечественницы умудряются решать и эту проблему: одна открыла балетную школу для детей, другая – косметический салон...

«А я хочу взять на работу русскоязычную сотрудницу, но не знаю, куда обратиться, – вмешался в разговор женщин иранец Хамид Мотаги. – У меня своя фирма, мы сотрудничаем с Россией». Жена Хамида, россиянка Елена, рассказала, что они с мужем на чистом энтузиазме создали российско-иранский сайт, куда все желающие найти работу могут присылать свои резюме.

Предложений у россиянок очень много: создать библиотечный фонд с литературой на русском языке, проводить регулярные встречи и отмечать российские праздники, открыть для детей и взрослых мини-театр. «Мы постараемся по возможности договориться о каких-то регулярных мероприятиях», – заверил Олег Ишмухаметов. Директор школы при посольстве посоветовал на то, что небольшое помещение школы просто физически не в состоянии принять всех желающих учиться по-русски.

В ходе общения россиянки сделали главный вывод: достижение желаемого зависит в том числе и от их собственной активности.

В канун 65-й годовщины победы в Великой Отечественной войне российское диппредставительство вновь организовало встречу соотечественников. Посол России в Иране Александр Садовников, выступая перед собравшимися, поздравил их и отметил: очень важно, чтобы соотечественники, оказавшиеся в силу разных причин за пределами России, не чувствовали себя оторванными от родины, сохраняли в своей среде национальную культуру и язык, поддерживали отношения друг с другом. Посольство намерено сделать подобные встречи соотечественников регулярными.

P.S.

В общем-то немного надо, чтобы дать почувствовать соотечественникам в Иране, что Россия помнит о них и готова позаботиться в случае нужды.

Ведь так легко компании «Аэрофлот» подарить билет Тегеран–Москва–Тегеран Фаине Львовне Нонияз.

Совсем несложно российским компаниям, работающим в Иране, раз в месяц пожертвовать 100–200 долларов на приведение в порядок русского кладбища и библиотеки.

И разве так уж трудно соответствующему департаменту МИДа рассмотреть вопрос о предоставлении российского гражданства семье Пиленко – хотя бы в награду за сохранение ими русского языка и русской культуры в четырех поколениях... ❀

Михаил Юрьев

ЧУТКИЙ ХУЛИГАН-АЛКОГОЛИК С ХВОСТОМ И РОГАМИ

СПОРЫ О СУЩНОСТИ И ОСОБЕННОСТЯХ РУССКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА, О ЗАГАДКАХ РУССКОЙ ДУШИ И, ГЛАВНОЕ, О ТОМ, ЧТО БУДЕТ ДАЛЬШЕ СО СТРАНОЙ И НАРОДОМ, ВЕДУТСЯ НЕ ТОЛЬКО У НАС. ЗАНИМАЮТ ЭТИ ВОПРОСЫ И ЗАПАДНЫЕ УМЫ. НО, К СОЖАЛЕНИЮ, ПОЧТИ ВО ВСЕМ, ЧТО КАСАЕТСЯ РОССИИ, ЗАПАДНОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ СОЗНАНИЕ ТРУДНО СРАВНИВАТЬ С ПИГМАЛИОНОМ, А СОЗДАННЫЕ ИМ ТВОРЕНИЯ – С ПРЕКРАСНОЙ ГАЛАТЕЕЙ.

Д ОВЕЛОСЬ МНЕ КАК-ТО ПОПАСТЬ в Сальвадор, где лет сорок не видели живого человека из Москвы. В Союзе вовсю бушевала перестройка, уже обрушилась Берлинская стена, в Европе стал входить в моду образ диковатого, но доброго русского, которого требуется обучить манерам и демократии. А в международном аэропорту Сан-Сальвадора толпа экзальтированных дамочек вполне серьезно пыталась выяснить, в какую штанину я запикиваю хвост – правую или левую. Хотите верьте, хотите нет, но это не гротеск и не метафора. В Центральной Америке в то время все еще господствовал привнесенный с севера стереотип начала холодной войны, в соответствии с которым русские, как исчадия ада, должны быть непременно снабжены атрибутами дьявола – рогами, копытами и хвостом. Десяток лет спустя, опять же не без влияния с севера, образ русского там претерпел изменения – рога и хвост отвалились, однако легкий запах серы ощущается до сих пор.

«Куба либре» против водки

Многие наши национальные черты воспринимаются на Западе в лучшем случае как курьез, но чаще – как угроза собственному образу жизни или как иллюстрация к худшим стереотипам русского характера. Например, и американцы, и европейцы всерьез полагают, что безудержное пьянство – неотъемлемая русская черта и что русские пьют даже больше мексиканцев, а напившись, буйствуют и совершают революции. Надо сказать, многие наши соотечественники, особенно те, кто впервые оказывается за рубежом, поддерживают это заблуждение, действительно напиваясь и буйствуя. Вот революций они пока, правда, не устраивают. Но от них этого ждут и потому боятся и не любят.

На самом деле русские пьют немногим больше, чем, скажем, в Соединенных Штатах. По данным Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), уровень потребления спиртных напитков в стране начинает представлять национальную опас-

ность, если на душу населения потребляется более 8 литров алкоголя в год (в переводе на чистый спирт). По ориентировочным данным, реальное потребление алкоголя в России составляет около 15 литров на душу населения в год. То есть вроде бы правы они – пьет Россия и скоро, похоже, сопьется с круга. Но давайте посмотрим, как обстоят дела на Западе. По статистике той же ВОЗ, около 10 процентов населения США в возрасте 18 лет и старше пребывают в различной стадии алкогольной зависимости. Около 23 миллионов жителей Европы сегодня относятся к категории людей, зависимых от алкоголя. Ущерб от европейского алкоголизма эксперты оценивают приблизительно в 68 миллиардов евро. Конечно, нам от этих статистических выкладок не легче, и наша проблема не становится проще от того, что в Штатах тоже здорово пьют. Но и покорно носить лавры «мировых алкоголиков» нам, наверное, тоже не стоит.

Моим соседом по лестничной площадке в Нью-Йорке был так называемый средний американец. Джереми командовал бригадой мойщиков окон в высотках, а в свободное время и, в особенности, по выходным – философствовал. Причем не только о смысле бытия. Джереми подвергал умозрительному анализу любое жизненное явление, на которое падал его взгляд. Научной методе соседа были свойственны два обязательных элемента – наличие собеседника и крепкий алкогольный коктейль. В собеседники он чаще всего избирал меня: во-первых, сосед всегда под рукой, а во-вторых, Джереми вычитал или, скорее, подсмотрел в фильмах, что русские обожают самокопание, то есть в его понимании – философию. Что же касается коктейлей – как-то я решил подсчитать их количество. Не совсем этично, конечно. Однако, учитывая, что Джереми редко являлся на философские вечера со своей бутылкой, я почел себя вправе произвести такой анализ. Заправлять свои «Куба либре» он предпочитал сорокаградусным белым доминиканским ромом, разбавляя его кока-колой и лимонным соком. О политике мы

ОКСАНА НОВОЩИЦКАЯ

говорили редко. Политику Джереми презирал. Итак, по моим наблюдениям, сосед среди недели после работы успевал прикончить 3–4 «Кубы», а по выходным заглаживать не менее 8–9 полноценных порций. «Полноценных» означало 60–70 граммов рома на стакан. Вот и считайте...

При этом никто вокруг не почитал его алкоголиком и конченным человеком. Более того, вся наша общая с Джереми компания снимала стрессы именно таким образом. Скажете, компания подобралась соответствующая? Нет, вполне рядовая для Нью-Йорка компания, где «всякой твари по паре» – две англосаксонские пары, пуэрториканка и индеец, канадский француз с подружкой из Пакистана и одинокий русский. Алкоголиком они считали меня. Причем за то, что я предпочитал во время наших вечеринок пропустить 2–3 рюмки чистой водки и закусить их жаренной на гриле сосиской, вместо того чтобы накачиваться коктейлями до и после трапезы. Для западного человека пить крепкий алкогольный напиток, не

разбавляя его содовой, тоником, соком, колой, «спрайтом» и т.д., и есть самый главный признак отчаянного пьянства. С точки зрения моих приятелей, я «пил, как казак», но ничего иного они и не ожидали от русского, затерявшегося в каменных джунглях Нью-Йорка.

Вообще, незнание нашей культуры и истории, непонимание и неприятие наших ценностей, нашего образа мышления серьезно искажает восприятие российских реалий западным обывателем.

Например, в среде испаноязычных предпринимателей по обе стороны Атлантики бытует уверенность в том, что русские вороваты, жуликоваты, нечисты на руку и обязательно обманут, если предоставить им хоть малейшую к тому возможность. В офисе одной чилийской турфирмы, отправляющей группы аккуратных старичков и старушек в Россию, читаю в инструкции для путешественников: «Воровство в России считается вполне достойным занятием до тех пор, пока воры не попались (очевидно, это вольный пере-

вод русской пословицы «Не пойман, не вор»). Этот порок сталкивается с общественным порицанием, только когда жертвами преступления становятся родственники, друзья, знакомые или известные личности. Издавна в России воровство полагается главным элементом отдельного искусства, называемого «умение жить». Инструкцию писал, безусловно, знаток российской действительности. Там легкими штрихами были намечены еще темы организованной преступности и рэкета. Далее сообщалось, что русские невоспитанны, грубы и в массе своей не знакомы с основными нормами общественного поведения. Турфирма в восторженном упоении рубила сук, который приносил ей пусть небольшой, но твердый доход. Ехать в Россию, представленную в этой брошюрке, не хотелось, несмотря на подробное описание архитектурных красот Санкт-Петербурга, Москвы и городов «Золотого кольца».

«Эти странные русские»

Только через несколько месяцев жизни в Нью-Йорке мне удалось понять, что американцев крайне раздражают те свойства нашего национального характера, которыми мы очень гордимся, – участие, сочувствие, сопереживание, готовность прийти на помощь, побросав все свои дела. Иными словами, чуткость. На Западе эти качества трактуются как беспардонность, невоспитанность, стремление совать нос в чужие дела и наглое нарушение священного понятия privacy. Именно из-за непонимания мотивов поведения русского человека его считают и показывают в западном кино, особенно в голливудском, дикарем и вандалом.

Помню, как тяжело и, боюсь, на всю жизнь была шокирована общением с русскими взрослая половина семьи моих американских друзей. В выходной мы решили прогуляться по пляжу от Брайтона до Лонг-Айленда и посидеть там в каком-нибудь заведении. День выдался хмурым, с океана задувал пронизывающий холодный ветер, время от времени налетал мелкий моросящий дождь. Погода для прогулок была явно неудачной, и на

знаменитом брайтонском променаде – деревянном помосте, который тянется на несколько километров вдоль пляжа, – было безлюдно. Обычно там прохаживались и лузгали семечки Одесса, Мелитополь и Жмеринка в кримпленовых платьях и шерстяных польско-чешско-гэдээрских костюмах сереньких тонов. Там же фланировали Москва, Ленинград и крупные города Сибири в «варенках» китайской выделки. Впрочем, столицы старались не смешиваться с окраинами и держали себя спесиво и претенциозно. Отдельными фарватерами ходили Кавказ и Прибалтика.

Мы, несмотря на непогоду, упорно продвигались вперед, а шестилетние белоголовые мальчишки-близнецы моих друзей с восторгом гонялись за грязно-серыми змейками подсолнечной шелухи, которую завивал поземкой по помосту океанский ветер. Вдруг стремительно налетело на нас что-то белое, большое, тяжелое и громко сопящее. Белый бегемот! Но потом я разлил адел кружевную наколку в рыжем хаосе на голове, фартук, пышные фонари на рукавах блузки и догадался, что это официантка из небольшого русского кафе, мимо которого мы как раз проходили. Пока американцы стояли, застыв от изумления, официантка схватила мальчишек за руки, развернулась к нам мощной спиной и поволокла детей в кафе. Когда и мы вломились туда, мальчишки уже с восторгом поглощали горячий шоколад и уплетали пирожки с яблочным повидлом. Официантка, подмяв под себя тонконогий стул, умиленно созерцала их, подпирая могучей рукой собравшуюся в крупные складки щеку. «Ото ж моя дура вышла за русского и родила тоже ж двоих беленьких та малэсеньких, – завидев нас, пропела она мелодичным суржиком. – А он, дочкин муж, в Америку нэ хоче, ему там, у том Днепропетровске, медом помазали... Так мы с дидом внучков и нэ бачим...». В ответ на гневную тираду моего друга, которую она, к счастью, почти не поняла, днепропетровская бабушка заявила вполне менторским тоном: «А що ж у их диты по холоду и бээ шапочек! На такой ветрюге дитё враз захвораэ, если його горячим не

попоить!» Деньги за шоколад и пирожки она брать отказалась. Американцы долго еще обсуждали между собой это невероятное приключение, случившееся с ними в «маленькой России». Да и до сих пор они при случае вспоминают его и рассказывают непосвященным со смешанным чувством ужаса и восторга.

Загадки русского характера

Еще западным людям совсем непонятно наше вольное обращение с законом. Вообще, с правилами и установлениями. Объяснять им, что в России законы исторически принимались и принимаются исключительно с тем расчетом, чтобы приказному жилось легче и интересней, – себе дороже. Все равно не поймут, а времени и усилий потратишь уйму.

Пако Понсе, давний знакомый, мексиканский журналист, которому я помогал ориентироваться в Москве, немного оглядевшись в столице, начал задавать вопросы. Неудобные. Главное, мексиканцев тоже нельзя назвать примером законопослушания – не немцы или японцы. Однако в Мексике «объегорить» закон не считается доблестью или признаком ловкости в делах, но преступлением, достойным общественного порицания. Конечно, «объегоривают», однако без восторгов – если вам пришлось в голову, например, во время застолья похвастаться подобными подвигами, можете быть уверены: обязательно донесут. И через заградительные барьеры там никто не прыгает, если их поставили и написали: «Проход закрыт». Потому Пако и спрашивал. «Мигель, – задумчиво говорил он, рассматривая толпу студентов в одном из бесчисленных коридоров главного здания МГУ, – что там написано на стене?» «Написано там «Не курить», – вздыхал я, уже догадываясь, в чем дело. «Почему же они курят и никто их не останавливает?»

Ну, что тут ответишь! Пако живо интересовался, почему на получение водительских прав у нас выстраивались невероятные очереди и почему при простом акте купли-продажи автомобиля нужно зани-

маться сложной бюрократической процедурой снятия и постановки на учет «транспортного средства»? Отчего все присутственные места, куда нужно собирать и сдавать кучу бумаг, открыты только по рабочим дням и в рабочие часы?.. Он был крайне удивлен, познакомившись с понятием «отпроситься с работы»... Таинственной и даже в чем-то сакральной казалась ему непоколебимая убежденность большинства русских в том, что если закон говорит «нельзя», то вот как раз ему-то, Ивану Сидорову, можно...

Все эти открытия Пако пытался квалифицировать, рассортировать и осмыслить. Придать им некую логическую форму. Но в конце концов махнул рукой и списал все на загадки русского характера.

«Мрачные русские», «угрюмые русские» – такие характеристики, пребывая на Западе, слышишь постоянно. И действительно, у русских не принято улыбаться посторонним или постоянно демонстрировать дружелюбие. Плохая ли, хорошая, но такая в России сложилась поведенческая традиция. У нас «смех без причины – признак дурачины»: неизменная готовность улыбаться, считающаяся требованием хорошего тона в США, в России рассматривается как знак глупости. Наверное, поэтому Михаилу Задорнову так весело издеваться над американцами с их вечными фарфоровыми улыбками.

Словом, мы – разные, мы – непохожие не только в наших внешних проявлениях, но и в образе мыслей, в оценках, во взглядах на мир. Может ли это обстоятельство и сегодня служить причиной антагонизмов, неприятия, нетерпимости? Как показывает практика межличностных отношений, к сожалению, может, хоть на дворе и не раннее Средневековье. Что делать? Для ответа на этот вопрос не нужно, подобно Николаю Гавриловичу Чернышевскому, писать роман-прокламацию революционных перемен. Достаточно одной фразы: «Проявлять толерантность и стремиться понять друг друга». Впрочем, выполнение такого совета будет посложнее организации революций – придется менять мышление и нам, и Западу. ❧